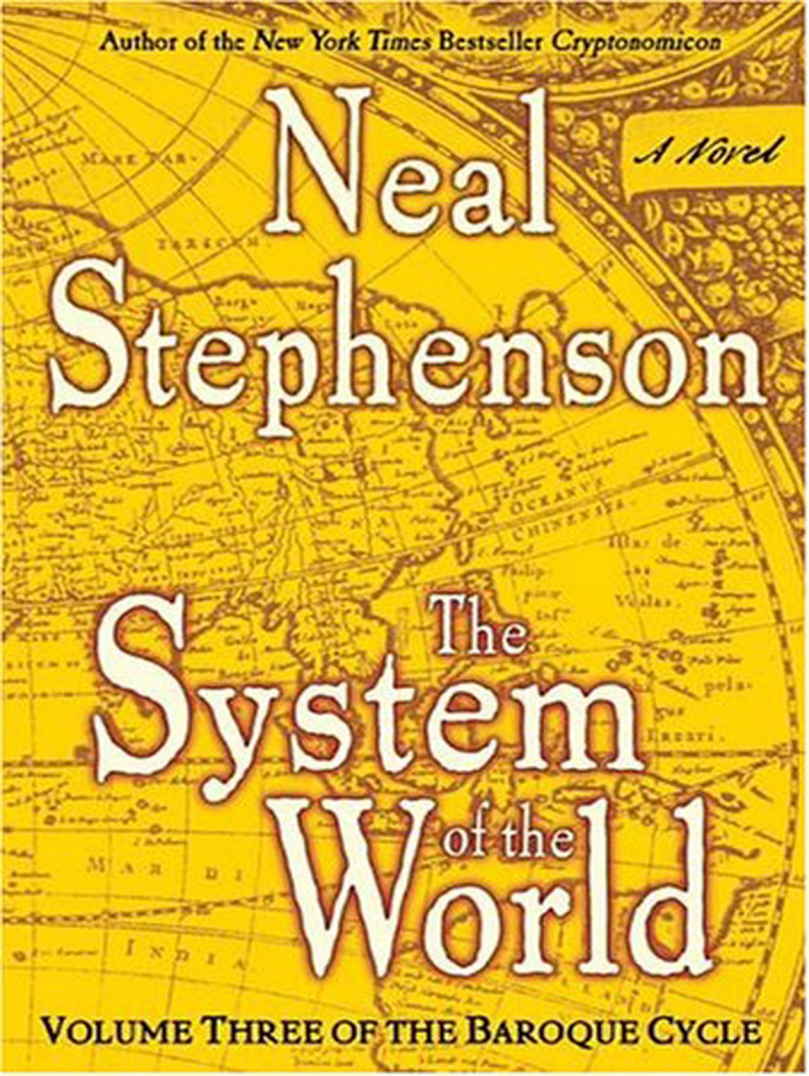
Author of the New York Times Bestseller Cryptonomicon
A Novel
Neal Stephenson
The System of the World
Volume Three of the Baroque Cycle

Система мира
Нил Стивенсон

Аннотация
Нил Стивенсон. Система мира
Мальборо-хауз. утро среды, 4 августа 1714
Храм Вулкана. часом позже
Клуб «Кит-Кэт». часом позже
Верфь Орни в Ротерхите. утро 13 августа 1714
Суррей. перед рассветом, 15 августа 1714
Библиотека Лестер-хауз. утро 18 августа 1714
Лондонский мост. на следующий день
Гринвич. месяц спустя (18 сентября 1714)
Дом Роджера Комстока. 3.30 ночи, четыре дня спустя (22 сентября 1714)
«Замок» Ньюгейтской тюрьмы. 29 сентября 1714
«Чёрный пёс» в Ньюгейте. 4 октября 1714
Флитская тюрьма. ранний вечер 5 октября 1714
Трактир Флитской тюрьмы. вечеринка пивного клуба (четверг, 14 октября 1714)
Под свинцовым гнётом во дворе Ньюгейтской тюрьмы. 20 октября 1714
Вестминстерское аббатство. 20 октября 1714
Двор Олд-Бейли. 20 октября 1714
Тауэр. вечер 20 октября 1714

Письмо. 20 октября 1714
Минт-стрит в Тауэре. Сумерки 20 октября 1714
Письмо. 20 октября 1714
Подвал смертников Ньюгейтской тюрьмы. 20 октября 1714
Виселицы на Тауэрском холме. рассвет, 22 октября 1714
«Замок» Ньюгейтской тюрьмы. 23 октября 1714
Клеркенуэлл-корт. утро 23 октября 1714
Часовня Ньюгейтской тюрьмы. 24 октября 1714
На середине Чипсайда. рассвет, 25 октября 1714
Ют «Минервы». полдень, вторник 26 октября 1714
Храм Вулкана. среда, 27 октября 1714
Ньюгейтская тюрьма. 28 октября 1714
Дом сэра Исаака Ньютона на Сент-Мартинс-стрит. вечер четверга 28 октября 1714
Пятница. 29 октября 1714
- Вестминстерское аббатство. утро
- Часовня Ньюгейтской тюрьмы
- Новый двор, Вестминстер
- Каменная наковальня, Ньюгейт
- Испытание ковчега
- Двор Ньюгейтской тюрьмы
- Звёздная палата
- Церковь Гроба Господня

Звёздная палата
Холборн
Звёздная палата
Эпилоги
Дом Лейбница в Ганновере. ноябрь 1714
Сады Трианона в королевском дворце Версаль
Бленхеймский дворец
Каролина
Корнуолл
Здесь заканчивается «Барочный цикл»
Послесловие

Аннотация

Алхимия и герметика.

«Королевское искусство» и «искусство королей». Загадочная наука, связавшая в прочную цепь магов и авантюристов, философов и чернокнижников.

Алхимиков то принимали как равных, то жгли на кострах Святой инквизиции.

Перед вами — история одного из ПОСЛЕДНИХ АЛХИМИКОВ Европы.

Продолжение истории охоты за «золотом царя Соломона» — вожделенной мечтой адептов «королевского искусства», в которой принимают участие Ньютон и Лейбниц, Уотерхауз и Томас Ньюкомен.

История тайн и приключений, чудес и мистических открытий.

Третья книга «Барочного цикла», открывшего читателю новую грань таланта Нила Стивенсона.

Нил Стивенсон
Система мира

Остаётся изложить, исходя из тех же начал, учение о строении системы мира.

Ньютон, «Математические начала натуральной философии»[1]

[1] Примечания: 1
Перевод А. Н. Крылова.

Мальборо-хауз
утро среды, 4 августа 1714

Торговцы знают, что памфлеты вигов продаются лучше, так щедры они на скандалы и ложь.

Из письма к Роберту Гарлею, 1-му графу Оксфордскому, приведённому в книге «Мальборо. Его жизнь и время», сэра Уинстона Черчилля, том VI.

Церемония утреннего туалета была придумана Людовиком XIV и, подобно другим нововведениям Короля-Солнца, возмущала добропорядочных англичан, знавших о ней лишь по страшным рассказам, как версальские придворные продают невинность своих дочерей за право подержать рубашку или подсвечник на одевании монарха. Вот всё, что Даниель слышал об этом обычае до девяти часов утра четвёртого августа, когда посыльный отыскал его в Крейн-корте и огорошил известием, что он, Даниель, вместе с полудюжиной других господ приглашён на первое лондонское левэ герцога Мальборо, которое имеет состояться через час.

«Однако моё собственное левэ ещё не закончено», — мог бы ответить Даниель, вытирая овсянку с небритого подбородка. Вместо этого он велел посланцу ждать внизу, пообещав, что скоро спустится.

Перед домом Мальборо толклись несколько сотен англичан — слегка выдохшийся остаток упоённой толпы, с пением сопровождавшей его вчера по улицам Лондона в подобии римского триумфа, наскоро сымпровизированного неуправляемым плебсом.

Герцог и герцогиня были в Дувре вечером второго. Весь вчерашний день они ехали через Рочестер и другие города, лежащие по дороге к Лондинию, где их встречали только что не королевскими почестями. За это время многие знатные виги успели пристать к процессии, а многие простолюдины — выстроиться на Уотлинг-стрит. У Даниеля даже зашевелились сомнения: что, если слухи, давно распространяемые ториями, верны, и Мальборо действительно второе пришествие Кромвеля? Теперь он пригласил на своё первое левэ Даниеля, который ещё помнил, как ребёнком сидел у Кромвеля на коленях.

Рядом с Сент-Джеймским дворцом, похожим на свалку архитектурных элементов, Мальборо-хауз

смотрелся вполне прилично. Ограда дворца, подобно исполинскому железному ситу, впускала одних (в данном случае Даниеля) и отцеживала других. По внешнюю её сторону намело целые человеческие сугробы; любопытствующие жадно глядели внутрь, втиснув между прутьями лица. Выбираясь с помощью слуги из экипажа и идя к парадным дверям, Даниель гадал, многие ли из зевак его знают и мысленно свяжут с безжалостным пуританским военачальником. Среди них наверняка затесалось немало шпионов тори — уж они-то наверняка Даниеля заметили и про связь с Кромвелем вспомнили. Вероятно, с тем его сюда и пригласили: чтобы сделать всей партии тори смутно-угрожающий намёк.

Ванбруг переделывал дворец с расчётом, что герцог останется здесь надолго. Многие работы были ещё в самой грубой стадии, так что слуга вёл Даниеля под лесами, между штабелями досок и кирпичей. Однако чем дальше, тем более завершёнными выглядели комнаты. За герцогскую опочивальню взялись первой, и обновления распространялись от неё к внешним частям здания. Перед резными двустворчатыми дверями работы Гринлинга Гиббонса служанка вручила Даниелю серебряный таз с горячей водой, обёрнутый поло-

тенцем, чтобы не обжечь рук.

— Поставьте рядом с милордом, — сказала она, и двери распахнулись.

Словно жук на леднике, герцог Мальборо восседал в кресле посреди белой огромности своей спальни. Рядом с ним стоял стол. Герцогскую голову покрывала густая щетина: очевидно, сегодня он решил её сбрить. Да и пора было: по слухам, противные ветра задержали их с герцогиней в Остенде на две недели. Даниель, знавший о левэ не больше любого другого англичанина, испугался, что сейчас его попросят намылить герцогу макушку и соскоблить с неё двухнедельную поросль. Однако тут он заметил лакея, правящего бритву, и с непомерным облегчением понял, что обязанности цирюльника возложены на человека опытного.

Из шести приглашённых на левэ Даниель явился последним; это он видел ясно, несмотря на то, что августовское солнце, сияющее на тоннах новой лепнины, слепило глаза. Потолок был таким высоким, что можно извинить натурфилософа, вообразившего, будто фестоны и фризы вырезаны из природного льда.

Герцог сидел в шлафроке из чего-то блестящего и шуршащего, шею его перед бритьём обмотали

милями белого полотна. Ничего более далёкого от пуританской строгости измыслить было невозможно. Если тори снаружи, на Пэлл-Мэлл, и впрямь полагали, что Даниель идёт передать факел следующему Кромвелю, один взгляд на эту комнату рассеял бы их опасения. Мальборо, если он и захватит власть, будет действовать не как военный диктатор, а как Король-Солнце.

Великий человек полупривстал в кресле и поклонился Даниелю, который от неожиданности чуть не уронил таз. Прочие участники левэ — всё больше графы и выше, держащие свечи, рубашку, пудру для парика и тому подобное, — склонились ещё угодливее. Даниель по-прежнему мало что видел, но, проходя последние несколько ярдов, отчётливо слышал приглушённые смешки.

— Доктор Уотерхауз ещё не знает, что нашли сегодня в запечатанном ларце барона фон Ботмара, — предположил герцог.

— Сознаюсь в своём полнейшем неведении, — отвечал Даниель.

— Ганноверский посол, Ботмар, привёз с собой запечатанный ларец, который следовало открыть по смерти королевы Анны. Там лежали распоряжения его величества, как управлять страной до тех пор, пока его величество явится принять

корону, скипетр и державу. Сегодня распоряжения достали и прочли в присутствии Тайного совета. Король назначил двадцать пять регентов, которые будут распоряжаться до его приезда. Вы, доктор Уотерхауз, один из двадцати пяти.

— Бред собачий!

— Истинная правда. И когда мы склоняемся перед вами, милорд, мы делаем это потому, что чтим в вашем лице регента. Вы и две дюжины ваших коллег — для нас покамест ближайшее подобие государя.

К Даниелю никогда прежде не обращались «милорд», и уж менее всего он ждал такого от герцога Мальборо. Ему потребовалось определённое самообладание, чтобы не пролить воду из таза. Впрочем, с помощью лакея таз был водружён на стол, и Даниель, завершив свои церемониальные обязанности, смог отступить назад. Лакей намочил губку и возложил её герцогу на голову, словно влажную корону. Герцог заморгал, стряхивая с ресниц струйку воды, задрал подбородок и принялся перебирать какие-то бумаги у себя на коленях: очевидно, левэ, помимо прочего, включало увлекательную возможность посмотреть, как великий человек читает почту.

— Граб-стрит, наверное, протянулась уже миль

на десять, — заметил герцог, отбрасывая в сторону одну газету за другой.

— Возможно, скоро вам захочется, чтобы она стала гораздо короче.

— Вам тоже, доктор Уотерхауз. Новая высокая должность сделает вас мишенью для отравленных стрел.

Мальборо склонил голову набок, чтобы мыльная пена не текла на глаза, и теперь не видел того, что лежало у него на коленях. Он перебирал газеты, встряхивая золотой бахромой на рукавах, и время от времени отводил какую-нибудь на расстояние вытянутой руки.

— А, вот! — воскликнул он, найдя сегодняшний «Окуляр». — Держите, доктор Уотерхауз. Я только что читал отсюда вслух этим господам, покуда мы ждали опоздавшего. Вы можете прочесть сами.

— Спасибо, милорд, полагаю, чтение было гораздо занимательнее моего общества, приди я вовремя.

— Напротив, милорд, это нам надлежит вас занимать.

Герцог дёрнулся, потому что лезвие срезало часть выступающего шрама. За то время, что он надзирал за убийством нескольких сот тысяч английских, французских и других солдат в

войнах против Людовика XIV, его кумпол украсили барельефы и горельефы в количестве, много превосходящем среднее. Они таились под двухнедельной щетиной, как мели в илистой прибрежной воде, незримые навигационные опасности на пути бритвы.

— Что я должен прочесть, милорд? — Даниель потянулся за газетой.

Глаза Мальборо — большие и очень выразительные — мгновение созерцали Даниелеву ладонь. Люди, как правило, не уставлялись на Даниелевы руки, ни на правую, ни на левую. На обеих присутствовали все пальцы, палач в Олд-Бейли не выжег на них клеймо, перстней он не носил — как правило. Однако сегодня у Даниеля было на правой руке простое золотое кольцо. Он никогда раньше не надевал украшений и сейчас удивился, насколько оно привлекает внимание.

— «Размышления о силе», — отвечал Мальборо. — Вторая страница.

— Очень к случаю, если я и впрямь обрёл такую политическую силу, как вы говорите. Кто автор?

— В том-то и соль. Удивительная история. Есть один малый, он пишет под псевдонимом «Титул»…

— Это он сочинил?!

— Нет, но он откопал в Клинкской тюрьме арапа, совершенно исключительный экземпляр. Арап, разумеется, существо неразумное, однако обладает уникальным даром писать и говорить, как если бы обладал разумом.

— Я с ним знаком, — сказал Даниель. Его глаза наконец привыкли к свету и смогли разобрать имя «Даппа». Он поднял взгляд на Мальборо и тут же отвёл: справа от герцогского уха собралась большая капля крови и струйкой побежала вниз, по краю челюсти, и на шею под подбородок. Герцог снова дёрнулся.

— Полегче, любезный, я не для того приехал в Англию, чтобы умереть от столбняка!

Даниель оглядел других пятерых гостей. Те в ответ выдавили улыбки, каких в адрес Даниеля не обращали с тех пор, как он занимал относительно важную должность при дворе Якова II.

Голова герцога снова была гладкая, как колено. Два лакея нависли над ним с тряпками и время от времени промакивали кровь. Герцог взял зеркало, на мгновение поднёс его к лицу и скривился.

— Провалиться мне! Это бритьё или трепанация черепа?

Он торопливо отставил зеркало, как будто долгие годы сеч и перестрелок не подготовили

его к такому зрелищу. Почты у него на коленях было много — больше, чем Даниель получал за десять лет, — поэтому он не сразу нашёл, что искал. Даниель с любопытством разглядывал герцога. Когда-то Джон Черчилль был самым красивым юношей в Англии, возможно, даже во всём христианском мире. Божественная несправедливость сохранялась и теперь, в герцогские шестьдесят пять. Он был стар, одутловат, лыс, измазан в крови, но его черты не утратили благородства (свойственного далеко не всем людям благородного сословия), а глаза оставались огромными и прекрасными; их не портили складки век и кустистые брови, из-за которых на многих старых англичан так гадко смотреть.

— Вот! — воскликнул герцог и несколько раз хлопнул по письму на коленях, как будто хотел утрясти слова в правильном порядке. — От вашего собрата-регента.

— Милорд Равенскар тоже в списке Ботмара? — спросил Даниель, узнавший почерк и печать.

— О, разумеется, — отвечал Мальборо. — И первый претендент на место лорда-казначея. Кто больше Равенскара знает о банке, Монетном дворе, бирже и казначействе? — Он пробежал глазами письмо от Роджера и успокоил собрав-

шихся: — Не буду читать всё. Приветствия, поздравления и прочая. Дальше он приглашает нас с миссис Черчилль к себе на суаре первого сентября.

Герцог оторвал взгляд от листка и взглянул на Даниеля чуть озадаченно.

— Как вы думаете, милорд, прилично ли устраивать званый вечер так скоро после кончины государыни?

— К первому сентября месяц траура истечёт, милорд, — вступился за Роджера Даниель. — Я уверен, что приём будет скромный, сдержанный…

— Он обещает извержение вулкана!

Слова герцога вызвали смешки у доселе молчавшей пятёрки.

— Скорбя по усопшей королеве, мы тем не менее должны праздновать вступление на престол нашего нового короля, милорд.

— Ну, коли вы так повернули, я думаю, что приду, — сказал герцог. — Вообразите, я ни разу не видел знаменитого вулкана.

— Говорят, зрелище стоит того, чтобы не пожалеть времени, милорд.

— Не сомневаюсь. Я скоро отправлю ответ в храм Вулкана. Но если вы случайно увидите

маркиза Равенскара, например, на заседании регентского совета, передайте ему то же самое, хорошо?

— С превеликим удовольствием.

— Отлично! А теперь я могу подняться, или раны надо будет прижигать?

С окончанием бритья завершилось и прямое участие Даниеля в левэ. Герцог перенёс внимание на других гостей, в чьи обязанности входило подавать рубашку, парик, шпагу и прочее. Каждая из этих стадий сопровождалась болтовней, для Даниеля малоинтересной. Более того, он не мог уследить за разговором: герцог упоминал каких-то людей по имени либо и вовсе полунамёками. Тем не менее Даниель чувствовал, что откланяться было бы моветоном. Ему, из уважения к летам, предложили стул, и он сел. Взгляд Даниеля остановился на газете.

Размышления о силе

Даппа

Клинкская слобода вместе со всей Великобританией скорбит о нашей усопшей королеве; арестанты сменили лёгкие кандалы на тяжёлые траурные, облачились

в чёрные лохмотья вместо серых, и ночи напролёт мне не дают уснуть несущиеся снизу стенания и вопли — свидетельство, что здешние обитатели горюют не меньше милорда Б***.

Неделю назад этот человек восседал на вершине той груды трупов, которую мы именуем политикой, и многими почитался за сильнейшего человека в стране. Что же сталось с Б***?

Вопрос праздный, ибо никого не волнует его участь. Тех, кто об этом спрашивает, занимает другое: куда делась сила Б***?

Неделю назад её было в избытке, сегодня нет совсем. Куда она ушла? Многие хотели бы знать, ибо желающих обрести силу больше, чем желающих стяжать золото.

От герра Лейбница мы слышали, что есть свойство тел, называемое *vis viva*[2], и другое, называемое *quantite d'avancement*[3]; оба сохраняются при всех столкновениях и всех изменениях систе-

[2] Примечания: 2
Кинетическая энергия (*лат.*).

[3] Примечания: 3
Количество движения (*фр.*).

мы. Первое равно произведению массы на квадрат скорости, второе — произведению массы на скорость. В начале времён Вселенная получила некую меру того и другого, которая не прибывает и не убывает, но лишь перераспределяется между телами, как серебряные пенсы на ярмарке. Что ведёт к вопросу: подобна ли сила *vis viva* и *quantite d'avancement*, то есть сохраняется ли она в природе? Или она подобна пакету акций, которые сегодня стоят много, а завтра — ничего?

Ибо если сила подобна акциям, то огромное её количество, утраченное Б***, растаяло, как тени на солнце. Ведь сколько бы богатства ни терялось при биржевых обвалах, оно уже не появляется вновь. Однако если сила есть величина, в сумме своей неизменная, то потери Б*** должны где-нибудь объявиться. Где же? Некоторые говорят, что милорд Р*** подобрал их и хорошенько припрятал, дабы они не достались милорду М***, буде тот возвратится из-за моря. Мои друзья-виги уверяют, что сила, утраченная ториями, неизбежно и нечувствительно распреде-

лилась между всем народом; но сколько я ни обшаривал нижние помещения Клинкской тюрьмы в поисках утерянной власти Б***, мне ничего не удалось сыскать, что полностью уничтожает приведённое утверждение, ибо, воистину, в этих тёмных салонах народа содержится изрядно.

Я предлагаю новую теорию силы, вдохновлённую трудами мистера Ньюкомена, графа Лоствителского и доктора Уотерхауза над машиной по подъёму воды посредством огня. Как мельница производит муку, ткацкий станок — ткань, плавильная печь — железо, так эта машина должна производить силу. Если не лгут создатели устройства — а у меня нет причин сомневаться в их искренности, — то можно считать доказанным, что сила не есть величина, постоянная в своей сумме, ибо таковые величины нельзя приумножить. Отсюда вытекает, что количество силы в мире постоянно растёт и будет расти тем быстрее, чем больше построят таких машин. Посему человек, копящий силу, подобен скряге,

восседающему на груде монет в стране, где денег чеканят больше, нежели может переварить рынок, так что несметное богатство постепенно обращается в золу и, будучи извлечённым на свет, оказывается бесполезным. Таков милорд Б*** и его хвалёная сила. То, что верно в отношении Б***, должно быть справедливо и в отношении его прихвостней, особливо же самого низкого и раболепного, МИСТЕРА ЧАРЛЬЗА УАЙТА. Сей негодяй объявил, будто я ему принадлежу. Он мнил, будто владеть человеком значит обладать силой, однако ничего не приобрел своими притязаниями; я же, якобы бессильный, теперь пишу в газету, которую просматриваешь ты, многоуважаемый читатель.

По мере облачения герцог разрешал освободившимся придворным удалиться, что те и делали с глубоким поклоном и почти слёзными благодарностями за приглашение; ещё до полудня Даниель остался в спальне один на один с хозяином дома. В парадном снежно-белом парике и сдержанном, хоть и разительно модном наряде, при шпаге, тот внезапно сделался совершенно великолепен. Они вышли прогуляться в роза-

рий рядом с опочивальней и говорили о цветах куда дольше, чем хотелось бы Даниелю. Он не меньше герцога любил розы, но не как объект для беседы.

— Я принял любезное приглашение Равенскара, — сказал наконец Мальборо. — Более того, сделал это в присутствии пятерых самых злостных лондонских сплетников. Так что Роджер, вероятно, уже в курсе. Однако в моём согласии есть условие, которое я при этих пятерых не назвал. Не упомяну я его и в той крайне учтивой записке, что отправлю вскорости в храм Вулкана. Я расскажу о нём только вам с просьбой передать Роджеру.

— Я готов, милорд, — ответил Даниель, стараясь не выдать голосом усталости от некоторого ощущения дежавю.

— Позвольте напомнить вам о договоре, который мы скрепили рукопожатием в ночь Славной Революции на дамбе Тауэра.

— Я прекрасно помню, милорд, но не будет вреда, если мы освежим его в памяти.

— Я обещал вам свою дружбу, если вы поможете мне понять или хотя бы проследить махинации алхимиков.

— Да.

— Я смею надеяться, что в последовавшие двадцать пять лет бывал вам в меру возможности полезен, — сказал Джон Черчилль. Ибо чувствовалось, что сейчас они говорят не как герцог и регент, а как Джон и Даниель.

— Раз уж мы этого коснулись, довольно удивительно, что моё имя попало в список Ботмара.

— У меня было много времени во время и после войны, чтобы расписать перед кронпринцем достоинства некоего англичанина, — сказал Джон, — а глубочайшее уважение, которое питает к вам принцесса Каролина, тоже делу не помешало.

— В таком случае вы оказали сыну Дрейка негаданную честь, — отвечал Даниель.

— С тех пор как мы заключили договор, многое изменилось. Роджер со своим Альянсом преобразил страну. Он поставил во главе Монетного двора крупнейшего алхимика в мире. Алхимик по-прежнему там и по-прежнему исполнен рвения. Все отмечают его исключительную добросовестность. Однако я получаю донесения касательно ковчега, Соломонова золота, философской ртути и прочих тёмных полуоккультных дел, которым не место в просвещенном восемнадцатом столетии. Теперь, когда Анну, упокой Господи её душу, сме-

нил Георг, я беру на себя величайшую мыслимую ответственность: помочь новому королю — нет, новой династии! — понять, что происходит в королевстве. Я добьюсь, чтобы Монетным двором руководили люди здравые и компетентные и чтобы денежная система Англии стояла неколебимо. Можно ли доверять Ньютону управление Монетным двором, Даниель? Что это для него: завод по штамповке металлических дисков или лаборатория для хилиастических изысканий? Скажите, Даниель, он и впрямь чернокнижник? И если да, то, чёрт побери, можно ли полагаться на его искусство?

Храм Вулкана
часом позже

— Что вы ему ответили? — спросил Роджер тоном, в котором зачарованное любопытство отчасти преобладало над ужасом. Они с Даниелем гуляли по розарию Роджера, который был в десять раз больше, чем у Мальборо, хотя и не так выгодно расположен: здешние садовники не могли через забор одолжить лопату у служителей английского короля.

— Боюсь, на взгляд герцога я был несколько уклончив, — отвечал Даниель после недолгого раздумья. — Я заверил его, что коли Ньютон за что-либо берётся, то делает это очень, очень хорошо, и *если* он чернокнижник, то наверняка искусный.

— О, милорд! — воскликнул Роджер. — Вряд ли ваши слова успокоили герцога.

— Не знаю. Надеюсь, я убедил его, что Исаак не сумасшедший. Сносное начало.

— Но только начало. Гм-м.

— Суть разговора была не в том, чтобы обвинить или оправдать Исаака. Мальборо шлёт вам

своего рода предупреждение.

— Я готов.

— Он принял ваше приглашение.

— Да, мне об этом сообщили несколько часов назад.

— Соответственно явятся все важные лица, независимо от того, позовёте вы их или нет.

— Я уже нанял дополнительную прислугу в расчёте на незваных гостей. В этом и состоит предупреждение? Что ко мне придёт много народа?

Роджер начал терять интерес к разговору, и взгляд его, блуждая, остановился на Даниелевом золотом кольце. Брови пошли вверх, рот приоткрылся. Даниель, не дожидаясь, пока разговор скатится на украшения, перебил:

— Нет. Мальборо очень недоволен сплетнями и недомолвками вокруг ковчега. Он объявит испытание примерно в одно время с коронацией, чтобы вынуть из ковчега все старые монеты и чтобы новые, отчеканенные при Георге, были вне подозрений. Это произойдёт месяца через два. Пока же он хочет, чтобы дела, связанные с Монетным двором, начали исправляться. Ему важно быть уверенным в Ньютоне. Если к первому сентября улучшений не будет, он не придёт на ваш званый вечер.

— Ах, как страшно!

— Унижение будет чудовищно-изощрённым. Весь Лондон поймёт, что вы в опале, и вас лордом-метельщиком не назначат, а уж лордом-казначеем и подавно. Другими словами, первое сентября станет первым днём вашей отставки.

Мгновение Роджер молчал, как громом поражённый, затем, возможно, прочитав про себя короткую молитву, возгласил:

— Тогда будем готовить вулкан!

Он повернулся вокруг прогулочной трости и зашагал прочь от Даниеля к главному зданию. Это была эффектная бравада, но Даниель угадывал и другое: Роджер не хочет некоторое время показывать своё лицо ему или кому-либо ещё. Поэтому, даже войдя в зал, Даниель не смотрел на Роджера слишком пристально, а сделал вид, будто разглядывает вулкан.

И его творца; ибо Макдугалл снял одну из плит, образующих склон вулкана, и, отставив её в сторону, засунул голову глубоко внутрь.

— У вас задница вылезает из штанов, мистер Макдугалл, — крикнул Роджер, — что в человеке вашей профессии я всегда воспринимаю как знак напряжённого продуктивного труда.

Упомянутая задница завиляла: Макдугалл

пытался вылезти из вулкана. Послышались звуки ударов головой обо что-то железное, затем ругательство, и, наконец, показалась краснощёкая голова, увенчанная пламенеющим ореолом невероятно рыжих волос. Щёки и волосы у Макдугалла были такие яркие, что рядом с ними всё остальное казалось тусклым.

— Макдугалл, — кивнул Даниель.

— Рад вас видеть, доктор Уотерхауз.

— Вы раздобыли фосфор? — полюбопытствовал Даниель.

— Всё, как я говорил вам третьего дня, сэр. Я покупаю его не напрямую, а через посредника.

— И вы уже сделали ему заказ? — спросил Роджер строго.

— Да, милорд. Вчера.

— Так идите к нему и удвойте заказанное количество!

— О, я не уверен, что поставщики изготовят так много за такой срок, милорд!

— Всё равно удвойте! Если извержение первого сентября не станет самым великолепным за всю историю моего дворца, то вина будет лежать исключительно на нашей неразвитой фосфорной промышленности, и никто не посмеет сказать, будто лорд Равенскар — скряга!

— Милорд, мы постараемся не допустить таких обвинений! Я думаю, поставщики всё-таки справятся!

— Прекрасно, мистер Макдугалл, — сказал Даниель. — Не соблаговолите ли вы пожаловать в мой клуб и лично всё изложить?

— О, доктор Уотерхауз! Почту за честь!

— Тогда собирайте инструменты и, как будете готовы, присоединяйтесь к нам с милордом на выходе из дома.

Роджер и Даниель, покинув бальную залу, двинулись в обход журчащего фонтана, в котором Вулкан кончал на Минервино бедро.

— Где сегодня обворожительные? — спросил Даниель, не в силах оторвать взгляд от богини.

— Простите? — встрепенулся Роджер, который тоже на время ушёл в свои мысли.

— Катерина Бартон и её прелести.

— А. Они отправились за покупками — прелестям к званому обеду необходимо новое платье.

— Замечательно.

— Погодите, — сказал Роджер, — вы меня заинтриговали. Зачем вы везёте Макдугалла в свой клуб?

— Я хорошо знаю мистера Макдугалла. Очень талантливый инженер. Был крайне полезен во

Дворе технологических искусств.

— Отлично, но какое отношение он имеет к вашему клубу?!

Они оставили фонтан позади и вошли в ту часть дома, которую проектировал Даниель: изначальный храм Вулкана, каким он был до переустройств, внесённых Гуком и Ванбругом.

— В адских машинах использовался фосфор, — объяснил Даниель. — Следовательно, те, кто их делал, должны были связаться с местными поставщиками. Макдугалл по вашему поручению сейчас тоже ведёт с ними дела. Таким образом, у клуба есть новая линия расследования. Господин Кикин и мистер Орни страстно желают добиться цели.

— Мне казалось, вы заключили с Джеком Шафто соглашение, которое делает клуб ненужным.

— Вестей от Джека не было с тех пор, как неделю назад он спрыгнул с запяток вашего фаэтона на Хей-маркет и, по слухам, учинил драку в Опере…

— Очень вульгарно протыкать иезуитов виолончелями. Если объявится, я строго его отчитаю.

— В том-то и вопрос, верно: объявится ли Джек? Исаак считает, что, спрыгнув с запяток до завершения сделки, Джек лишился всего, обещанного

ему в «Чёрном псе».

— Ньютон уже говорил мне о «Чёрном псе», — признался Роджер. — Он утверждает, что сделка недействительна, поскольку заключена под давлением; Джек был вооружён, вы — нет.

— А вы как думаете, Роджер?

— Думаю, что сделка в «Чёрном псе» была вполне разумной, пусть даже и чересчур щедрой по отношению к Джеку. Поэтому меня смущает, что ваш клуб по-прежнему его преследует.

— Поскольку это может расстроить сделку, и тогда герцог не придёт на ваш званый вечер.

— Да.

Они вышли в переднюю храма и остановились у двери, на ветерке, словно жрецы Вулкана, отдыхающие от серных воскурений.

— Я не могу повлиять на Кикина и Орни, — сказал Даниель, — и уж тем более на Исаака. Возможно, вам придётся отправить его в отставку.

— Что?!

— Мальборо прав, Роджер. Чернокнижнику не место на Монетном дворе. Мне больно так говорить, потому что Исаак мой старый друг, и он чеканит хорошие гинеи. Однако его надо заменить человеком, который хочет просто

штамповать деньги.

— Замечательно, но у меня нет власти, чтобы его прогнать.

— Вот как? Вы регент, не так ли?

— Вы тоже, Даниель. Почему вы его не уволите?

— Может, ещё придётся.

Из недр храма появился Макдугалл, кренясь на правый борт, поскольку тащил в руке ящик с инструментами. Почувствовав, что два регента обсуждают вопросы государственной важности, он прошмыгнул в дверь и не останавливался, пока не запрыгнул в Даниелев наёмный экипаж на Грейт-Рассел-стрит и не захлопнул за собой дверцу.

— Насколько Черчилль ненавидит алхимиков? — спросил Роджер. — Сможет ли он вообще доверять Ньютону?

— Вот что я сказал герцогу Мальборо касательно алхимиков, — начал Даниель.

Роджер сразу встрепенулся.

— Некоторое время назад я пришёл к убеждению, что среди нас создаётся новая Система мира. Мне думалось, что она вытеснит и уничтожит старую. Но то, что я видел недавно, в подземелье под банком, привело меня к выводу, что новые

системы не заменяют старые, а обволакивают их, заключая в себя. Так под микроскопом мы находим в себе анималькули: они меньше и проще, чем мы, но живут вместе с нами. Я не удивлюсь, если с появлением более сильных микроскопов в анималькулях обнаружатся ещё более простые и мелкие организмы. Посему я утверждаю, что алхимия не исчезнет, как я всегда надеялся. Скорее, она сохранится внутри новой Системы мира, станет привычной и даже уютной её частью, хотя, возможно, изменит своё имя, а её адепты не будут больше говорить о философском камне. Она исчезнет из виду, но будет по-прежнему течь внизу, как пропавшая речка Уолбрук течёт под Английским банком.

— Красиво, — сказал Роджер, — но проглотил ли это герцог?

— Не знаю, — отвечал Даниель. — Думаю, не будет беды, если мы попытаемся уменьшить риск и в ожидании извержения вулкана продолжим искать Джека.

Клуб «Кит-Кэт» часом позже

— Великолепное кольцо, — сказал мистер Тредер, поднимая нос, чтобы посмотреть на Даниелеву руку через полукруглые очки для чтения.

— Если бы я знал, сколько шуму оно вызовет, ни за что бы не надел. Могу я получить свою руку обратно?

— Кто этот немец?

— Новый член нашего клуба.

— Позвольте вам напомнить, доктор Уотерхауз, что у нашего клуба есть правила. Приём новых членов определяется несколькими страницами приложений к уставу, с которыми вам следовало ознакомиться, прежде чем…

— Барон — придворный ганноверский философ, весьма влиятельный.

— Ладно. Он принят! Как его зовут?

— Он здесь инкогнито. Просто делайте вид, будто знаете, кто он.

В полном соответствии с Даниелевой теорией о системах, включающих в себя другие системы, «Кит-Кэт» поглотил кучку истцов по делу о

взрыве адских машин, главным образом потому, что вступление Исаака придало ей загадочность и престиж. Чтобы заседания могли посещать люди вроде Сатурна и Макдугалла, собирались в приватной комнате. В списке желающих получить членство значилось уже двадцать человек, из которых ни один не имел о целях клуба и малейшего представления. Весть, что барона, прибывшего от Ганноверского двора, приняли вне очереди, да ещё в тот самый день, когда другого члена клуба провозгласили регентом, должна была вызвать ещё больший ажиотаж — как бы истцам ни пришлось перебраться в храм Митры, дабы сохранить хоть какую-то приватность.

— Вы сильно изменились, став регентом! — заметил Лейбниц, глядя на Даниелеву руку.

— Треклятое кольцо — дар Соломона Когана, — сказал Даниель.

— Мне он не показался любителем раздавать подарки.

— В Брайдуэлле я подарил ему мешочек с частичками золота, выбитыми из карт. Полнедели спустя еврей, хозяин ювелирной лавки на Ломбард-стрит, принёс мне это кольцо с запиской от господина Когана. Тот велел расплавить кусочки и отлить из них кольцо. Вот результат.

— *Выглядит* очень щедрым поступком, — сказал Лейбниц.

— Согласен.

Но прежде чем они успели пуститься в обсуждение истинных мотивов господина Когана, наступила та тишина, которая всегда воцарялась с появлением сэра Исаака Ньютона. В мгновение ока и комната, и собрание стали иными. Исаак поочерёдно пожал руки членам клуба и гостям: господину Кикину, мистеру Орни, мистеру Тредеру, Сатурну, Макдугаллу, Лейбницу и, наконец, Даниелю. Была какая-то особая холодность в том, как он поздоровался с Даниелем; по сравнению с этим даже его приветствие, обращённое к Лейбницу, могло показаться тёплым. Как будто Исаак неким колдовским образом проведал, что Даниель о нём сегодня говорил.

— Мне нужно перемолвиться несколькими словами с милордом регентом, — объявил Исаак.

Вскоре они уже сидели друг против друга за маленьким столом в общем помещении клуба. Пристальный взгляд Исаака, обращённый на Даниеля, сдерживал тех рьяных кит-кэтовцев, которым, возможно, хотелось подойти и поздравить нового регента.

— Со встречи в «Чёрном псе» прошла неделя, —

напомнил Исаак. — Каковы ваши намерения?

— Герцог Мальборо хочет провести испытание ковчега одновременно с коронацией. — Даниель сделал паузу на случай, если Исаака хватит удар. Тот поёжился и слегка побагровел, но остался жив. — В отсутствие вестей от мистера Шафто… он ведь к вам не обращался?

— Нет.

— Ко мне тоже. Мы должны действовать, как прежде. Если он захочет возобновить переговоры, мы их продолжим. Не исключено, что с более выгодной позиции.

Исаак даже не глядел на него.

— А каково ваше мнение? — спросил Даниель.

— Я хочу того же, чего и всегда, — отвечал Исаак. — Из-за ваших с бароном фон Лейбницем махинаций его теперь труднее добыть — ибо почти всё оно заперто в Клеркенуэллском склепе и обещано царю. Однако у Джека, возможно, есть ещё. Следовательно, я должен преследовать Джека с удвоенной силой.

— Как вы поступите, если перед вами встанет выбор: заключить сделку с Джеком, устранив созданную им опасность для денежной системы и для короля, но не получить того, к чему вы стремитесь, или преследовать Джека до послед-

него в надежде раздобыть золото, но с риском не выдержать испытание ковчега?

— Вы спрашиваете, как регент, — сказал Исаак.

— Нравится вам это или нет, я действительно регент и должен задавать такие вопросы. И суть моего вопроса такова: почитаете ли вы власть короля или назначенных им регентов и ставите ли Монетный двор и денежную систему страны выше своих личных интересов? Или для вас философский камень на первом месте?

— Мне удивительно, что сын Дрейка вообще смог измыслить такой вопрос, не то что задать вслух. Неужто вы ничему не научились от отца?

— Вы ошибаетесь. Я ни во что не ставлю короля. Тут я заодно с Дрейком. Но он же научил меня уважению к деньгам. Я, может быть, меньше многих люблю деньги, однако я их чту. А вы?

— Неужто, Даниель, вы правда верите, что я оставил Лукасовскую кафедру математики в Коллегии Святой и Нераздельной Троицы и пришёл на Монетный двор исключительно из интереса к нумизматике?

— Прекрасный ответ, — сказал Даниель. — Раз мы согласны, что в наших интересах поймать Джека, давайте вернёмся к остальным.

Покуда Исаак с Даниелем разговаривали, ещё одного гостя впустили с чёрного хода и провели в комнату заседаний. Это был жалкий-прежалкий человечек, такой ссутуленный, так вжимающий голову в плечи, словно члены Королевского общества подстерегли его в тёмном проулке и хирургически удалили ему ключицы. Он мял шляпу, чтобы унять дрожь в руках. От него дурно пахло, и, в отличие от многих, страдающих тем же недостатком, он это знал.

Тем не менее мистер Тредер похлопывал нового гостя по плечу, будто вводил любимого племянника в коллегию адвокатов.

— Мистер Марш, прошу любить и жаловать! — объявил мистер Тредер. — О мистере Марше на заседаниях клуба уже говорилось.

— Я не помню этого обсуждения, — признался Даниель, — а некоторые из присутствующих и не могли его слышать.

— Для адских машин нужен фосфор, — сказал Тредер, — и мы слышали от мистера Макдугалла, что он сделал большой заказ на упомянутое вещество. Соответственно в ближайшие недели будет выпарено огромное количество мочи.

— Мы говорили об этом на заседании два дня назад, — кивнул Даниель. — Но кто такой мистер

Марш?

— Последний раз, когда клуб пытался проследить путь мочи из города в деревню, мы поручили мсье Арланку, ныне уличённому в преступлениях, опросить золотарей с Флитской канавы. Он обратил наше внимание на скорбную историю золотаря, который, по неведомым причинам, ехал со своим грузом в Суррей и имел несчастье повстречаться в дороге с некими головорезами. Оскорбленные запахом его бочки, они закололи лошадь, лишив несчастного средств к существованию. Анри Арланк уверял, будто навёл справки в верхнем и нижнем течении Флитской канавы и, не найдя бедолагу, пришёл к убеждению, что тот переехал к родственникам куда-то далеко.

— Теперь припоминаю, — сказал Даниель. — Мы развели руками и оставили эту линию расследования.

— Арланк солгал, — объявил Тредер. — После того как его увели в цепях, я спросил себя: можно ли верить тому, что он говорил нам касательно золотаря? Я провёл собственное расследование и без особого труда установил истину: золотарь, лишившись лошади, не уехал из города, а перешёл работать к коллеге по цеху, и его каждую ночь можно видеть на берегу Флитской канавы.

Вчера я его нашёл. Позвольте представить вам мистера Марша.

Речь была встречена овациями, звук которых, судя по виду мистера Марша, был ему совершенно непривычен.

— Давно хотел я задать вам один вопрос, мистер Марш, — сказал Орни. — Чего ради вас понесло в ту ночь с грузом в Суррей?

— Мне обещали заплатить, сэр, — отвечал мистер Марш.

— Кто?

— Люди в тех краях, которые иногда платят за ссаки.

— Кто они и где живут?

— Не знаю, сэр.

— Как вы можете не знать, если привозите им мочу, а они вам платят?

— Приезжаешь в полночь к определённому перекрёстку и завязываешь себе глаза. Как завязал, они выходят из укрытия и молча садятся рядом на козлы. Везут больше часа, то вверх, то вниз, то вправо, то влево — в общем, не пойми куда. Наконец где-то останавливаются и опорожняют бочку, а потом везут назад такими же кругалями. Когда повязку снимают, ты на прежнем месте, а на козлах лежит кошелёк с деньгами.

Некоторое время все молчали, обдумывая удивительный рассказ мистера Марша. Потом заговорил Исаак:

— Ваша лошадь убита. А что с вашей повозкой?

— Она по-прежнему в Суррее, сэр.

— Так съездим за ней и привезём её во Двор технологических искусств для починки и переделки, если, конечно, доктор Уотерхауз нам разрешит, — сказал Исаак. — У меня есть мысль.

Верфь Орни в Ротерхите
утро 13 августа 1714

Даниель пришёл раньше большинства и теперь сидел на тюке брайдуэллской пакли. Место, чтобы ждать остальных членов клуба, было вполне подходящее. День выдался погожий, и хотя к полудню обещал сделаться жарким, сейчас платье Даниеля идеально годилось и для пригревающего солнышка, и для прохладного ветерка с реки. Впереди уходили в Темзу три смазанных жиром наклонных помоста. Они сгрузили своё бремя — царские корабли — и ждали новых проектов. Перед средним стоял один из корабельных мастеров Орни. На несколько мгновений он замер в полной неподвижности, и Даниель уже гадал, не случилось ли чего худого. Но тут мастер переступил с ноги на ногу, склонил голову набок и вновь застыл; простояв так секунд пять, он ссутулился и почти упёрся подбородком в грудь. Даниель понял, что мастер думает, и не просто блуждает мыслями, а работает. Как некоторые собирают корабли в бутылках, так этот человек собирал корабль у себя в черепной коробке; если

бы Даниелю хватило выдержки просидеть тут несколько недель или месяцев, он бы увидел, как образ из головы корабела обретает материальную форму. Через год на нём будут плавать люди! Даниель восхищался таким чудом и завидовал мастеру. Не просто потому, что тот моложе, но потому, что он в тихом месте может без помех создавать что-то новое. По счастью или благодаря своим умениям, корабел сумел вписаться в историю куда более простую и приятную, чем та, в которой обречён фигурировать Даниель.

Так уютно было сидеть на пакле, наблюдая эту мизансцену, что Даниелю пришлось побороть отчётливый всплеск досады при звуке приближающейся повозки. Корабел — счастливец! — мог не обращать на неё внимания. Даниель не мог.

Повозка состояла из огромной грубой бочки, установленной поверх плоского ящика на колёсах. Полудохлой клячей управлял сгорбленный человечек. Выехав на середину верфи, он откинулся на спинку козел и уронил голову. Члены клуба начали появляться из разных уголков двора, где курили трубки, играли в кегли, болтали или разбирали свою чрезвычайно важную почту.

Когда мистер Марш — ибо это был он — опра-

вился от усталости настолько, что смог открыть глаза и оглядеться, то увидел вокруг себя почти всех будущих истцов, с которыми встречался девять дней назад в клубе «Кит-Кэт». Недоставало лишь Кикина. Однако телохранитель русского был здесь, как и Сатурн. Они присели на корточки и принялись орудовать ломами. Другой мог бы возмутиться, что повозку разбирают прямо под ним, но мистера Марша, видимо, уже ничто не заботило. От плоского дна повозки оторвали несколько досок, и Сатурн, встав, положил их на основание рядом с бочкой, пока великан-телохранитель аккуратно вытаскивал из тайника контрабандный груз. В первый миг его легко было принять за свёрток с одеждой: затем он выпустил конечности, завозился и принялся высказывать недовольство. Телохранитель поставил его стоймя рядом с повозкой. Теперь стала видна голова господина Кикина без парика, шляпы, волос, с красными моргающими глазами; она изрыгала слова, от которых казаки заткнули бы уши и убежали домой к мамке. Откуда-то извлекли парик и нахлобучили Кикину на макушку. Тот выуживал из карманов множество разнообразных предметов: клочки бумаги, огрызки карандашей, компас, часы.

— Я надеюсь услышать длинный отчёт господина Кикина, — сказал мистер Тредер. — Разумеется, после того, как он успокоится и вспомнит о хороших манерах. А пока предлагаю заслушать мистера Марша.

— Ну, раз я здесь и жив, понятно, что всё получилось, — отвечал мистер Марш.

— Вы встретились средь ночи с загадочным персонажем? Вас с повязкой на глазах отвезли в место, где покупают мочу? Вы опорожнили бочку, вернулись на уединённый перекрёсток, получили деньги и уехали восвояси? — спрашивал Тредер. Марш на каждый вопрос отвечал величественным кивком.

— Отлично, — сказал Даниель Уотерхауз. — Тогда, как мы договаривались, лошадь ваша, можете возвращаться к своему ремеслу. Мы лишь просим никому не говорить о событиях этой ночи.

— Ладно, хозяин. — Мистер Марш чуть заметно возвёл очи гор*е*: таким образом, он давал понять, что проболтаться хоть кому-нибудь в христианском мире для него равносильно самоубийству. Затем, несмотря на усталость, он тронул вожжи и принялся увеличивать расстояние между собой и безумным клубом так быстро, как только могла

бежать его новая упряжная.

Мистер Орни расстелил крупномасштабную карту Суррея на столе, где обычно лежали корабельные планы. Кикин, которого всё ещё немного пошатывало, начал раскладывать клочки бумаги в некой загадочной последовательности, между делом прихлёбывая пиво из чего-то вроде глиняной супницы. Ветер сдувал обрывки; принесли камни. Кикин положил на карту компас. Три натурфилософа отметили, что Орни — прилежный в любой мелочи — развернул карту так, чтобы её север совпадал с направлением магнитной стрелки.

Когда Кикин вновь обрёл способность говорить по-человечески, он без приветствий, жалоб и других предисловий объявил: «Мы двинулись отсюда». Затем он пристроил камешек на перекрёсток в Суррее чуть в стороне от Лондонского тракта и продолжил:

— Дальше мы ехали на юго-восток по хорошей дороге…

— Так вы могли видеть компас в темноте? — спросил Орни.

— Фосфорная краска, изготовленная фрайгерром фон Лейбницем и нанесённая на картушку мистером Хокстоном, светила мне в лицо, как

полная луна. Я видел, что мы едем на юго-восток по хорошей дороге — почти наверняка по этой. Я насчитал… э… — тут Кикин сверился со своими бумажками, — …семьдесят восемь оборотов колеса.

(Ньютон предложил, а Сатурн изготовил небольшое устройство, которое щёлкало всякий раз, как колесо совершало полный оборот.)

— Тысяча тридцать футов, — умножил в голове Ньютон; все они помнили наизусть окружность конкретного колеса.

Орни и на этот случай кое-что предусмотрел: он вытащил полоску бумаги, размеченную штрихами с отметками: 50, 100, 200 и так далее. То была масштабная линейка не в футах, фарлонгах или милях, а в оборотах колеса золотарской повозки мистера Марша. Поворачивая её вдоль нарисованной дороги (которая шла не совсем прямо), он нашёл приблизительно на восьмой отметке следующий перекрёсток.

— Наверное, этот, — сказал Кикин, проглядывая ворох кириллических черкушек. — Да, пятьдесят щелчков на запад-юго-запад, затем поворот и дальше почти прямо на юг… ещё триста тридцать щелчков спустя мы въехали на каменный мост.

Пришлось повторить часть шагов в обратном

порядке и долго скрести в затылках, поскольку не ясно было, по какой из нескольких возможных дорог ехала повозка; наконец Лейбниц нашёл мост, положение которого увязывалось с данными Кикина, и дальше стали отсчитывать от него.

Всего Кикин отметил больше двадцати поворотов, три моста, хорошие и дурные отрезки дорог, а также отдельные холмы, деревни, громкоголосых псов и болотистые участки. По мере того как на карту выкладывались всё новые камешки, обозначавшие повороты, становилось ясно, что неведомый человек на козлах кружил намеренно. Наконец он приехал в какое-то место, где, по словам Кикина, воняло нашатырём. Здесь бочку опорожнили. Назад повозка с мистером Маршем и его контрабандным пассажиром двигалась по другой, не менее сложной траектории. Дабы согласовать данные о пути туда и пути обратно, так чтобы совпали начальные и конечные точки, не вступая при этом в слишком уж грубое противоречие с указанным на карте положением мостов, холмов и прочая, потребовалось вдвое больше времени, чем на саму поездку. То и дело обсуждение переходило в длинные споры о применимости евклидовой геометрии и природе абсолютного пространства, в которые

Ньютон и Лейбниц вступали с излишним рвением; тогда Даниелю приходилось вмешиваться и накладывать запрет на метафизику. Выражались сомнения в точности наблюдений, от которых господин Кикин отбивался всё менее и менее пылко; вскоре после полудня он уснул на сложенной грузовой сетке. Возникали клики и расколы внутри клик, заключались и распадались союзы, перебежчиков клеймили позором, а те заявляли, что неотступно следуют велениям истины.

Однако вдруг всё встало на свои места. Точка, на которой теперь лежало Даниелево кольцо, столь очевидно была искомой, что все дивились, как сразу её не увидели. Кикина, которого минуту назад называли ослом, не умеющим считать до десяти, и подозревали в том, что он заснул между наблюдениями, теперь чествовали как лучшего малого в мире и сравнивали с Васко да Гамой.

Общее ликование испортил Даниель, спросивший:

— И что теперь?

— Если верить карте, — сказал Ньютон, — Джек разместил установку для выпаривания мочи в каком-то большом поместье, далеко в северных холмах.

— Что естественно, — вставил Орни. — Иначе

соседи жаловались бы на вонь.

— Принимая в рассуждение размер поместья, открытую местность и печально известную мощь Джековой шайки, опрометчиво заявляться туда менее чем с ротой солдат.

— Тогда клубу повезло, что в нём состоите вы, сэр Исаак, — заметил Сатурн. — Как-то раз на моих глазах ровно столько вооружённых людей прибыло по вашему зову.

Он имел в виду налёт на воровской притон в Сент-Брайде.

— Люди, которых вы тогда видели и от которых сбежали, были курьеры королевы, — сказал Ньютон, — хотя, конечно, они уже две недели зовутся курьерами короля. Ими командует мистер Чарльз Уайт, верный клеврет Болингброка. Тогда он помогал мне, желая заманить меня в ловушку. Не думаю, что он расположен помогать нам сейчас.

— Однако Болингброк утратил всякую власть, или, по крайней мере, так утверждают, — вмешался Кикин.

— Не утратил, сударь, — возразил Ньютон, — покуда его люди охраняют Монетный двор и ковчег.

— Разве этим занят не Собственный её… простите, его величества блекторрентский гвардейский

полк? — спросил Орни.

— Да, но им тоже командует мистер Чарльз Уайт, — отвечал Ньютон.

— После того, как в апреле Джек скомпрометировал ковчег, — тихо объяснил Даниель Лейбницу, — Болингброк объявил, что вигам нельзя доверять охрану Монетного двора — они-де во всём и виноваты. Так он получил полномочия по этому вопросу.

— Которые и передал Уайту.

— Да. Когда Ганноверы вступят на престол, и виги снова придут к власти, полномочия эти у него отнимут, но пока он командует и курьерами короля, и блекторрентским полком; под его надзором и Монетный двор, и ковчег.

Все лица были обращены к ним. Побочный разговор между Даниелем и Лейбницем стал центром внимания. Особенно пристально смотрел на Даниеля Ньютон; он словно чего-то ждал.

— После событий двухнедельной давности, — сказал Даниель, — напряжение между вигами и тори, Ганновером и якобитами несколько ослабло, хотя и не совсем ушло. Войска ассоциации вигов стоят в предместьях, готовые занять город, если Болингброк попытается захватить власть. Может быть, нам смогут выделить роту. Я наведу

справки у людей, в чьём ведении такие вопросы.

Собрание ещё некоторое время продолжалось, но на самом деле слова Даниеля положили ему конец. Исаак под каким-то предлогом уехал почти сразу, Кикин — несколькими минутами позже. Лейбница он прихватил с собой, чтобы по дороге вместе выполнить некие неназванные царские поручения. Тредер и Орни остались, дабы продолжить обмен колкостями; хотя ни тот, ни другой в жизни бы этого не признали, между ними возникла своего рода дружба.

Даниель и Сатурн вместе взяли лодку до Лондона, о чём Сатурн вскорости пожалел. Даниель, который с утра так радовался, сидя на мешке с паклей и глядя на реку, теперь впал в унылое настроение, более свойственное сатурническому темпераменту.

— Исаак доведёт это дело до конца, — предрёк он. — Никаких компромиссов, никаких окольных путей, никаких молчаливых соглашений. Перемирие, заключённое с Джеком в «Чёрном псе», забыто. Исаак должен во что бы то ни стало уничтожить предмет своей ненависти. Ха! Интересно, что он готовит мне.

Сатурн разглядывал что-то несущественное на берегу в надежде, что попутчик, не получая отве-

та на свои ламентации, в конце концов замолчит. Впрочем, последнее замечание заставило его повернуться к Даниелю.

— Почему он должен вам что-то готовить?

— Я, и только, я стою между ним и Соломоновым золотом. Во всяком случае, так он воображает.

— Это правда?

— Царь и некоторые его приближённые, такие как господа Коган и Кикин, могли бы выказать недовольство, если бы Ньютон конфисковал золото, — сказал Даниель. — Однако они далеко и для Ньютона не существуют. Их он не принимает в рассуждение, и за всё будет ненавидеть меня.

— И чем ненависть сэра Исаака чревата в плане практическом?

Даниель вспомнил Гука и его уничтоженное наследие. Впрочем, какая разница, что будет после твоей смерти?

Сатурн продолжал:

— На собраниях клуба он с вами вежлив…

— И я до сегодняшнего дня гадал почему. Исаак больше не распоряжается курьерами королевы и блекторрентским полком. Болингброк отнял у него всю светскую власть, какой несколько месяцев назад он обладал, или думал, что обладает. А чтобы бороться с Джеком-Монетчиком, ему нуж-

на власть, которой я, хоть и не прямо, располагаю через Роджера.

— Но почему, почему, — воскликнул Сатурн, — вы потворствуете сэру Исааку, если считаете, что он записал вас в недруги и готов уничтожить?

— Очень разумный вопрос, — признал Даниель. — Думаю, это просто для него, сложно для меня. Хитросплетения уступок и компромиссов, в которых я погряз, для Исаака — дрянь и мусор, подобно волосяным комкам, какие мы вытаскивали из коровьих желудков. Его не удовлетворит ничто, кроме полного уничтожения Болингброка, Джека Шафто, Лейбница и — раз я имел глупость с ними спутаться — меня. Питер, я не могу вызвать в себе ничего, похожего на ярость Ньютона, жаркую, как пламя пробирщика. Быть может, и я, и все остальные — лишь пена на его тигле, которую надо соскоблить и выбросить вон.

Суррей
перед рассветом, 15 августа 1714

И поставлена будет им часть войска, которая осквернит святилище могущества, и прекратит ежедневную жертву, и поставит мерзость запустения.

Даниил, 11, 31.

Итак, когда увидите мерзость запустения, реченную через пророка Даниила, стоящую на святом месте, — читающий да разумеет, — тогда находящиеся в Иудее да бегут в горы; и кто на кровле, тот да не сходит взять что-нибудь из дома своего; и кто на поле, тот да не обращается назад взять одежды свои.

Мф., 24, 15—18.

Ему больно было вести солдат по английской земле. Ирландия, Бельгия, Голландия и Франция — естественные Марсовы поля: армии пасутся на них, как овцы на холмах Альбиона. Однако сейчас, ведя роту вооружённых людей через английское поле, он чувствовал, что напрасно выбрал военную стезю.

Он, разумеется, понимал всю нелепость своих мыслей: Бельгия столь же не создана для войны, как этот край. И всё же так он чувствовал и, как всегда, держал свои соображения при себе.

В Ламбет переправились конным паромом около двух часов ночи и двинулись на юг по Кэпемской дороге. Настоящий маршевый шаг разносился бы по сонной округе на много миль, а они не хотели привлекать к себе внимание, поэтому шли не в ногу, повзводно, обтекая редкие селения, как вода. Дозорным, полуночникам и прочим излишне бдительным жителям, которые выходили с вопросами, советовали не лезть в чужие дела, а потом спрашивали у них дорогу к Эпсому. Стратегия состояла в том, чтобы идти быстрее слухов, однако на случай, если кто-нибудь поскачет вперёд на лошади, они старались создать ложное впечатление, будто направляются к юго-западу. Собственно, на юго-запад они и шли несколько часов кряду, затем, перекусив в придорожной лощине сухарями, резко повернули, быстрым шагом проделали четыре мили на восток по дороге и дальше двинулись через поля. Разведчики вели их вверх и вниз по холмам, которые можно было почувствовать ногами, но не увидеть. Ему казалось, что подъёмов больше,

чем спусков, но усталому пехотинцу всегда так кажется. Слышал он плохо, поэтому не различал шума листвы, зато ощущал присутствие деревьев по ауре безветрия и аромата. Потом стали попадаться рощицы, которые приходилось обходить, чтобы солдаты не разбредались, не шуршали листьями и не ломали веток.

Свет сеялся с неба, как хлопья пепла от сожжённого города. В какой-то момент рассвело настолько, что пятна и намёки, проступавшие сквозь тьму последние час с небольшим, внезапно обрели смысл. Он огляделся. Ему думалось, что они идут через открытую местность, иногда огибая рощицы, но всё оказалось совсем не так. Деревья росли повсюду, где гуще, где реже, так что видно было не дальше, чем на вержение камня; только кое-где над кронами торчали верхушки холмов. Под сенью леса бледной рекою вилась прогалина, заросшая жёсткой сухой травой. Меловая почва так же не могла удержать влагу, как пальцы скелета — деньги. В голове ударил набат: он привёл роту туда, где не сыщешь ни ручья, ни озера! Через несколько часов у них кончится вода!

Мучительным усилием воли он прогнал тревогу; через десять шагов та вернулась и заняла

господствующую позицию. Мысли стали стёртые, как солома в ветхом тюфяке, и, наконец, рассыпались с первыми лучами солнца.

Словно мальчишки, добредшие по ручью до его впадения в реку, рота вышла в широкую низину; слева лежали пастбища, справа начиналось известковое подножие мелового холма. Здесь путь преграждала густая тонзура вязов; сперва показалось, что она идёт до самого верха, со второго взгляда в просветы между деревьями удалось различить бледный пожухший луг.

Сейчас он понял бы диспозицию, даже если бы не участвовал в её составлении. На вершине холма стоит усадьба, загороженная с этой стороны полосой вязов. Обычные гости поднимались туда (надо думать) по какой-то пологой дороге с другой стороны холма. Роте предстояло атаковать усадьбу с неохраняемого (если всё окажется хорошо) тыла: преодолеть лесистый меловой склон и выбраться на открытое пространство.

Покуда он выстраивал в голове картину местности, волосы на загривке всколыхнулись. Он обернулся и потянул носом этот новый ветерок, влажный, пахнущий речной тиной. Ветер дул в ту же сторону, куда им предстояло идти.

Он заговорил впервые за несколько часов и

велел немедля идти на штурм, держась кучно, чтобы каждый взвод, фигурально выражаясь, чувствовал локоть соседнего и не потерялся в тумане. «В каком тумане, сержант?» — спросил кто-то, ибо воздух был чист, как талая вода. Однако сержант Боб повернулся спиной к вопрошавшему и зашагал вверх по склону. Он давно заметил, что солдатский опыт измеряется тем, как быстро человек угадывает начало сражения. Для Боба Шафто оно началось, когда сырой ветер зародился над Темзой, и теперь уже наполовину закончилось. Для малого, спросившего: «В каком тумане, сержант?», сражение ещё лежало в неопределённом будущем. В крайних формах подобная некомпетентность ведёт к тому, что отряд уничтожают во время сна или на привале, в мягких — к неоправданным потерям. На такой случай у Боба было только одно лекарство: действовать, чтобы тугодумы встряхнулись и последовали его примеру. К тому времени, как он подошёл к деревьям, сырость чувствовалась на коже. Пока солдаты пробирались через лес на вершину холма, её уже окутал туман. Боб не прошёл по лугу и десяти шагов, как залаяла собака. Рота двигалась образцово тихо, однако ветер дул в спину и гнал запах на милю вперёд, так что

собака почуяла их издали.

Они уже оставили позади семь восьмых сражения, которое для большей части солдат ещё лежало в будущем. Не только Боб услышал собаку: голоса, называя её по имени, приказывали ей заткнуться. При некотором везении хозяева и дальше лежали бы в постели, ругая собаку, пока Боб не высадил бы дверь. Но это была бы уж очень большая удача. Справа налетел шквал ржания и конского топота: кавалерия вигов атаковала поместье с другого склона. Даже слабый слух Боба различал её приближение; один из солдат помоложе клялся, что слышит карету. Обитатели усадьбы никак не успели бы погрузиться в экипаж, и Боб заключил, что это какие-то офицеры или джентльмены приехали наблюдать, проверять, критиковать, отменять или как-либо ещё исправлять его действия.

— Разрешаю шуметь, — объявил он громко, и звук, как паника, побежал по цепи влево и вправо. Впрочем, из-за тумана это была не столько цепь, сколько рассыпанные звенья. Барабанщики забили атаку, сержанты, поняв по барабанному бою, как далеко они разбрелись, принялись орать. Один взвод сильно отстал и, хуже того, не понимал свою ошибку; Боб мысленно вычеркнул

его из диспозиции. Другие взводы двигались перпендикулярно линии наступления. Так что Боб наконец выкрикнул, чтобы все шли на собачий лай. Это помогло лучше, чем все его предыдущие усилия: рота тронулась вверх по склону. По цепи пробежало известие, что справа стена, и Боб приказал перед нею остановиться. Середина, а затем и левый фланг отыскали стену и встали, образовав (как предполагал Боб) дугу в несколько сот ярдов, развёрнутую в общем направлении собаки. К лаю теперь добавились звуки почтового рожка, крики, звон клинков и пистолетные выстрелы. Стена была грубая, каменная, заросшая зеленью. Боб несколько мгновений колебался, пока не услышал сзади топот кавалерии и не отметил, что туман рассеивается. Тогда он приказал лезть через стену и бежать к месту стычки. От них будет больше проку как от загонщиков, чем как от охотников. А если кто-нибудь и прорвётся сквозь цепь, его задержит наступающая с тылу кавалерия.

Лондонские улицы, такие разные и неповторимые для смиренного пешехода, из окна кареты предстают неразличимыми и безымянными, как волны на море. Покуда Уотерхауз, Ньютон и Лейбниц плыли по ним в первые полуноч-

ные часы, Даниель тешился надеждой, что спор о приоритете разрешится прямо сейчас либо христианским прощением, либо придорожной дуэлью в кромешном мраке. Однако сэр Исаак определённо решил не говорить вообще ни о чём; он притворился спящим и сердито вскидывал голову, когда Уотерхауз и Лейбниц нарушали его сон болтовнёй и светом свечей. И неудивительно: всё шло к тому, что спор завершится триумфом Исаака, так зачем ему говорить с Лейбницем? Это Лейбниц должен как-то заинтересовать Ньютона в разговоре.

Даниель не спал и не делал вид, будто спит. Как только рассвело, он открыл шторы на окнах, за которыми оказалась прелестная суррейская аллея. Впрочем, любоваться ею пришлось недолго, не больше четверти часа. Сперва Лейбниц, потом Ньютон зашевелились, стряхивая настоящий или притворный сон.

— Так вы думаете, мы едем на последнее собрание клуба? — спросил Даниель, пытаясь вовлечь их хоть в какой-нибудь разговор.

— Если вы на самом деле спрашиваете, поймаем ли мы Джека, то мой ответ: «нет», — отвечал Исаак. — Это не похоже на его логово. Скорее на загородное поместье какого-нибудь лорда.

— Вы как будто смущены, — заметил Лейбниц, — но разве не было с самого начала очевидно, что Джек в сговоре с высокопоставленными лицами?

— Разумеется, — сказал Исаак. — Тем не менее я не ожидал въехать прямо в ворота графской усадьбы! Где мы?

— Не тревожьтесь, — успокоил его Даниель, сидевший лицом вперёд. — Нам машет один из псевдомогавков Роджера. Он показывает кучеру, чтобы тот свернул влево.

— А что там слева?

— Дорога поуже — не такая роскошная аллея, как здесь. Может быть, она приведёт к какому-нибудь смиренному сараюшке.

Однако, едва свернув, они въехали в каменные ворота: явно не парадный вход, а скорее чёрный, ведущий в какую-то часть поместья. Покуда карета тряслась по ухабам, Даниелю подумалось, что здесь недавно прошла пехота вигов, и все солдаты разом справили малую нужду. И тут он сообразил, впервые в жизни быстрее Ньютона и Лейбница: последние несколько минут пути — дороги, повороты, запах — сходились с тем, что наблюдал Кикин на подъезде к таинственному заведению. Они у цели. Почти.

— Кучер! — крикнул Даниель. — Скажи, ты видишь впереди место, где можно повернуть вправо, а потом немного проехать в гору по старой дороге, кое-где замощённой плитами?

— Нет, хозяин, — отозвался кучер, но тут карета повернула, и он увидел именно то, что описал Даниель. Ньютон и Лейбниц, которые к этому времени уже высунулись из окон, тоже.

— Езжай туда! — хором закричали все трое, узнав место по описанию Кикина.

Кучер подчинился. Карета начала подъём на холм.

Его венчали несколько очень ветхих строений старонорманнского вида. Лаяла собака. Сзади застучали копыта: их нагонял кавалерист, раньше указавший дорогу кучеру.

— Поворачивайте! Вы едете не туда! — кричал он.

— Мы едем туда! — возразили Ньютон, Лейбниц и Уотерхауз в один голос, от чего все трое расхохотались. Собака зашлась лаем.

— Кто идёт? — донесся голос с подножия холма. Спрашивал явно не местный житель, окликающий чужака, а другой чужак, силящийся понять, что происходит. В первый миг Даниель опешил, во второй ощутил лёгкое беспокойство. До сих

пор он был убеждён, что здесь уже прошли союзники, действующие по чёткому плану, теперь слышал, как несколько подразделений и отдельных индивидуумов, находящихся на одной с ними стороне, тратят уйму усилий, просто чтобы понять: кто тут, куда направляется и так далее. Вполне возможно, что они с Ньютоном и Лейбницем *опередили* остальное войско. И наконец, венцом в цепочке, начало которой положил окрик «Кто идёт?», явилось осознание, что все военные операции таковы, никто, кроме Даниеля, ничуть не удивлен, исправить, как обычно, ничего нельзя, и никаких извинений не последует.

Тем временем они въехали на холм, где их сразу окружила адская вонь: запах нашатыря такой сильный, что лошади с испугу понесли. Кучеру потребовались вся его смекалка, сила характера и умение обращаться с кнутом, чтобы остановить их, развернуть и направить обратно в наветренную сторону, где воздух был почище. Лихорадочная скачка с разворотом на холме длилась секунд десять и оставила у Даниеля в мозгу обрывки тягостных образов: рвущийся с цепи пёс, выпотрошенные строения, обезображенная земля. В голове звучали слова «мерзость запустения»: он отчётливо слышал, как Дрейк читает их

по Женевской Библии. Старые фахверковые постройки, вероятно, разрушились ещё раньше, чем сюда попали Джек и его присные. Как жуки в дохлого зверя, пришельцы вгрызлись в развалины, понаделали в них дыр и ходов, разобрали стены и крыши, превратили россыпь домишек в нечто новое и чудовищное. Со стороны ограды дома изменились мало, зато посередине выросло нечто новое и чудовищное. Огромные перегонные кубы, чёрные от копоти, переходили в медные змеевики, покрытые капельками застывшего припоя и мохнатой порослью химических кристаллов. На земле чернели выгоревшие безжизненные пятна от пролитых ядовитых жидкостей.

Даниелю наконец пришло в голову взглянуть на Исаака: как понравилось архиалхимику его искусство, увеличенное во сто крат. На лице Ньютона не было ни восторга, ни омерзения, только некая раздумчивость, как всегда, когда он выстраивал в голове нечто, для Даниеля недоступное. И тут он сказал:

— Дом Кларка.

Исаак имел в виду место, которое показывал Даниелю пятьдесят лет назад в Линкольнширском городке Грантем: дом аптекаря, где жил школьником. Кларк увлекался алхимией и за-

полнил боковой дворик дома остатками своих экспериментов. Его приборы были несравнимо меньше здешних установок, но юному Исааку наверняка казались такими же огромными, завораживающе грозными и таинственными. За полстолетия всё алхимическое сделалось для Исаака привычным, однако сейчас он испытал то же, что чувствовал мальчиком, когда без спросу проникал в лабораторию мистера Кларка.

Что до самого Даниеля, ему хотелось злиться на то, что Джек сделал с уютной старой фермой, негодовать, ненавидеть Джека ещё сильнее. Увы, он не мог вызвать в себе этих чувств, потому что уже видел в Девоне творение Томаса Ньюкомена — провозвестие того, что наблюдал здесь. А может, и машина для подъёма воды посредством огня, и Джеков фосфорный завод — провозвестия чего-то другого, что Даниель не может (и едва ли хочет) вообразить. Когда-то он с большим апломбом сказал мистеру Тредеру, что Англии, если она научится строить машины, не понадобятся рабы, и что машины, плод изобретательной мысли, — вещь более английская, чем стонущие от непосильного труда негры. Сейчас он понял, что следовало быть осторожней в своих желаниях. Первая установка для получения фосфора, создан-

ная алхимиком Генрихом Брандтом, вдохновила Лейбница на стихи. Теперь по лицу Лейбница Даниель видел, что об этом месте тот ничего не напишет, разве что ему придёт фантазия сочинить новую песнь к Дантову «Аду».

Лошади наотрез отказались приближаться к зловонному сооружению; Ньютону, Лейбницу и Уотерхаузу пришлось вылезти из кареты. Они знали, что собака привязана, потому что чуть её не переехали, и что людей там не окажется, потому что никто не мог бы спать в этом аду. Все трое быстрым шагом двинулись к установке. Сзади послышался конский топот, но никто не обернулся: это наверняка был могавк, которого отрядили за ними приглядывать.

Ветер унёс с холма последние клочья тумана, хотя в седловинах по-прежнему пухлыми серыми реками лежала мгла. Можно было видеть на десять миль вокруг, и всякий, кроме натурфилософа, повернулся бы спиной к безобразному зрелищу и обратил взор к красотам природы. Однако этих людей, которым ничего не стоило разрезать прекрасный труп, дабы осмотреть некрозную язву, интересовал только фосфорный завод.

Участок был обнесён старой живой изгородью;

новые жильцы безжалостно обрубили её до половины человеческого роста. Ньютон, Лейбниц и Уотерхауз прошли по дороге, могавк легко перемахнул на коне через изгородь, развернулся и рысью подъехал к ним. Уотерхауз, хорошо знавший своё место, взял на себя тягостную обязанность поговорить со всадником, чтобы великих мужей не отвлекали от наблюдений.

— Не важно, какой приказ вам отдали, — сказал Даниель. — Это место — наша сегодняшняя цель; сюда мы и ехали.

— Съездить за остальными?

— Нет необходимости. Они скоро нас найдут.

— Я хотел сказать, сэр, на случай, если нам окажут сопротивление.

— Сопротивления не будет, кроме вот этого!

Даниель указал на бегущего к ним пса.

Верёвка была длинной, так что пёс мог бегать по всей вершине холма, если не совершит классическую ошибку и не намотает её на что-нибудь, а этот пёс, судя по всему, был из умных. Считая, что отогнал карету с Ньютоном, Лейбницем и др., он бросился на противоположный край участка, чтобы облаять кого-то ещё. Теперь он бежал к ним наискосок слева. Ньютон и Лейбниц были чуть ближе, Даниель и конный могавк — чуть

дальше; пёс на мгновение замедлился, принимая решение, затем благоразумно выбрал первых двоих. Ньютон и Лейбниц, такие разные, пока речь шла о глубоких философских вопросах, при виде разъярённого мастифа повели себя совершенно одинаково. Оба рванули вправо и очутились возле изгороди, через которую готовы были в крайнем случае перелезть, — именно в крайнем, ибо возраст не способствовал таким подвигам. Вдоль изгороди они побежали вперёд в надежде выбраться из смертоносного радиуса, но верёвка всё разматывалась и разматывалась; всякий раз, как казалось, что сейчас-то она натянется, новые мили возникали, будто из шляпы фокусника.

Ньютон обо что-то споткнулся, и Лейбниц наклонился это поднять. Предмет оказался большой деревянной весёлкой, местами обгорелой и грязной, с обломанным концом, но всё равно длиною в морскую сажень. (Учёные как раз добежали до котла, в котором такими весёлками размешивали и проверяли густеющее варево.) Лейбниц замахал находкой, подавая собаке знак, который та истолковала совершенно верно и, прекратив лобовую атаку, плавно перешла к хитроумным наскокам с фланга. Тут и нагнал их Даниель; под защитой Лейбница он начал поднимать Ньютона

с земли. Тем временем могавк заехал собаке в тыл и закричал, отвлекая её на себя. Конь отлично понимал план и всецело не одобрял; всадник вынужден был одновременно манипулировать психическим состоянием собаки и лошади, что требовало немалого напряжения.

Исаак лежал не потому, что споткнулся, а потому, что нечто его заинтересовало. Он показал руку. На середине ладони лежал красный катышек.

— Смотрите, — объявил Исаак. — Джек научился делать *красный* фосфор. Он рассыпан повсюду.

— Наверняка он и служил запалом в адских машинах. — Лейбниц по-прежнему стоял с весёлкой наперевес, защищая Даниеля с Исааком, которые сжались под изгородью. Однако необходимости в этом было все меньше: вниманием собаки безраздельно завладел могавк. Лошадь вздыбилась, чтобы обрушить копыта на голову мастифу.

Всадник вытащил пистолет.

— Не открывайте огонь, сэр, — попросил Даниель. Ему давно опостылело смотреть, как собак убивают во имя натурфилософии. Он встал и поднял Ньютона на ноги. Что-то в слове «огонь» вызвало у него смутное беспокойство.

— Не открывайте огонь! — закричал Лейбниц,

который, опустив взгляд, увидел рассыпанный по земле красный фосфор.

Однако могавк их не слышал. Верёвка обвилась вокруг задних ног лошади, та обезумела. Всадник навёл пистолет на собаку. Лейбниц стремительно повернулся спиной к тому, что сейчас произойдёт. Увидев, что до товарищей несколько шагов, он развернул весёлку горизонтально, поднял её на уровень груди и побежал. Деревяшка ударила Даниеля под ключицы и заставила пятиться, пока жесткие ветки низко остриженной изгороди не уперлись ему чуть ниже ягодиц. Он успел увидеть, как из пистолета вырвалось пламя, затем небо вокруг него повернулось — птолемеева иллюзия, разумеется, потому что на самом деле он летел кубарем через изгородь. Даниель — и Ньютон — перекувырнулись на другую сторону и остались лежать ничком. Икры ему обжигало белое пламя, вставшее над изгородью, как рассвет.

Боб утратил способность различать высокие звуки, зато стал очень чуток к ударам и раскатам, которые слышал не ушами, а ступнями и рёбрами. Этими органами чувств он воспринимал конский топот, хлопанье дверей, пальбу и тому подобное. Пальбы он пока слышал мало. Копыта стучали за спиной: сзади нагоняла кавалерия

вигов. Боб вёл роту по лугу к колючей изгороди, обрамляющей вершину холма. Как везде в поместье, она была острижена примерно до середины человеческого роста. Боб видел в этом военные приготовления: как раз из-за такого укрытия удобно стрелять, стоя на одном колене.

Три ограды, разделявшие примерно четверть мили более или менее открытого пространства, были сейчас между его солдатами и фермой на вершине холма, откуда, судя по всему, доносился лай. Боб видел, как рядом с домами показался и снова исчез экипаж, но не понял, что это значит, а потому оставил без внимания. Солдаты инстинктивно развернули строй параллельно следующей изгороди. Когда они сбавили шаг и забросили ружья за спину, чтобы через неё лезть, Боб кое-что услышал ступнями и крикнул: «Кавалерия! Меньше эскадрона. Гораздо меньше. Держать строй. Скачут из-за тех деревьев». Последнее было просто догадкой; Боб исходил из того, что до сих пор не видит всадников. Все солдаты разом повернулись: они слышали что-то, чего не слышал он. Боб вслед за ними устремил взгляд на рощицу в седловинке впереди и увидел конские ноги, озарённые янтарным светом раннего утра, бьющим сквозь черные стволы.

Через мгновение три всадника вылетели из-за рощицы и понеслись прямо на Боба. Они точно рассчитали время: выждали, пока пехота замедлит шаг, чтобы форсировать изгородь.

— Кругом! Спиной к изгороди! — приказал Боб.

Из-за того, что всадникам пришлось огибать лесок, они растянулись — тот, что скакал с краю, отстал. Средний — если глаза Боба не обманывали — был чёрный. Обгорел? Ружьё взорвалось в руках? Гадать было некогда. Боб вытащил палаш на случай, если придётся парировать сабельный удар сверху. Но ни один из всадников не обнажил оружие. Первый перескочил ограду очень близко от Боба, и тот чуть не упал — не потому, что его сбили с ног, а от головокружительного восхищения красотой лошади и мощью её движений. Чёрный человек прыгнул по другую сторону от Боба. В тот же миг верхушка холма озарилась, через мгновение раздался свистящий гул, затем череда ударов. Когда это произошло, третий всадник как раз послал лошадь в прыжок; та от испуга задела изгородь, неудачно приземлилась и сломала ногу.

Всадник упал отдельно от неё и быстро вскочил, отделавшись ушибами. Однако два взвода пехотинцев уже целили в него с расстояния настолько

близкого, что, скомандуй Боб «пли!», изрешечённое тело опалило бы пороховым пламенем.

— Убери эту дрянь от моего носа и пристрели лошадь, — сказал молодчик ближайшему солдату.

Два других всадника — сперва чёрный, потом белый — развернулись посреди луга. Боб видел, что им наперехват скачут кавалеристы-виги.

— Джимми! Томба! — закричал тот, который упал с лошади. — Вперёд! Вы прорвётесь! Это несколько хлыщей на водовозных клячах, они не знают местности и не умеют драться!

Боб подозревал, что всё сказанное верно. Если бы Джимми и Томба по-прежнему мчали во весь опор, они, возможно, прорвали бы строй вигов, а с такого расстояния по скачущим людям солдаты могли и не попасть. Однако эти двое поступили иначе. Они обменялись взглядами и поехали к своему товарищу. Боб шагнул вперёд, лишь раз обернувшись — без всякой надобности — проверить, что на всех троих наведены ружья. Одно слово Боба — и грянут выстрелы. Все трое это знали, но не обращали внимания на Боба и вообще ни на кого. Белый всадник, подъехав, сказал:

— Не выёживайся, Дэнни. У нас в семье не принято драпать, бросив своих.

Теперь Боб узнал в Джимми и Дэнни своих племянников, которых не видел лет двадцать.

— Чтоб мне провалиться! — сказал он.

То было восклицание досады, но едва ли изумления. За последнее время он так навидался родственников, что утратил способность удивляться. Услышав возглас, они обернулись и тоже его узнали.

— А, чёрт! — ругнулся Дэнни.

— Я знал, дядя, что рано или поздно это случится, — Джимми печально и умудренно покачал головой, — если ты и дальше будешь путаться с *законными властями*.

— Вы его знаете? — спросил чёрный, встряхивая густой шапкой волос.

— Он наш дядя, чёрт бы его подрал, — отвечал Дэнни. — Надеюсь, ты доволен, Боб.

Сердце у Боба колотилось. Что-то очень похожее ощущали его ноги, потому что земля дрожала — конница неслась по лугу, предвкушая вожделенный случай срубить на всём скаку несколько голов. От такой ясной и близкой опасности Бобово оцепенение прошло. Он зашагал навстречу кавалеристам, подавая рукой знак остановиться. Капитану хватило ума сдержать атаку. Всадники натянули поводья и выстрои-

лись в линию, чтобы перекрыть пути для побега.

— Вы в самовольной отлучке из Собственного его, потом её, потом снова его королевского величества блекторрентского полка двадцать лет, — сказал Боб.

— Брось говниться! — отвечал Дэнни, но Джимми, спрыгнув с лошади, сказал:

— Это ты брось валять дурака, братец мой. Дядя Боб думает, что оказывает нам услугу, чтобы нас повесили, как дезертиров, а не четвертовали на Тайберн-кросс.

На Дэнни это произвело сильное впечатление.

— Здорово, дядя. Прости, что зазря обругал. Но как Джимми и Томба не бросили меня, так мы с Джимми не бросим Томбу, чтоб его потрошили в одиночестве, верно, Джимми? Джимми? Джимми? *Шеймус Шафто*, я с тобой говорю, башка стоеросовая!

— Да, наверное, — отозвался наконец Джимми, — но тяжеленько это: два, чёрт возьми, хороших поступка за две, чёрт возьми, минуты.

— У вас было на дурные поступки двадцать лет, — сказал Боб. — Две минуты вас не убьют.

— Как насчёт двух минут на Тайберне? — подал голос Дэнни.

У Боба стало такое лицо, что Томба расхохо-

тался.

На памяти Даниеля Исаак ни разу не подал виду, что ему больно, пока сейчас они с Лейбницем не взяли его за обе руки и не поставили на ноги. Тут у Исаака сделалось изумлённое лицо, как будто он впервые в жизни испытал физический дискомфорт. Простонав: «О-о-о! А-а!», он зажмурился, скривился, наморщил лоб и замер так надолго, что Даниель заподозрил сердечный приступ с близким летальным исходом. Однако мало-помалу боль, видимо, ушла, и сознание Исаака вернуло себе контроль над нервами, идущими к лицевым мышцам. Теперь он мог принять то выражение, какое хотел: напускного безразличия.

— Это… — Он сделал паузу, чтобы глотнуть воздуха. — Пустяки. Мышцы… около рёбер… были не готовы… к *вмешательству*… барона фон Лейбница.

— У вас не сломано ребро? — спросил Даниель.

— Я полагаю, что нет, — ответил Ньютон на одном длинном выдохе и тут же пожалел, что произнёс столько слов за раз, потому что теперь вынужден был сделать глубокий вдох. Лицо его снова перекосилось.

— Я схожу за каретой, чтобы вам не идти, —

предложил Лейбниц. — Даниель, вы побудете с сэром Исааком?

Даниель остался с Ньютоном, а Лейбниц, который из-за подагры и в лучшие-то времена ходил враскачку, отправился искать карету. Видимо, когда вершина холма взорвалась, лошади умчали без оглядки.

Собственно, «взорвалась» не совсем правильное слово, хотя событие и сопровождалось чередой мелких взрывов. Точнее сказать, вершина вспыхнула и сгорела очень быстро, как будто пожар, которому следовало растянуться на несколько часов, уложился в несколько секунд. В отличие от обычных трущоб, вокруг которых скапливаются отбросы, экскременты, зола, это место, хоть и вполне трущобное в своей бессистемности, было загажено исключительно химическими отходами, по большей части легковоспламеняющимися. Огонь, вызванный пистолетным выстрелом, бежал по засыпанной фосфором земле, пока не наткнулся на жилу: ручеёк фосфорной смеси, берущий начало у одного из котлов. По этому запалу он взбежал наверх и поджёг, а затем и взорвал одну или несколько исполинских медных реторт; взрыв, как порох на ружейной полке, воспламенил большой запас красного фосфора в

бывшем амбаре. Амбар исчез с лица земли — не осталось даже обломков. Котлы превратились в оплавленные куски и лужицы меди, частью ещё не застывшие. От перемешанных костей, которые прежде были собакой, конём и всадником, поднимался дым. Всех троих испепелило на месте: своего рода дальнодействие, при котором жар от горящего амбара распространялся в пространстве, как тяготение. Подобно свету, он двигался по прямой. По этой-то причине Ньютон, Лейбниц и Уотерхауз были по-прежнему живы: перекувырнувшись через изгородь, они остались лежать в её тени, вне досягаемости палящих лучей. Сторона изгороди, обращённая к амбару, теперь являла собой стерильный каменный остов с торчащими из него угольными сталагмитами. Противоположная сторона, всего в нескольких дюймах от неё, не изменилась.

Эти и другие впечатления несколько минут полностью занимали натурфилософические умы. Затем внимание Даниеля переключилось на окружающее. До сего момента он не успел толком оглядеться: сперва туман, затем пламя мешали тщательным наблюдениям. Он понятия не имел, где они находятся, знал только, что где-то в Суррее, в возвышенной части Норт-Даунз. Внизу на

много миль расстилалась холмистая местность, там и сям торчали церковные шпили. В другой стороне, чуть дальше по дороге, приткнулся сельский домик. Но прежде чем Даниель успел всё это хорошенько увидеть, взгляд его привлекло куда большее здание вдали; оно стояло на холме, охватывая флигелями систему регулярных садов.

— Ну и дворец! — воскликнул Даниель; глупая реплика, но не сказать этого было невозможно. Теперь он видел и аллею, с которой они свернули. Она вела к противоположной, надо думать, парадной стороне дома. — Чей он?

Ньютон только сейчас увидел дом, но не столько удивился, сколько задумался.

— Будь вы тори, вы бы сразу его узнали. Это поместье Болингброк несколько лет назад купил у милорда ***. — Исаак назвал знатного вига, разорившегося вчистую, когда Английский банк особенно впечатляюще лихорадило; история до сих пор была на слуху.

— Я и не слышал, что у Болингброка есть дом в этих краях, — признался Даниель.

— Это потому, что он так сюда и не въехал, — пояснил Исаак, — только постоянно его перестраивал. — Тут он замолчал, чтобы обдумать собственные слова. — Перестройка означает, что

по дороге снуют телеги с материалами. Местные жители привыкли…

— Вы хотите сказать, что таким образом можно скрыть деятельность преступного предприятия, расположенного на территории поместья, — подытожил Даниель, желая избавить Исаака от необходимости слишком много говорить, поскольку речь, очевидно, доставляла ему боль. — Поразительно! Мы подозревали, что Джек как-то связан с Болингброком. Но кто бы мог представить, что статс-секретарь допустит такое на своей собственной земле?

— Может быть, не столь и поразительно, — произнес Исаак. — Сам он здесь не живёт. Не так давно мы убедились, что Болингброк даже в зените славы и могущества был куда слабее и уязвимее, нежели мы думали. Вполне возможно, что он не раз прибегал к Джековой помощи. Почему Джеку было не обосноваться на земле, принадлежащей Болингброку и, вероятно, купленной на деньги французского короля?…

Ньютон пожал плечами, давая понять, что нисколько не удивлен, — и тут же об этом пожалел, поскольку движение причинило рёбрам острую боль.

— Я вижу, сюда едет ещё один экипаж. Вероятно,

с господами Кикиным, Тредером и Орни. — Даниель замахал кучеру, и тот ответил взмахом руки. — Давайте сядем и подождём их.

— Я лучше постою, — отвечал Ньютон, — чтобы не пришлось снова вставать.

— Куда велим кучеру отвезти нас? — спросил Даниель, надеясь услышать: «К ближайшему врачу».

— Вон к тому домику, — ответил Исаак. — Давайте выясним, чем там Джек занимался. Впрочем, я, кажется, знаю.

— Так я и думал, — произнёс он двадцатью минутами позже, сидя за столом в домике. Даниель, Лейбниц, Орни, Тредер и Кикин стояли вокруг на осколках недавно выбитого оконного стекла. Карету, в которой Даниель, Ньютон и Лейбниц приехали из Лондона, нашли и подогнали к дому; из неё принесли некий ящик с инструментами. Оттуда Исаак извлёк превосходную лупу и теперь изучал в неё улики, найденные на столе.

На втором этаже домика, в спальне, под кроватью, могавки обнаружили трёх людей, не говорящих по-английски: одного пожилого и двух не то сыновей, не то подмастерьев, не то сыновей-подмастерьев. Их пригнали вниз, и Лейбниц узнал в них саксонцев. Они обрадовались, что могут

говорить по-немецки, но, услышав, что он барон, оробели ещё больше. Лейбниц беседовал с ними, Кикин (знавший немецкий) слушал, Ньютон изучал предметы на столе. Орни и Тредер, оставшиеся не у дел, стояли рядом. Даниеля изумила разница их выражений: Орни кипел энергией, Тредер был странно растерян и напряжён.

— Прежде чем я сообщу о своих находках, — начал Ньютон, — скажите, барон фон Лейбниц, удалось ли вам что-нибудь выяснить у этих людей?

— Вряд ли я кого-нибудь удивлю, поскольку все уже видели их инструменты, — сказал Лейбниц. — Они гравёры. Приехали из Дрездена.

— И старший, очевидно, мастер, — кивнул Ньютон. — Объясните ему, кто я, и передайте моё глубочайшее восхищение.

Лейбниц произнёс несколько слов по-немецки. При имени Ньютона саксонцы обмерли от страха; прозвучавшая следом похвала заставила старшего покраснеть до корней волос. Он поклонился очень низко, затем, видимо, боясь, что ведёт себя недостаточно раболепно, бухнулся на колени. Молодые люди последовали его примеру. Даниель редко видел такое пресмыкательство.

— Исаак, — заметил он, — по-моему, они дума-

ют, что вы собираетесь их убить.

— То, что они здесь сделали, со стороны англичанина было бы государственной изменой, — отвечал Исаак. — Можно ли обвинить саксонца в измене Соединённому Королевству, пусть решают законники.

— Они сказали мне, — вставил Лейбниц, — что их заманили сюда подложным предлогом, заперли в доме и предупредили, что они не выйдут отсюда и не получат платы, пока не выполнят некую работу, которая уже почти закончена.

— Вот она! — Ньютон поднял со стола бурую таблетку, которую перед тем долго изучал в лупу. — Это восковой слепок с чекана для монеты в одну гинею. Приглашаю всех с ним ознакомиться.

Он протянул восковой диск Даниелю. Рисунок был очень знакомый и в то же время непривычный.

— Здесь профиль Георга-Людвига Ганноверского! — воскликнул Даниель.

— Две недели назад я поручил гравировщикам на Монетном дворе изготовить чеканы для гиней короля Георга, — сказал Ньютон. — С тех пор — чему есть множество свидетелей — я ни разу не вступал в пределы Тауэра. Я не видел чекана, с ко-

торого снят этот слепок. И всё же здесь, в Суррее, в поместье виконта Болингброка, мы находим слепок и… — он показал выполненное в металле зеркальное отражение оттиска, — …практически безупречную копию чекана, при помощи которой можно делать фальшивые деньги! Улики, как и свидетельства этих саксонцев, предают врагов в наши руки. Те, кому поручено охранять Монетный двор — люди, находящиеся под командованием Чарльза Уайта, — изготовили слепок и доставили его сюда, где мы нашли оборудование для чеканки фальшивых денег и взяли с поличным сыновей Джека Шафто. А поскольку я не входил на Монетный двор, Болингброк не сможет обвинить меня в причастности. Все замешанные в преступлении отправятся на Тайберн. Что до саксонцев, они смогут вернуться на родину после того, как помогут нам в расследовании.

Норман Орни — человек грузного сложения, но сильный и даже проворный благодаря работе на верфи — успел подхватить более щуплого мистера Тредера, пока тот не грохнулся на пол.

С помощью одного из младших саксонцев Орни отнёс Тредера наверх и уложил на кровать. Там его принялись обмахивать платками, растирать ему руки, поднимать ноги; наконец кровь вновь

прихлынула к лицу старого денежного поверенного, и тот очнулся, о чём, судя по виду, сразу и пожалел.

— О, сэр Исаак, — проговорил он, ища руками, за что бы ухватиться, потом добавил, ни к кому конкретно не обращаясь: — Помогите мне встать.

— Лучше полежите, — сказал Даниель.

— Наступил миг, которого я всей душой надеялся избежать, — проговорил Тредер. — Я должен на коленях молить сэра Исаака Ньютона о жизни или хотя бы о достойной смерти, а если и это невозможно, то о смерти быстрой.

— Так вы сознаётесь в сговоре с монетчиками? — ровным голосом спросил Ньютон, ничуть не захваченный общим изумлением.

— Вы давно всё вычислили, верно, сэр Исаак? Да. В сговоре с монетчиками. С монетчиком. Поймите, вначале…

— Всё казалось безобидным? — Исаак взмахнул рукой, как будто прогоняя осу. — Простите, но я узнаю начало длинной и хорошо отрепетированной речи, которую не желаю выслушивать. Чем дольше вы будете рассказывать, тем более постепенным и невинным будет выглядеть ваш путь к… *государственной измене*.

Тредер подпрыгнул, насколько такое возможно для человека, лежащего на спине.

— Однако, как бы вы ни затягивали рассказ, начало и конец будут те же самые, не так ли? — продолжал Исаак. — В *начале* вы завели внешне безобидное обыкновение взвешивать гинеи и откладывать чуть более тяжёлые. В *конце* вы полностью предались Джеку-Монетчику. Он внедрил своих людей в ваше окружение; вы настолько у него в руках, что он смог положить адскую машину в вашу багажную телегу с тем, чтобы уничтожить директора Монетного двора в здании Королевского общества.

— О, сэр Исаак, об этом я не знал!

— *Здесь* я вам верю. У Джека не было никаких резонов вас предупреждать — скорее напротив. Но даже если не считать историю с адской машиной, вы всё равно повинны в государственной измене.

— А если я во всём сознаюсь? Поставьте меня перед магистратом, сэр Исаак, и я запою звонче любого контртенора в Итальянской опере!

— Мне незачем вас слушать, — отвечал Исаак. — Ваше предложение запоздало. Я без вашей помощи добился всего, чего хотел.

— А что, если я выдам Джека-Монетчика? —

проговорил мистер Тредер.

Хотя у Даниеля и у всех остальных перехватило дух, Ньютон лишь слегка улыбнулся, словно гроссмейстер, с самого начала знавший, что противник рано или поздно выставит ферзя.

— Тогда есть почва для переговоров, — сказал он.

— Каждый воскресный вечер милорд Болингброк посещает некий клуб, где собираются тори. Там есть приватная комната с входом для слуг, ведущим в кухню. По определённому сигналу Болингброк под тем или иным предлогом удаляется в эту комнату. Тем временем Джек входит с чёрного хода в обличье ремесленника, якобы пришедшего на кухню точить ножи. Он проникает в приватную комнату через дверь для слуг и отбрасывает маскарад. Здесь два негодяя строят свои козни и согласовывают интриги. Сегодня воскресенье; всё произойдёт, как я сказал, всего через несколько часов.

— Возможно, Джек узнает о том, что случилось сегодня утром, и не явится на встречу, — предположил Исаак.

— Кто его уведомит? Поместье оцеплено.

— Все в округе видели, как взорвалась вершина холма.

— Может быть, новость достигнет Джека, может быть — нет, — проговорил мистер Тредер. — Ему всё равно надо время от времени встречаться с Болингброком. Если ничего не выйдет, я знаю о привычках Джека кое-что ещё и смогу посоветовать другой путь.

— Тогда едем в Лондон и расставим западню, — сказал Ньютон.

Засим самое богатое событиями (по крайней мере на сегодняшний день) заседание клуба объявили распущенным, а его казначея заковали в цепи.

Библиотека Лестер-хауз
утро 18 августа 1714

Ибо суверен есть душа государства, дающая ему жизнь и движение, и, когда эта душа умирает, члены управляются ею не более, чем труп человека управляется покинувшей его (хотя и бессмертной) душой.

***Гоббс, «Левиафан»*[4]**

Дом не ремонтировался более ста лет и был неисправимо тюдоровским. Ничего не стоило представить, как Глориана вызывает сюда сэра Уолтера Рели, чтобы учинить ему разнос. Ни одной книги современного автора на виду. Очертания береговых линий на глобусе безнадёжно устарели.

Впрочем, сэру Исааку некогда было разглядывать почтенную реликвию. Его провёл в библиотеку молодой Иоганн фон Хакльгебер — лейпцигский барон. Посему сэр Исаак не очень удивился, когда с кресла навстречу ему поднялся

---

[4] Примечания: 4
Пер. А. Гутермана.

другой северо-немецкий барон — Готфрид Вильгельм фон Лейбниц. Лицо Ньютона выразило недовольство тем, что его заманили на ещё одну чрезвычайную и незапланированную встречу с извечным противником, но он умел перебарывать досаду. Мельком взглянув на молодую женщину в кресле у глобуса, сэр Исаак вновь пристально посмотрел на Лейбница. «Я полагал, что наношу визит герцогине Аркашон-Йглмской…» — начал он и не договорил: его взгляд вновь невольно устремился к молодой даме. Ньютона поразила не красота (хотя дама и впрямь была довольно привлекательна), а платье и драгоценности. Особенно драгоценности — таких он не видел с последней аудиенции у королевы. На даме была диадема, и что-то подсказывало Ньютону, что блестящие камешки — не стразы, а самый убор — не просто показная роскошь.

Иоганн фон Хакльгебер уже выскользнул из комнаты. Лейбниц взял слово.

— Ваше королевское высочество, — обратился он к молодой даме, — это сэр Исаак Ньютон. Сэр Исаак, честь имею представить её королевское высочество Каролину, принцессу Уэльскую, кронпринцессу Ганноверскую и прочая, и прочая.

— Стойте, не двигайтесь! — сказала Каролина,

вынудив учёного замереть в начале движения, обещавшего перейти в низкий официальный поклон. — Мы уже слышали, как вы пострадали на нашей службе из-за непредвиденных последствий героического поступка барона фон Лейбница. Вам сейчас не следует кланяться. Прошу, садитесь.

— Не щурьтесь так сурово на фрайгерра фон Лейбница, — произнёс другой голос из угла.

Ньютон посмотрел туда и увидел Даниеля Уотерхауза, углубившегося в пожелтелый старинный фолиант.

— Я, а не барон, рассказал её высочеству всю историю, и если у её высочества сложился неправильный взгляд на события, то вина исключительно моя. Верно, не каждый день немецкий барон набрасывается на сэра Исаака Ньютона с палкой. Некоторые могли бы истолковать его поступок превратно, однако я, переживший такое же обращение, простил и поблагодарил барона.

— Я тоже. — Ньютон крайне медленно и осторожно опустился в кресло, которое указала принцесса. Теперь Каролина сидела на неком подобии трона посередине, а Ньютон и Лейбниц — симметрично по обе стороны от неё. Даниель оставался в тёмном углу как неприметный

библиотекарь или, если угодно, философический дворецкий.

Каролина постаралась сломать лёд (толстый и очень холодный), заговорив о последних событиях в Лондоне. Верны ли слухи, которые до неё дошли?

Ход был выбран безупречно; сэр Исаак ничего так не желал, как развеять сомнения новой династии в надёжности английской денежной системы.

— Джек Шафто пойман! — объявил он. — Монетчику больше не чеканить фальшивок на этом свете!

— Если я правильно понимаю, — сказала Каролина, — новость и впрямь великая, и я удивлена, что не услышала её раньше.

— Ах, ваше королевское высочество, я не знал, что вы в Лондоне, пока не переступил порог этой комнаты, иначе известил бы ваше королевское высочество в тот же миг, как мистер Шафто был арестован.

— Я не о том. Я удивляюсь, что ещё ничего нет в газетах.

— Его задержали неподалёку отсюда в задней комнате некоего клуба, посещаемого тори, многие из которых, будьте уверены, глубоко

шокированы. Некоторые виги извлекли бы из этого политические выгоды и, без сомнения, ещё извлекут. Я не питаю вражды к большинству членов упомянутого клуба и не хочу навлечь на них бесчестье. Истинный виновник — некий тори, какое-то время бывший первым человеком в Англии.

— Я знаю, о ком вы говорите.

— Он заслуживает разоблачения и позора, однако скандал был бы неудобен для всего королевства. Дело щекотливое… — Тут Исаак, в несвойственной ему манере, обратил взгляд на человека более компетентного — Даниеля Уотерхауза, лорда-регента.

Даниель вместо ответа повернулся к библиотечной двери и громко приказал:

— Внесите!

Невидимый слуга распахнул дверь. Другой слуга, дворецкий, вошёл с подносом, который почти полностью скрывала синяя бархатная подушка. На ней лежали две металлические отливки, сцепленные наподобие половинок огромного медальона. Их поднесли принцессе; Ньютон и Лейбниц украдкой скосили глаза на поднос.

Даниель сказал:

— Честь имею вручить вашему королевскому

высочеству печати, которыми бывший статс-секретарь его величества пользовался в своей официальной корреспонденции. До вчерашнего дня они, разумеется, находились у милорда Болингброка. Однако, как вашему королевскому высочеству, вероятно, известно, Болингброк решил проводить больше времени с семьёй…

— Да, во Франции, — сухо произнесла Каролина.

— Когда его последний раз видели, он мчал на юг со скоростью, какую обычно развивает лишь тело, сброшенное с большой высоты, — сообщил Даниель. — Разумеется, он, человек чести, прежде вернул печати одному из регентов его королевского величества. Мне досталась привилегия подхватить их, когда они выпали из потных дрожащих рук милорда Болингброка, и теперь передать вашему королевскому высочеству. Это ваше фамильное достояние. Вы можете забрать их с собой в Ганновер либо…

— Они будут гораздо полезней здесь, — отвечала Каролина. — Вы с другими регентами приглядите за ними, хорошо?

— Почту за честь и за счастье, ваше королевское высочество.

— Прекрасно. Раз Болингброк покинул страну,

не будем о нём больше. Я хотела бы услышать о Джеке Шафто. Его брали с боем?

Дворецкий поставил поднос с печатями на библиотечный стол и, пятясь, с поклонами вышел из комнаты. За это время Исаак успел сформулировать ответ. До сего момента он без промедления отзывался на каждое слово и жест принцессы, однако сейчас выдержал короткую паузу. Даниель, внимательно изучавший его лицо, различил дрожь торжества — редкое для пуританина попустительство своей слабости. Исаак сидит по правую руку от принцессы Уэльской, докладывает, как схватил архипреступника Джека-Монетчика, а на закуску ему подносят печати злейшего врага… Лучше был бы только скальп Болингброка на шесте.

— С боем? О нет. Скорее, он напустил на себя скучающий вид. По крайней мере, так сказали мне бравшие его приставы.

— Скучающий?

— Да, ваше королевское высочество, будто с самого начала знал, что идёт в ловушку.

— Так он в Тауэре?

Исаак не смог сдержать покровительственной улыбки.

— Поскольку мистер Шафто — опасный госу-

дарственный преступник, ваше королевское высочество правильно предположили, что он должен содержаться в Тауэре. Однако в данном случае привходящие обстоятельства диктуют иной образ действий. Несколько месяцев назад Джек-Монетчик и его шайка вооружённой рукой захватили Тауэр. Событие это сумели замолчать, но из самого факта следует, что у Джека-Монетчика в Тауэре много сообщников и что устройство крепости хорошо ему известно. Заправляет в Тауэре по-прежнему Чарльз Уайт, капитан королевских курьеров, старый приспешник Болингброка.

— Мы удивлены, что регенты не отправили его в отставку, — заметила Каролина, переводя взгляд на Даниеля.

— В Англии такого рода перемены совершаются небыстро, — пояснил Даниель, — и редко без оснований. У нас нет надёжных улик, изобличающих мистера Уайта; хотя они, возможно, ещё появятся.

— Если Джек расскажет нам всё, что знает, — уточнил Ньютон.

— Ясно, — ответила Каролина. — И это ещё одна причина держать его вне Тауэра и вне досягаемости мистера Чарльза Уайта. Так где он?

— В Ньюгейтской тюрьме, — сказал Ньютон, — а другие члены шайки — во Флитской. Мы сочли разумным не помещать их в одно здание.

— Разумеется, — проговорила Каролина слегка растерянно. — Но разве Ньюгейт — не общая тюрьма самого низкого разбора? Смогут ли там его надёжно охранять?

— Ньюгейт состоит из нескольких тюрем, — объяснил Даниель. — Самая печально известная его часть — и впрямь общий каменный мешок, но есть и другие, где содержатся знатные люди, если им это по карману.

— Мы заплатили ньюгейтским тюремщикам, чтобы Джека заковали в тяжёлые кандалы и поместили в «замок», — сказал Ньютон.

— Не может ли он заплатить им больше?

— Мог бы, вероятно. Однако соучастие в его побеге чревато обвинением в государственной измене. А тюремщики, которые служат в Ньюгейте и каждый день видят Джека Кетча, лучше других осведомлены о каре за такое преступление.

— Благодарю вас, сэр Исаак, и вас, доктор Уотерхауз, за подробные объяснения, — сказала Каролина, тоном и сменой позы давая понять, что эта часть разговора окончена. — Теперь я хотела бы услышать о вещах более существенных.

Принцесса откинулась в кресле и опустила локти на подлокотники; говоря, она рассеянно положила правую руку на глобус и начала поворачивать его туда-сюда в бархатном гнезде. То была поза монарха, возложившего одну руку на державу, хотя в другой явно недоставало скипетра.

— Как вам, сэр Исаак, вероятно известно, я знакома с бароном фон Лейбницем много лет и от него получила почти всё, что знаю о математике, метафизике и более молодой науке натурфилософии. Что до первой, меня достигли слухи о неприятном споре в связи с созданием анализа бесконечно малых. Подробности утомительны. Пошлые умы, столкнувшись с такими сложностями, ухватились бы за простое объяснение. Одно из них, что вы украли анализ бесконечно малых у фрайгерра фон Лейбница, другое — что он украл его у вас. Я нахожу обе гипотезы неубедительными.

В продолжение Каролининой речи Даниель наблюдал смену погоды на лице Исаака. Если тот ждал щедрых благодарностей и похвал, то жестоко обманулся. Каролина нашла новости о Болингброке и Джеке занятными, но в конечном счёте не очень существенными. Израненный,

обессиленный рыцарь приволок во двор замка парочку свежеубитых драконов, а принцесса, мельком взглянув на них и задав вежливый вопрос-другой, принялась дальше полировать ногти. Исаак в первое мгновение почувствовал досаду, затем смирился. Ему было не привыкать. Всё им сделанное недооценивали или судили чересчур строго. Лёгкий румянец торжества, минуту назад так отчётливо видимый на его лице, исчез; оно вновь стало серым и деревянным, как у носовой фигуры старого, изношенного корабля.

— Ваше королевское высочество знает Лейбница ближе, чем я, — промолвил Ньютон. — Раз вы ознакомили меня со своим мнением, я его приму и ничего более не скажу по данному поводу — ни здесь, ни публично. Разумеется, не в моей власти заставить других философов принять тот либо иной взгляд.

— Тогда забудем про спор о приоритете и перейдём к метафизике и натурфилософии. Я давно подозревала, и доктор Уотерхауз меня поддержит, что спор о приоритете — на самом деле побочное следствие куда более глубоких, интересных и важных разногласий. Барон фон Лейбниц прекрасно служил моей семье в качестве придворного философа. Надеюсь, вы желаете

того же.

— Это первейшее из моих устремлений, ваше королевское высочество, — отвечал Ньютон. Лейбниц едва заметно закатил глаза и посмотрел на Даниеля, ища поддержки, но тот сделал вид, будто ничего не заметил, и остался сидеть с каменным лицом.

— Не знаю, случалось ли в истории, чтобы королевскому дому служили одновременно два столь выдающихся философа! Это уникальный случай, и я намерена использовать его сполна. Вы оба христиане, верите в Животворящего Бога. Оба признаёте, что человек создан по образу и подобию Божию и наделён свободной волей. В математике и натурфилософии ваши интересы сходны. И тем не менее между вами лежит пропасть глубже, чем между Сциллой и Харибдой — фундаментальное расхождение взглядов, не позволяющее вам трудиться сообща. Наверное, это было бы не так страшно, будь я по-прежнему принцессой Ансбаха или какого-нибудь другого мелкого княжества, вы, сударь, библиотекарем, а вы — викарием. Но я — принцесса Уэльская. Дом, которому вы служите, по мнению многих, уступает величием лишь дому Бурбонов. Разлад в философии этого дома чреват

ужасными и непредсказуемыми последствиями. Год назад я попросила доктора Уотерхауза приехать из Бостона, чтобы мы попытались уладить ваши разногласия. То, что вы, сэр Исаак, и вы, барон фон Лейбниц, сейчас в одном помещении, целиком его заслуга; однако он действовал по моему велению. Роль доктора Уотерхауза завершена, и я ему бесконечно признательна. Теперь дело за вами, господа.

— Ваше высочество, — начал Ньютон, — я благодарен, что вы так ясно изложили мои истинные воззрения на Бога, человеческий дух и свободную волю. Ибо, как я с прискорбием вынужден сообщить, барон фон Лейбниц распространяет клевету, будто я своего рода атеист. Да, я отвергаю учение о Троице, но лишь по одной причине: я убеждён, что догмат о единосущии, принятый Никейским собором, был ошибкой, отходом от того, во что христиане верили раньше и должны верить сейчас…

— Тем, кто ищет клеветников, нет надобности смотреть столь далеко и углубляться в такие материи! — Лейбниц, вскочил так резко, что вынужден был сделать полшага к Ньютону, чтобы не упасть. — Три дня назад я спас этому человеку жизнь, и до меня уже доходят слухи, будто я

покушался его убить! Это сознательная ложь, сударь, никак не приближающая нас к истинной философии!

— Я не могу вообразить лжи более низкой, чем обвинение меня в атеизме! — вскричал Ньютон. Из-за сломанных рёбер ему трудно было встать, но он обеими руками сжал трость, словно намеревался пустить её в ход.

— В атеизме? Нет. Клянусь честью, я не стал бы возводить на вас такую напраслину. Иное дело — *распространение взглядов, толкающих других к атеизму*. И в этом вы, должен с прискорбием сказать, повинны.

— Можно ли вообразить такую непоследовательность!.. — Ньютон немедленно пожалел о своей горячности. Страстная речь причинила боль его рёбрам. Раз уж он так и так их разбередил, Исаак поднялся и продолжил искажённым от муки голосом: — Барон якобы признаёт, что я не атеист, и тут же винит меня в распространении атеизма! Это типично для его скользких речей, для его скользкой метафизики!

Их перебил, но лишь на мгновение, глухой стук. Принцесса Каролина, усталая и раздражённая, перекатила глобус через обитый бархатом обод подставки. Шар упал на ковёр между Ньютоном и

Лейбницем. Каролина поставила на него ногу — весьма неподобающая для принцессы поза — и принялась рассеянно катать глобус взад-вперёд, слушая перепалку философов.

— Я и в малой мере не нахожу её скользкой, — возразил Лейбниц. — Вы можете быть самым искренним христианином в мире, сударь, однако вы публикуете учения тёмные, бессвязные, противоречивые, которые запутывают читателя и толкают его к теориям, для вас неприемлемым.

— Так-то вы заглаживаете обиду, нанесённую ложными обвинениями в атеизме — утверждая, будто труд моей жизни бессвязен и противоречив? Прошу вас воздержаться от таких извинений, сударь, не то я вынужден буду загладить их вызовом на дуэль!

Принцесса Каролина сильно пнула глобус. Он прокатился несколько футов по ковру и поразил ворота — огромный камин, занимавший почти всю стену. Камин был чуть ниже пола, так что глобус остался там, между подставками для дров.

— Современному монарху такой глобус не годится! — объявила принцесса. — Когда мы с принцем Уэльским сюда переедем, я закажу новый, на котором будет больше географии, меньше драконов и русалок. На него можно будет нанести

линии долготы, когда Роджер Комсток найдёт, кому присудить свою награду.

Она встала. Ньютон и Лейбниц, вспомнившие наконец о манерах, смотрели, как принцесса идёт к камину. Но прежде она взяла из канделябра горящую свечу.

— Как правило, я не одобряю сожжения вещей, хранящихся в библиотеках, однако потеря будет невелика в сравнении с тем уроном, который вы двое наносите философии своими дрязгами.

Она изящно опустилась на пол перед камином, расправив вокруг себя юбки.

— Иногда я вижу что-нибудь во сне или в грёзах наяву, и некоторые из этих видений кажутся мне исполненными глубокого смысла. Их я помню и часто обдумываю. Одно из видений запало мне в голову, как западает порой мелодия. Сейчас я отдам ему дань.

И она поднесла свечу к глобусу. Он был деревянный и не мог загореться сразу, но бумага с изображениями континентов вспыхнула. Неровное кольцо пламени расширялось, уничтожая работу картографа и оставляя за собой ровный почернелый шар.

— София перед смертью убеждала меня, что создаётся новая Система мира. О, в этих словах

нет особой новизны. София знала, и я знаю, что так зовётся третий том ваших, сэр Исаак, «Математических начал». После смерти Софии я ещё больше уверилась в её правоте и в том, что новая система родится не в Версале, а здесь. Здесь пройдёт её нулевой меридиан, от которого все будут вести отсчёт. Приятно думать, что новая Система появится на свет, и мне, возможно, выпадет скромная роль стать её восприемницей. Глобус с его ровными линиями параллелей и меридианов для меня — эмблема этой Системы, как крест — символ христианства. Однако меня смущает видение пылающего глобуса. То, что происходит перед вами, лишь бледное его подобие; в моих кошмарах оно и прекраснее, и страшнее.

— Что, по мнению вашего высочества, означает это видение? — спросил Даниель Уотерхауз.

— Что система, выстроенная на неверных основаниях, изначально обречена, — сказала Каролина. — О, все будут дивиться её чёткости и соразмерности, восхвалять гений её создателей. Возможно, она простоит десятилетие, или век, или даже больше. И всё же если она будет создана неверно, то в конечном счете сгорит, и моё видение осуществится куда более гибельным образом.

Принцесса толкнула дымящийся глобус. Он уже обгорел полностью и превратился в чёрный невыразительный шар.

Даниель нагнулся и протянул руку, помогая принцессе встать. Каролина, повернувшись к Ньютону и Лейбницу, продолжила:

— Меня заботят не столько банкиры, купцы, часовщики или люди, которые ищут долготу, и их роль в создании новой Системы. Даже не алхимики и астрономы. Кто меня заботит, так это мои философы. Если они ошибутся, если в Системе будет изъян, она в конечном счете сгорит. Прекратите ругань, и за работу!

— Как пожелает ваше королевское высочество, — сказал Ньютон. — Чего вы от нас хотите?

— Барон фон Лейбниц, возможно, прав, — начала Каролина. — Хотя вы и большинство других членов Королевского общества — настоящие христиане и верите в свободную волю, самые теории и методы, распространяемые Королевским обществом, заставляют многих сомневаться в существовании Бога, божественности Христа, власти Церкви и утверждении, что у каждого из нас есть душа, обладающая свободной волей. Вот, доктор Уотерхауз недавно сообщил мне прискорбную новость, что совершенно отказался от

этих взглядов.

И Ньютон, и Лейбниц воззрились на Даниеля в полном изумлении. Видя, что такие умы его осуждают, он мог только выдавить слабую улыбку и пожать плечами. Каролина продолжала:

— А поскольку на них в значительной мере основана наша цивилизация, мне видится здесь одна из причин, по которой новая Система мира может нести в себе семя собственного разрушения. И вы, сэр Исаак, и вы, барон фон Лейбниц, не видите противоречий между вашей верой и бесстрашным следованием натурфилософии. Однако вы кардинально расходитесь в том, как их примирить. Если вы двое с этим не разберётесь, то не разберётся никто; вот чем я и прошу вас заняться.

— Слова вашего высочества касательно новой Системы и угрозы её грядущего краха напомнили мне о том, что я не понимаю в философии сэра Исаака, — сказал Лейбниц. — Сэр Исаак описывает систему, в которой небесные тела удерживаются на орбитах и вращаются по ним бесконечно. Прекрасно. Но, по его мнению, Бог, создавший и запустивший эту систему, должен время от времени чистить её и даже исправлять, как часовщик свою работу. Словно Богу недостало

предвидения или могущества сделать движением вечным.

— Вы придаёте чрезмерное значение совершенно несущественному отрывку из моей «Оптики», — возразил Исаак.

— Напротив, сударь, он крайне важен, *если неверен* и внушает людям ложные мысли!

— Коли вы так рьяно стремитесь исправить мои ошибки, герр Лейбниц, позвольте отплатить вам той же монетой. Сравнение Вселенной с часами, а Бога с часовщиком неверно. Ибо часовщику даны факты и законы природы, например, что гиря опускается к центру земли, а сжатая пружина расправляется. Исходя из них, он собирает некие механизмы, более или менее хитроумно использующие законы природы. Умелые ремесленники мастерят часы, которые реже надо исправлять, а совершенный ремесленник, вероятно, изготовил бы механизм, вовсе не нуждающийся в исправлении. Однако Бог не просто соединяет данные ему предметы и силы; Он сам Творец этих предметов и сил. Он их создал, Он их и сохраняет. Ничто в мире не происходит без Его надзора и руководства. Думайте о Нём не как о часовщике, но как о короле. Если бы существовало королевство, в котором всё постоянно происходит правильно

и упорядоченно без участия короля, и без его внимания к происходящему, и без его распоряжений, то такой король был бы королём лишь по названию и не заслуживал бы уважения своих подданных.

— Как Бог Спинозы, — вставила Каролина, — если я правильно понимаю ваше сравнение.

— О да, ваше высочество. И ежели барон фон Лейбниц считает, будто мир не нуждается в постоянном руководстве и надзоре со стороны Бога, то, по моему мнению, именно его философия будет толкать людей к атеизму.

— Мой взгляд не таков, и, я думаю, вам это известно, — сказал Лейбниц. — Я верю, что Бог постоянно участвует в жизни мира, но не в том смысле, чтобы исправлять его, когда механизм портится. В противном случае пришлось бы сказать, что Бог допускает ошибки и в чём-то меняет Свои решения. Я верю в предустановленную гармонию, в то, что Бог всё провидел, обо всём заранее позаботился.

Сэр Исаак собрался что-то возразить, но тут вмешался Даниель:

— Это, по-моему, самая неинтересная тема из всех, что вы могли затронуть. Вы спорите о значении некоторых слов и применимости некоторых

метафор: часовщик, король и прочая.

И Лейбниц, и Ньютон стиснули губы, удерживая возражения, готовые посыпаться как из ящика Пандоры. Чтобы не оправдываться до конца дня, Даниель повернулся к Каролине и без паузы выпалил:

— Или формулируя иначе: согласны ли вы, ваше высочество, принять за истину, что и сэр Исаак, и барон фон Лейбниц верят в Бога, промышляющего о Вселенной? И что этот Бог, создавая Вселенную, не допускал ошибок?

— О да, доктор Уотерхауз, очевидно, что оба они в это верят. Хотела бы я сказать то же самое о вас!

— Я не участвую в диспуте, ваше королевское высочество, так что оставим в стороне мои взгляды.

— Напротив, доктор Уотерхауз, — возразила принцесса. — Во всех читанных мною философских диалогах обязательно присутствовал собеседник, настроенный скептически…

— Или просто глупый, — вставил Даниель.

— Будь он скептик, глупец или то и другое вместе, собеседники должны его убедить. — Каролина раскраснелась и оживилась совсем по-девичьи. Она взглянула на Ньютона и Лейбни-

ца, ища поддержки в своей затее, и, сочтя, что они согласны, вновь повернулась к ошарашенному Даниелю, который говорил:

— Следует ли понимать, что теперь цель этого диспута — *моё религиозное обращение*?

— Вы сами сейчас сказали, что чувствуете себя глупцом, — заметила Каролина с лёгкой досадой. — Так что слушайте и просвещайтесь.

— Я в распоряжении вашего высочества и готов к просвещению. Однако позвольте сказать, что моя глупость и мой скепсис — две стороны одной медали. Джон Локк, думающий так же, описал этот взгляд словами куда лучше, нежели удалось бы мне. Не стану отнимать у вас время, рассказывая о нём подробно, краткая же суть такова: рядом с такими людьми, как Ньютон и Лейбниц, такие, как я и Локк, особенно ясно сознаём ограниченность наших разума и чувств. И не только наших, но большинства других людей. А занимаясь натурфилософией, мы прозреваем величие и сложность Вселенной в редких крупицах знания, которые до недавнего времени были от всех сокрыты, да и сейчас ведомы лишь немногим. Несоизмеримость великих загадок Вселенной и наших жалких способностей заставляет нас очень скромно оценивать себя в плане того, что

мы можем и чего не можем понять, и с недоверием относиться ко всякому, кто провозглашает догмы или думает, будто во всём разобрался. Тем не менее я признаю, что если кто и может разобраться, то именно эти двое. Поэтому я буду слушать при условии, что они ограничатся интересными темами.

— И что же вы находите интересным, доктор Уотерхауз? — спросила Каролина.

— Два лабиринта.

Каролина и Лейбниц улыбнулись, Ньютон нахмурился.

— Я не понимаю, что сие должно означать.

— Доктор Лейбниц как-то давно сказал мне, что есть два интеллектуальных лабиринта, в которые рано или поздно забредает каждый мыслящий человек, — объяснила Каролина. — Один — состав континуума, то есть из чего сложено вещество, какова природа пространства и так далее. Второй — проблема свободной воли: выбираем ли мы, что делать? Иными словами, есть ли у нас душа?

— Я согласен с бароном фон Лейбницем хотя бы в том, что вопросы интересны, и многие о них размышляли, посему сравнение с лабиринтом вполне оправдано.

Даниель напомнил:

— Принцесса сказала, что диспут должен способствовать улучшению Системы мира, создаваемой её династией. Я предположу, что второй вопрос — свободной воли — гораздо важнее. Меня вполне устраивает представление, что мы — машины, сделанные из мяса, и свободной воли у нас не больше, чем у настенных часов, а дух, душа, или как уж вы это называете — просто выдумки. Многие, изучающие натурфилософию, придут к тому же выводу, если вы двое не убедите их в обратном. Её королевское высочество полагает, что такого рода воззрения, заложенные в основание Системы мира, приведут к осуществлению её кошмара. Итак, если мне в этом диалоге отведена роль Симпличио, извольте объяснить, как существование свободной воли и духа, действующего по собственному произволению, согласуется с математическими законами нашей механической философии?

— Вопрос не нов, — отвечал Лейбниц. — Декарт ясно видел, что механическая философия может вести к новому учению о предопределении — исходящему не из теологии, как у кальвинистов, а из простого факта, что материя подчиняется предсказуемым законам.

— Да, — кивнул Даниель. — А потом он всё спутал, поместив душу в шишковидную железу.

— На мой взгляд, он всё спутал раньше, разделив Вселенную на материю и сознание, — сказал Лейбниц.

— А на мой взгляд, он всё спутал ещё раньше, предположив, что тут есть затруднение, — возразил Ньютон. — Нет ничего дурного в том, чтобы рассматривать часть Вселенной как пассивный механизм, а часть — как активный и думающий. Однако мсье Декарт, знавший, что сделали с Галилеем паписты, так боялся инквизиции, что остановился на полпути.

— Хорошо, в любом случае мы согласны, что Декарт видел проблему и дал неверный ответ, — продолжал Даниель. — Можете ли вы предложить что-то лучшее? Сэр Исаак, насколько я понимаю, считает, что затруднения вообще нет.

— Если вы читали «Математические начала натуральной философии», то не нашли там рассуждений о душах, сознании и тому подобном, — сказал Исаак. — Мой труд посвящён планетам, силам, тяготению и геометрии. Я не занимаюсь загадками, которые ставили в тупик мсье Декарта, и уж тем более не претендую на

то, чтобы их разрешить. Чего ради нам строить гипотезы касательно таких материй?

— Потому что если не вы, сэр Исаак, это сделают другие люди, не столь великие; и гипотезы их будут ошибочны, — ответила Каролина.

Ньютон ощетинился.

— Мои труды по тяготению и оптике принесли мне славу, которой я не искал. Я не видел от неё ничего доброго и очень много худого. А теперь от меня ждут глубоких высказываний по темам, весьма далёким от тех, что я выбрал для изучения.

— Так говорит публичный сэр Исаак Ньютон, — сказал Даниель, — автор «Математических начал» и директор Монетного двора. Однако наша частная встреча выиграла бы от участия сэра Исаака как частного лица, автора «Праксиса».

— «Праксис» не обнародован, — напомнил Исаак, — и не потому, что содержит нечто для меня личное, но потому что не окончен, и обсуждать тут пока нечего.

— Что такое «Праксис»? — спросила принцесса.

— «Праксис» станет для алхимии тем же, чем стали «Математические начала» для механической философии.

— Лаконичный ответ! Не расскажете ли вы подробнее?

— Если позволите, ваше высочество, — вмешался Даниель. — Сэр Исаак на прежнем опыте убедился, что всё, высказанное им публично, становится мишенью жестокой критики, и потому взял за правило ничего не разглашать, пока не доведёт работу до совершенства и не будет уверен в её неуязвимости. «Праксис» ещё не завершён.

— Тогда, выходит, я ничего не узнаю! — воскликнула принцесса с лёгкой досадой.

— Это я виноват, что упомянул «Праксис», — торопливо проговорил Даниель. — Однако мною двигало желание сказать, что если *публичный* сэр Исаак и заявляет, будто не видит проблемы, которая так занимала Декарта, *частный* сэр Исаак, по моему убеждению, трудится над этой самой проблемой.

— Я весьма ясно говорю в «Математических началах», — произнёс Исаак звенящим голосом оскорблённой добродетели, — что не обсуждаю физических причин и места нахождения сил. Что тяготение существует и действует на расстоянии, принимается как данность. Почему и как это происходит, не рассматривается. Я не был бы человеком, если бы не хотел узнать, что такое

тяготение и как оно действует, а даже если бы эти вопросы нисколько меня не трогали, барон фон Лейбниц и его континентальные коллеги продолжали бы беспрестанно меня ими донимать. Поэтому да! Я хочу постигнуть суть силы. Я над этим тружусь. Невежда зовёт мою работу алхимией.

К чести Исаака, он заметил обиженный взгляд Даниеля и добавил:

— Да. Нет ошибки в том, чтобы называть её алхимией, но само слово, обременённое грузом истории, не воздаёт ей должного.

— Вы позволите задать вопрос касательно ваших изысканий в этой области, как бы она ни называлась? — спросил Лейбниц.

— При условии, что в нём не будет потайных капканов, — отвечал Ньютон.

Лейбниц исхитрился разом закатить глаза, подавить тяжёлый вздох и произнести:

— Если я правильно понимаю значение термина «сила» в вашей метафизике…

— Которое представляет собой единственное известное мне связное определение силы! — вставил Ньютон, глядя на принцессу.

Лейбниц, с видимым усилием, изобразил на лице ангельское терпение.

— Как я понимаю, сила у вас означает некое невидимое воздействие, осуществляемое через то, что вы считаете вакуумом пространства, с бесконечной скоростью и придающее предметам ускорение, хотя ничто их вроде бы не касается.

— Если не считать тех оговорок, которыми вы снабдили слова «пространство» и «вакуум», это вполне грамотное описание силы тяготения, — признал Ньютон.

— Итак, в вашей метафизике, которой, как мне ни жаль, сейчас придерживаются почти все, существует нечто, именуемое пространством, по большей части пустое, однако содержащее отдельные комки, называемые телами. Среди них есть огромные тяжёлые шары, которые мы зовём планетами, но также множество мелких, как эта кочерга, вон тот канделябр, ковёр и двуногие одушевлённые тела, откликающиеся на имена «Даниель Уотерхауз», «принцесса Каролина-Вильгельмина Бранденбург-Ансбахская» и прочая?

— Всё перечисленное столь очевидно, что можно лишь дивиться, когда образованный человек излагает нечто до такой степени банальное, — сказал Ньютон.

— Некоторые тела подчиняются детерминист-

ским законам механической философии, — продолжил Лейбниц, — как этот глобус, который покатился, когда её высочество его толкнула. Однако тела, зовомые «Даниель Уотерхауз» и так далее, в чём-то отличны. Да, они подвластны тем же силам, что и глобус, — наш друг Даниель явно ощущает на себе земное тяготение, иначе он парил бы в воздухе! Однако тела эти действуют сложным образом, который не объясняют законы, изложенные в «Математических началах». Когда доктор Уотерхауз садится писать эссей, скажем, о латитюдарианской философии, разделяемой им и покойным мистером Локком, мы можем видеть, как его перо движется по сложнейшему мыслимому пути. Где тут конические сечения «Начал»? Ни одно уравнение не в силах описать траекторию Даниелева пера на бумаге, ибо она складывается из бесчисленных и неизмеримо малых сокращений мышц его ладони и пальцев. Если мы разрежем человеческую руку, то увидим, что мышцы эти управляются нервами, которые идут от мозга, словно реки, берущие начало в горах. Изымите мозг или перережьте его связь с рукой, и она станет так же проста, как этот глобус; мы сможем свести все её будущие движения к коническим сечениям и предсказать по зако-

нам «Математических начал». Посему очевидно, что вдобавок к силе тяготения, действующей повсюду, существуют другие силы, наблюдаемые только в животных[5] и порождающие куда более сложные и любопытные движения.

— Я согласен с вами в том, что на перо доктора Уотерхауза, когда он пишет, действуют иные силы, помимо тяготения, и что силы эти, насколько нам известно, не управляют движением камней и комет, — сказал Ньютон.

— Гука очень интересовали мышцы, — вставил Даниель. — Он изучал их под микроскопом и пытался сделать искусственную мышцу, чтобы полететь. Вот она бы вполне описывалась законами механической философии, ведь в конечном счете была бы просто воздухосжимательной машиной и, как таковая, подчинялась закону Бойля. Будь у Гука больше времени и более сильные микроскопы, он отыскал бы в мышцах крохотные механизмы, подобным же образом описываемые механическими законами. Тогда все якобы загадки разрешились бы…

Даниель замолчал, потому что и Ньютон, и

---

[5] Примечания: 5

Как знали все присутствующие, Лейбниц употреблял слово животное (animal) в древнем и довольно специфическом смысле, обозначающем нечто обладающее либо одержимое духом (анимой).

Лейбниц замахали руками, как будто он испортил воздух, и они отгоняют дурной запах.

— Вы совершенно не о том! — воскликнул Лейбниц. — Меня не интересует физика мышц. Подумайте, если бы Гук построил свой летательный аппарат, приводимый в движение, детерминистски, газовой машиной, что ещё он должен был бы добавить к своему устройству, чтобы оно взлетело на купол Бедлама и утвердилось там, невзирая на порывы ветра, а затем вновь пустилось в полёт, а не рухнуло, как подбитый голубь? Я пытаюсь привлечь ваше внимание к тому, что идёт по нервам от мозга: решениям или, вернее, их физическим проявлениям, так сказать буквам, которыми они пишутся; тому, что передаётся мышцам, чтобы они могли наполнять смыслом безвидное и пустое.

— Я вас понял, — сказал Даниель, — и утверждаю, что всё, с самого верха — поршни и цилиндры, гири и пружины. Мне не требуется иных объяснений того, как я пишу, а птица — летит.

— И тут с вами согласен! — сказал Лейбниц.

Наступило обескураженное молчание.

— Неужто я так легко обратил вас в материализм? — спросил Даниель.

— Отнюдь, — возразил Лейбниц. — Я лишь

говорю, что хотя телесная машина подчиняется детерминистским законам, *она делает это сообразно желаниям и повелениям души* вследствие предустановленной гармонии.

— Я попрошу вас объяснить подробнее, — сказала принцесса. — Ваш тезис очень трудно понять.

— Главным образом потому, что он неверен! — вмешался сэр Исаак.

Каролине пришлось буквально встать между двумя философами.

— Тогда мы все согласны, что барону фон Лейбницу следует подробнее изложить учение о предустановленной гармонии, — сказала она. — Однако прежде я хотела бы услышать, как сэр Исаак толкует явления, о которых говорили сейчас доктора Уотерхауз и Лейбниц. Сэр Исаак, оба джентльмена утверждают, что их вполне устраивает объяснение, согласно которому всё, с самого верха, представляет собой набор механизмов. А вас? Нужно ли вам что-нибудь ещё?

Ньютон сказал:

— Если мы допускаем, что не только мускулы, но и нервы, и самый мозг, как изволил выразиться Даниель, «поршни и цилиндры, гири и пружины», действие которых может быть изучено и описано неким будущим Гуком, нам всё

равно придётся объяснить, как движет этими механизмами душа, дух или какое уж там слово мы будем употреблять — то, что обладает свободной волей, не подчинено детерминистским законам и делает нас людьми. По сути, мы вернулись к проблеме, которую обсуждали раньше и которую вы, Даниель, нашли такой скучной: проблеме взаимоотношений Бога и вселенной. Если Бог — более чем отсутствующий помещик, более чем совершенный часовой мастер, который запустил Свои часы и ушёл, то мы должны объяснить, как Он влияет на движение всякой вещи в мире. И это приводит нас к загадочному явлению, называемому силой. Рассуждая об анимальных движениях, мы в конечном счёте приходим к тому же вопросу: как душа, обитающая в теле, влияет на ход больших дряблых часов.

— Я в корне несогласен, — вмешался Лейбниц. — Душа и тело вообще не влияют друг на друга!

— Тогда откуда моя душа знает, что пламя свечи колеблется? — спросила принцесса Каролина. — Ведь я вижу его колебания глазами, частью моего тела?

— Потому что Бог вложил в вашу душу представление об этой свече и обо всём остальном во

вселенной, — сказал Лейбниц. — Но Бог в любом случае воспринимает вселенную иначе! Он воспринимает все вещи, потому что беспрестанно их творит. И я отвергаю всякие аналогии между отношениями Бога с вселенной и нас с нашими телами.

— Я вообще не понимаю гипотезу барона фон Лейбница, — признал Исаак.

— Какова же ваша гипотеза, сэр Исаак?

— Что большая часть животного тела — детерминированная машина, я согласен. Что ею управляет мозг, доказано Уиллисом и другими. Отсюда следует, что по законам, избранным Богом, душа имеет власть действовать через мозг и, таким образом, влиять на анимальные движения.

— Снова Декарт с его шишковидной железой! — фыркнул Лейбниц.

— Он заблуждался насчёт шишковидной железы, — сказал Ньютон, — но я готов признать некоторое формальное сходство между его образом мыслей и моим.

— То есть, — перевёл Даниель, — есть способ, которым свободный, бестелесный, немеханический дух может производить физические изменения в работе механизмов мозга.

— Я полагаю сие очевидным, как и факт, что Бог, который также является бестелесным Духом, имеет власть производить физические изменения — то есть прикладывать силу к каждой вещи во вселенной.

— Коли так, исследуя причины и места нахождения сил в своём «Праксисе», вы собираетесь объяснить и силы такого рода?

— Я считаю, что любое объяснение силы, не затрагивающее эту тему, будет незавершённым.

— Когда сэр Исаак трудился над «Началами», — проговорил Даниель, — я заехал к нему в Тринити-колледж. Он просил привезти ему материалы, показавшиеся мне совершенно не связанными: таблицы приливов, данные по некой комете, астрономические наблюдения Сатурна и Юпитера. Дорога была долгая; пока я добрался до Кембриджа, мне удалось понять, что всё перечисленное связывает общая нить: тяготение. Оно вызывает приливы, определяет орбиты комет и планет. Сейчас нам это очевидно, но тогда вовсе не было общепринятым, что, скажем, комета подчиняется той же силе, которая удерживает Землю на орбите. Триумф Исаака в том, что он постиг единство столь разнородных явлений и указал на их общую причину, действующую

повсюду одинаково. Меня долго смущали алхимические исследования Исаака, но с годами я понял, что он стремится повторить свой триумф: найти общее объяснение феноменам, которые мы считаем различными и несвязанными, как то: свободная воля, Божье присутствие во вселенной, чудеса и трансмутация химических элементов. На сознательно запутанном жаргоне алхимиков эта причина, или принцип, зовите как хотите, именуется философским камнем, философской ртутью, витальным началом, латентным или тонким духом, тайным пламенем, материальной душой вещества, незримым обитателем, светозарным телом, семенем, оплодотворяющей способностью.

— Вы сваливаете в кучу множество разных понятий, — сказал Ньютон, — но это хотя бы доказывает, что вы прочли мои записки, прежде чем их сжечь.

Каролина на миг опешила; затем любопытство взяло верх, и она спросила:

— Что это за начало или дух? Вы его видели, сэр Исаак?

— Я вижу его сейчас, в чувствах и мыслях, мелькающих на вашем лице. Я вижу его *проявления* повсюду, — несколько уклончиво отвечал

Ньютон. — В природе я наблюдаю два типа действий: механические и вегетативные. Под механическим я, само собой, подразумеваю то, о чём доктора Уотерхауз и Лейбниц говорили раньше, то есть часы. Слово «вегетативный» я употребляю в древнем смысле применительно ко всему одушевлённому, живому, растущему. Оно описывает воспроизводящий и творческий процессы. Часы, даже самые лучшие, встают, когда кончается завод. Механический мир подвержен распаду. В противоположность тенденции к упадку должен существовать некий творческий принцип: активное семя, тонкий дух. Невообразимо малые его количества, действующие в несравнимо больших объёмах безжизненного инертного вещества, производят сильнейшие, даже чудесные преобразования, которые я называю общим словом «вегетация». Так же как общий принцип тяготения проявляется бесчисленными способами — в приливах, орбитах планет и траекториях пуль, — так и все, кто знает, куда смотреть, увидят вегетативный принцип в самых разных местах. Возьмём пример, о котором мы беседовали раньше: летательный аппарат, сделанный из искусственных мышц, будет механическим устройством и, полагаю, рухнет, как

дохлая птица. Если такой аппарат полетит — для чего он должен чувствовать каждое колебание воздуха и правильным образом отзываться, — я вынужден буду в конечном счёте приписать это действию некоего вегетативного принципа. Однако Даниель правильно считает, что тот же принцип относится и к таким вещам, как души, чудеса и некоторые особо глубинные и дивные химические превращения.

— Но считаете ли вы, что в конечном счёте действует некая физическая субстанция — то, что можно увидеть и потрогать?

— Да, считаю, и я её ищу. Более того, я думаю, что знаю, где искать.

Тут Исаак повернулся, чтобы гневно взглянуть на Даниеля, но принцесса этого не увидела, потому что смотрела на Лейбница.

— Барон фон Лейбниц, — проговорила она, — можно ли примирить ваш взгляд со взглядом сэра Исаака?

Лейбниц вздохнул.

— Неловко сказать. Мне всё это представляется последними тыловыми боями доброго христианина, отступающего перед натиском механической философии.

— Вы кардинально заблуждаетесь! — вскричал

Ньютон. — Есть механическое, и есть вегетативное. Я изучаю и то, и другое.

— Вы уже уступили половину поля боя механическому.

— Это не уступка, сударь. Или вы не читали мои «Начала»? Существует механический мир, и его описывает механическая философия.

— Доктор Уотерхауз скажет, что механическая философия описывает не половину, но всё, — произнёс Лейбниц. — Я придерживаюсь противоположного взгляда, согласно которому всё вегетативно, а то, что мы считаем механическим, есть лишь внешнее проявление процессов, совершенно не механических.

— Мы ждём внятного объяснения, — сказал Исаак.

— Философы механического склада разбивают всё сущее на атомы, которым приписывают свойства, на их взгляд рациональные, то есть механические: массу, протяжённость, способность соударяться и слипаться, исходя из чего пытаются объяснить притяжение, души и чудеса. Такой подход приводит их к затруднениям. Я же разбиваю всё сущее на монады и приписываю им свойства, которые некоторые назвали бы присущими душе: способность воспринимать,

осмысливать свои перцепции, решать и действовать. С помощью монад несложно объяснить всё, представляющее такое затруднение для атомистической философии — всё, что вы записываете в разряд вегетативного, включая нашу способность мыслить, решать и действовать. Однако трудно объяснить то, что в атомистической философии до идиотизма просто и очевидно. Например, пространство и время.

— Пространство и время! Два мелких упущения, которых никто, вероятно, и не заметит, — проворчал Ньютон.

— Позвольте сказать, что ваша концепция пространства совсем не так логична, как представляется на первый взгляд, — начал Лейбниц, явно выпаливая первый залп очередного длинного аргумента. Однако прежде чем он успел продолжить, дверь отворилась. На пороге стоял Иоганн фон Хакльгебер, весьма выразительно держа в руках письмо. За спиной у него, прижав к губам кулак, расхаживала Элиза.

Принцесса Каролина посмотрела Иоганну в глаза и склонила голову набок. Она не сказала «Я же просила меня не беспокоить», но слова эти угадывались так ясно, что все повернулись к Иоганну, ожидая немедленных извинений. Однако

тот лишь поднял брови и не двинулся с места.

Каролина закрыла глаза и вздохнула. Ньютон, Лейбниц и Уотерхауз посторонились, пропуская её к двери. Все они разом поняли, что столь значимым могло быть письмо лишь от одного человека: Каролининого тестя, ещё не венчанного короля Англии.

— Доктор Уотерхауз, пожалуйста, возьмите на себя роль моего рыцаря и доведите это дело до конца, — сказала принцесса и вышла.

— Трудноватая задача, — проговорил Даниель, когда дверь за нею затворилась.

— Отнюдь, — возразил Ньютон, — если только вы отдадите мне Соломоново золото.

— Еврей, состоящий на службе у царя… — (Даниель не хотел произносить имя «Соломон» из боязни вызвать у Исаака всплеск хилиастических чувств), — определил, что первая партия карт была изготовлена из золота с более чем обычным удельным весом, и распорядился, чтобы *все* следующие карты делали из того же металла. Кара за ослушание будет неумолимой и по-русски жестокой. Если б не это, я охотно обменял бы золото на обычное, ибо не верю в его особые свойства.

— Тогда как вы объясняете своё воскрешение Енохом Роотом в 1689-м?

— Что?! — изумился Лейбниц.

— Или, — продолжал Исаак, — из всего написанного Гуком за целую жизнь вы не поверили только этим словам?

— Гук пишет, что Енох дал мне какое-то лекарство, и оно помогло.

— Помогло?! Ну и умеете же вы приуменьшить, Даниель!

— Это могло быть что-то… или ничего. Известны случаи, когда якобы умершие люди оживали через несколько минут.

— Я терпеть не мог Гука, — сказал Исаак, — но даже я признаю его самым внимательным наблюдателем из всех, когда-либо живших на земле. Неужто я поверю, что он не сумел отличить живого пациента от умершего?

— Я вижу, что вы тверды в своём убеждении, так какой смысл спорить?

И Ньютон, и Лейбниц расхохотались.

— Что тут смешного? — спросил Даниель.

— Вы заставили нас спорить несколько часов кряду! — воскликнул Лейбниц. — А теперь, когда перед вами поставили трудный вопрос, вы говорите, что не видите в нём смысла.

— Мне нужен лишь маленький образчик, Даниель, — сказал Ньютон. — Не забывайте, что я

много лет искал исчезающе малые следы этого вещества в образцах с огромной примесью других, в том числе низких, металлов. Мои методы близки к совершенству. Я не прошу брусок, только унцию или меньше — ошмёток…

— Я сказал вам, что пробирщик Петра взвесил всё до последней унции. Они все учтены. Я могу попросить у него разрешения взять маленький образец, но…

— Нет, — сказал Исаак. — Думаю, открывать свои карты ни мне, ни вам не с руки.

Тут Даниель внезапно вспомнил про кольцо у себя на пальце, подарок Соломона, выплавленный из кусочков того самого золота. Холодок пробежал вверх по руке к затылку, однако Даниель не шелохнулся и не сказал ни слова, надеясь только, что Исаак не заметит, как он весь покрылся мурашками.

— Исаак, — произнёс кто-то. Даниелю пришлось поднять глаза и убедиться, что говорит и впрямь Лейбниц: так невероятно было, что немец назвал Ньютона по имени, без «сэр».

— Готфрид, — отвечал Ньютон неопровержимо.

— Тридцать семь лет назад я приехал сюда инкогнито, чтобы предложить вам союз. Это

было через два года после того, как я разработал исчисление бесконечно малых, только чтобы понять, что всего лишь шёл по вашим стопам. Мне подумалось, что у нас могут быть и другие общие интересы и что, объединившись, мы достигнем большего и быстрее. Даниель меня поддержал.

— Я отлично помню и случай, и случника, — сказал Исаак, — и его слабость к игре с лучинами.

Острота ранила тем больнее, что Исаак прибегал к ним исключительно редко. Даниель ощутил страшную тяжесть в правой руке — как будто кольцо тянуло её вниз или от пережитого за день волнения с ним случился удар. Он сунул отяжелевшую руку в карман штанов и опустил голову.

— Тогда вы не хуже меня помните, что лучина вспыхнула ненадолго, только чтобы вновь погаснуть, — сказал Готфрид. — И вот я вернулся, теперь уж точно в последний раз. Не пересмотрите ли вы своё решение, Исаак? Не хотите ли вы подчиниться своей принцессе и объединить усилия со мной — чтобы вместе заложить надёжное основание для новой Системы мира?

— Я и так над этим тружусь, — сказал Исаак. — Не должен ли я предложить вам, Готфрид, совместный *со мной* труд? Возможно, для этого вам придётся отбросить монады. А, я вижу по

вашему лицу, что разговор бесполезен.

— Значит, ответ отрицательный.

— Ответ положительный. Всё упирается в сроки, сударь. Ни вы, ни я, ни принцесса не властны их сократить. Она хотела бы разрешить всё нынче же — сегодня! Вы тоже торопитесь. Вы старик — как мы все — и боитесь не успеть. Но наши желания тут ни при чём. Природе нет дела до наших удобств — она откроет свои тайны, когда сочтёт нужным. «Математические начала» могли бы не появиться, не отправь нам Природа в восьмидесятых пригоршню комет и не расположи их траектории так, чтобы мы смогли сделать знаменательные наблюдения. Может пройти десять лет, сто или двести, прежде чем она даст нам подсказку для тех задач, о которых мы говорили сегодня. Не исключено, что золото Соломона — та самая подсказка, однако я не берусь это утверждать, пока не получу образец.

Даниель улыбнулся.

— Во всём, что не касается Соломонова золота, ваше терпение воистину безгранично. Забавное дело. Из нас троих только я считаю, что скоро умру совсем; вы оба, Исаак и Готфрид, верите в вечную жизнь. Почему бы вам не почерпнуть мужество в своих убеждениях и не сговориться о

встрече веков так через несколько или когда там у вас будут нужные данные, чтобы разрешить все вопросы философски?

Это был в общем-то дешёвый трюк: нажать на обоих, поставив под сомнение твёрдость их религиозных убеждений. Однако Даниель бесконечно устал; он видел, что затея обречена, и хотел скорее положить ей конец.

— Я согласен! — воскликнул Лейбниц. — Это будет своего рода дуэль — философическая дуэль, которая разрешится не оружием, но идеями — в неведомый пока час на поле ещё не избранном. Я согласен.

И он протянул руку.

— Тогда я буду ждать вас на этом поле, сударь, — сказал Ньютон. — Хотя философии наши столь различны, что вряд ли мы окажемся там вместе; ибо один из нас непременно ошибается.

Он пожал руку Лейбницу.

— Каждому дуэлянту нужен секундант, — напомнил Лейбниц. — Может быть, Даниель согласится быть секундантом у нас обоих.

Даниель фыркнул.

— Исаак может верить, что меня воскресили, но я не думаю, что в такое верите вы, Готфрид. Нет, если вам нужны секунданты, тут, как выяс-

нилось, полно бессмертных персонажей, которые охотно явятся в назначенное время подержать ваши плащи. Для вас, Готфрид, есть Енох Роот, а для вас, Исаак, ветхий годами еврей, состоящий на царской службе и называющий себя Соломоном.

Таким образом, он не вынул руку из кармана и не обменялся с ними рукопожатиями, ибо кольцо казалось страшно тяжёлым и заметным. В мозгу Даниеля на миг возникла безобразная картина: Исаак с Готфридом угадывают, из чего оно сделано, и бросаются за него в драку.

— Брр, мой тесть ужасно на меня зол, — объявила Каролина. — Во всяком случае, если я правильно понимаю его письмо.

Перед этим она трижды перечла послание. Иоганн и Элиза смотрели. Весь Лестер-хауз гудел: вещи принцессы укладывали и тащили к выходу.

— Столько времени прошло, столько событий приключилось с тех пор, как я будто бы уехала в тот замок оправляться после июньского потрясения… немудрено было позабыть, что его величество ждёт меня назад. А теперь он, кажется, понял, где я.

— Возможно, какие-то известия достигли его после нашего маленького приключения на

Темзе, — предположил Иоганн. Он говорил отрывисто и поддерживал голову рукой — а может, массировал себе лоб. Для Каролины нагоняй со стороны короля Англии и курфюрста Ганноверского мог быть банальной семейной стычкой, но Иоганн воспринимал дело совершенно иначе.

— Отлично, — сказала Каролина. — Значит, я возвращаюсь в Ганновер.

— Хорошо! — Иоганн вскочил и вышел. Если бы кто-нибудь отважился остановить его и спросить зачем, он бы ответил, что намерен сделать нечто очень важное и практическое. Однако и Каролина, и Элиза прекрасно понимали, что причина в его взвинченности: если бы он остался сидеть и разговаривать, то сошёл бы с ума.

— В Ганновер, — продолжала Каролина, — только чтобы через несколько недель снова ехать сюда! В письме говорится, что его величество рассчитывает быть в Англии к концу сентября. Если мы с принцем Уэльским будем его сопровождать, то мне, едва достигнув Ганновера, придётся поворачивать в обратный путь.

— Географически, да, вы вернётесь на ту же широту и долготу, — согласилась Элиза после недолгого раздумья. — Но вы уже не будете здесь инкогнито. Так что в общественном смысле вам

предстанет незнакомый город и совершенно иная жизнь.

— Наверное, да, пока мы будем жить в Сент-Джеймском дворце, окружённые придворными и послами, через забор от герцога Мальборо, — сказала Каролина. — Но если я что и узнала от Софии, так это следующее: принцессе полезно иметь не одну резиденцию. Лейнский дворец был для неё тем же, чем станет для меня и Георга-Августа Сент-Джеймский. При первой возможности она переезжала в Герренхаузен, чтобы жить, как ей нравится, и гулять по саду. Вот почему я так хотела получить этот дом. Он будет моим Герренхаузеном, а вы — моей дуаенной.

— Слава Богу! — воскликнула Элиза. — Я боялась, что вы скажете «дуэньей».

— Камер-фрау, обергофмейстериной или кем-нибудь ещё, — рассеянно произнесла Каролина. — Надо будет подыскать вам английский титул. Как бы вы ни звались, суть в том, что вы будете жить здесь, по крайней мере часть времени, гулять со мною по саду и беседовать.

— Обязанности представляются не слишком обременительными, — улыбнулась Элиза. — Однако знайте, что через любое место, где я живу, проходят толпы странных людей, связанных с

моими усилиями добиться отмены рабства и тому подобным.

— Замечательно! Тем больше он будет напоминать мне Шарлоттенбург той поры, когда была жива София-Шарлотта.

— Меня могут посещать ещё более странные и грубые люди…

— У вас такой мечтательный вид… Вы вспомнили своего давно пропавшего возлюбленного?

Элиза вздохнула и нехорошо посмотрела на Каролину.

— Я не забыла нашу увлекательную беседу в Ганновере, — сказала та.

— Давайте поговорим о другой увлекательной беседе! — воскликнула Элиза. — Какие вести из библиотеки?

— Когда я уходила, они всё ещё ругались. Оба очень гордые люди. Ньютон особенно не склонен уступать. Двор переедет сюда, бедный Лейбниц останется в Ганновере. Преимущество на стороне Ньютона. Он выиграл спор о приоритете, по крайней мере, так считают члены Королевского общества. Неприятности вокруг Монетного двора, судя по всему, разрешились.

— Это он вам сказал? Коли так, вот уж и впрямь чудо! — заметила Элиза.

— Почему?

— А разве ковчег не под надзором Чарльза Уайта? И разве Ньютону не предстоит испытание ковчега?

— Всё это он мне сказал, — ответила Каролина, — но Ньютон считает, что преодолел трудности, арестовав архипреступника по прозвищу Джек-Монетчик. Этот мерзавец теперь в руках сэра Исаака; скоро его повесят не до полного удушения, выпотрошат и четвертуют на Тайберн-кросс… Иоганн? Иоганн!!! Принеси нюхательную соль, герцогине дурно!

Иоганн вбежал в комнату всего несколько секунд спустя, однако к этому времени его мать уже овладела собой: она по-прежнему крепко держалась побелевшими пальцами за подлокотники, чтобы не сползти на пол, но краска уже вернулась её щекам.

— Пустяки, — сказала Элиза, поднимая взгляд на своего первенца. — Можешь заниматься своими делами.

Иоганн ушёл, взволнованный и обескураженный.

— У меня бывают такого рода каталептические припадки от перенапряжения, когда приходится думать о слишком многих вещах сразу. Всё уже

в порядке. Спасибо за участие, ваше высочество. Перейдём к…

— Ни к чему мы не перейдём! — объявила принцесса Уэльская. — Мы продолжим обсуждать эту увлекательнейшую тему в мире! Вы любите самого знаменитого преступника за всю историю человечества!

— Ничего подобного! — возмутилась Элиза. — Он меня любит, вот и всё.

— Ах, это совершенно меняет дело.

— Ваша ирония излишня.

— Как вы познакомились? Я обожаю истории про то, как встретились истинные влюблённые.

— Мы не истинные влюблённые, — отрезала Элиза. — А как мы познакомились… ну, это не ваше дело.

Распахнулась другая дверь, и вошёл Лейбниц. Он с мрачной торжественностью поклонился дамам.

— Как я понял, намечается отъезд в Ганновер, и весьма скоро, — начал учёный. — Если ваше королевское высочество позволит, я бы поехал с вами. — Он повернулся к Элизе. — Сударыня! Наша дружба, начавшаяся в Лейпциге тридцать лет назад, когда наши пути пересеклись на ярмарке, и мне довелось пережить небольшое приключе-

ние вместе с вами и вашим другом-бродягой…

— Ага! — воскликнула Каролина.

— …близится к завершению. Благородная попытка принцессы достичь философского примирения, в которой ей с таким терпением и тактом помогал доктор Уотерхауз, должен с прискорбием сообщить…

— Провалилась? — спросила Каролина.

— Перенесена на другой срок, — сказал Лейбниц.

— Какой?

— Сотни, может быть, тысячи лет.

— Хм-м, — сказала Каролина. — Не много практической пользы будет от этого Дому Ганноверов, когда придёт время выбирать новый Тайный совет.

— Очень сожалею, — пожал плечами Лейбниц, — но некоторые вещи нельзя ускорить. Другие, как мой отъезд из Лондона, напротив, происходят чересчур быстро.

— Где сэр Исаак и доктор Уотерхауз? — спросила принцесса.

— Сэр Исаак уехал и передаёт извинения, что не попрощался лично, — отвечал Лейбниц. — Как я понял, у него очень спешные дела. Доктор Уотерхауз сказал, что подождёт в саду на случай,

если вы захотите отрубить ему голову за провал миссии.

— Отнюдь! Я пойду поблагодарю его за услугу — а вас жду завтра на корабле!

И Каролина стремительно вышла из комнаты.

— Элиза, — сказал учёный.

— Готфрид, — отозвалась герцогиня.

Лондонский мост на следующий день

— Оно было совсем не таким слёзным, как могло бы, учитывая, сколько мы с герцогиней знакомы, как много вместе пережили и всё такое, — сказал Лейбниц. — Разумеется, мы будем держать связь через переписку.

Он говорил о вчерашнем расставании с Элизой в Лестер-хауз, но с тем же успехом его слова могли относиться к их с Даниелем теперешнему прощанию на Лондонском мосту.

— Сорок один год, — проговорил Даниель.

— Я думал о том же! — выпалил Лейбниц чуть ли не до того, как Даниель успел открыть рот. — Сорок один год назад мы с вами встретились на этом самом месте!

Они стояли на островке у опоры моста под Площадью, почти на середине реки, неподалёку от «Грот-салинга», из которого клуб вёл слежку. Однако события эти, всего месячной давности, были в Даниелевой памяти совсем не такими чёткими и выпуклыми, как день, когда прибывший морем из Франции молодой Лейбниц (тогда

ещё не барон), с арифметической машиной под мышкой, выпрыгнул из шлюпки на этот самый островок — на *это самое место* и познакомился с молодым Даниелем Уотерхаузом из Королевского общества.

Воспоминания Лейбница были не менее отчётливы.

— Кажется, это было… здесь! — (трогая носком башмака плоский камень на краю острова). — Здесь я впервые ступил на английскую землю.

— Мне тоже так помнится.

— Конечно, если верна концепция абсолютного пространства, то мы оба неправы, — продолжал Лейбниц. — За сорок один год Земля много раз обернулась вокруг своей оси и вокруг Солнца, а Солнце, как все мы знаем, пролетело огромное расстояние. Посему я ступил на берег не здесь, а в каком-то другом месте, оставшемся далеко в межзвёздном вакууме.

Даниель не поддержал разговор. Он боялся, что Лейбниц разразится гневной филиппикой против Ньютона и Ньютоновой философии. Однако Лейбниц отступил и от опасной темы, и от края островка. К ним приближалась шлюпка, которой предстояло доставить учёного на ганноверский шлюп «София». Принцесса Каролина была уже

на корабле.

— Что я помню из того дня? Нас заметил и недовольно разглядывал Гук, проводивший землемерные работы на той набережной, — сказал Лейбниц, указывая на берег. — Мы навестили бедного старого Уилкинса, и он возложил на вас огромную ответственность…

— Он велел мне «всё это осуществить».

— Как вы думаете, что старый шельмец подразумевал под «всем этим»?

— Я миллион раз ломал голову, — отвечал Даниель. — Веротерпимость? Королевское общество? Пансофизм? Арифметическую машину? Для Уилкинса всё перечисленное было связано.

— Он провидел то, что Каролина называет Системой мира.

— Возможно. Так или иначе, с тех пор я старался сохранить в голове эту связь: представление, что они должны идти вместе, как скованные цепью узники…

— Жизнерадостный образ! — заметил Лейбниц.

— Сорок лет я занимался одним: смотрел, что из этого отстаёт, и пытался подтягивать. Два десятилетия сильнее всего отставали арифметические и логические машины…

— И потому вы трудились над ними, — подхватил Лейбниц, — за что я вам навеки признателен. Но кто знает? Быть может, поддержка царя и движущая сила машины по подъёму воды посредством огня помогут вывести их вперёд.

— Возможно, — отвечал Даниель. — А теперь — особенно после вчерашнего дня — мне горько, что я от всего отгородился и не уследил за метафизическим расколом, когда ещё можно было чем-то помочь.

— А если бы вы занялись метафизикой, то сейчас, как честный пуританин, корили б себя за то, что упустили какие-то другие важные вещи.

Даниель хмыкнул.

— Вспомните, в Ньютоне тогда видели главным образом изобретателя нового телескопа, — продолжал Лейбниц. — Уилкинс не мог предвидеть раскола, о котором вы говорите, и не мог поручить вам роль примирителя. Здесь вам не в чем себя винить.

— Однако великую идею пансофизма он видел очень ясно и наверняка хотел, чтобы я поддерживал её, как могу, — сказал Даниель. — И теперь я пытаюсь понять, действовал ли я наилучшим возможным образом.

— Я бы сказал, что да, — ответил Лейбниц, —

ибо мы живём в лучшем из возможных миров.

— Надеюсь, что это не так, поскольку, как представляется, моё путешествие из Бостона — в которое, сознаюсь, я пустился не без неких радостных надежд — завершилось трагедией. И даже не великой трагедией, а чем-то куда более постыдным и жалким.

— От Уилкинса, если помните, мы пошли в кофейню, — сказал Лейбниц. — Мы говорили о наблюдениях мистера Гука над снежинками: как удивительно, что все шесть лучей растут из общего центра независимо, каждый по своим внутренним законам. Один луч не может влиять на другие, и тем не менее они очень схожи. Для меня это воплощение предустановленной гармонии. Так вот, Даниель, подобным же образом из общего натурфилософского центра растёт не одна система понимания Вселенной. Каждая развивается по своим внутренним правилам, и друг на друга они не влияют, как показали вчера мы с Ньютоном, не согласившись решительно ни в чём! Однако если они и впрямь растут из одного семени — а я верю, что это так! — то когда-нибудь они сделаются сходны и соразмерны, как лучики снежинки.

— Надеюсь, бедная снежинка не растает прежде

в пламени, которое привиделось Каролине, — проговорил Даниель.

— Этого нам не дано ни предвидеть, ни предотвратить. Мы можем лишь продолжать работу, сколь в наших силах, — отвечал Лейбниц.

— Кстати, — заметил Даниель, — вот кое-что для вас.

По ходу разговора он время от времени поглядывал на телеги, едущие из Лондона по мосту, а сейчас рукой подавал знак кому-то на площади. Лейбниц проследил его взгляд и увидел Уильяма Хама, банкира. Тот сидел на телеге, только что остановившейся у лестницы, и махал в ответ. Помимо него в телеге наблюдалось необычное скопление грузчиков, ещё более дюжих, чем средний представитель этой профессии. Некоторые остались сидеть, пристально глядя на прохожих. Другие спрыгнули на мостовую и потащили вниз по ступеням небольшие ящики, которые составляли к ногам Лейбница. Тем временем шлюпка с «Софии» подошла так близко, что матросы смогли бросить концы. Свободные лодочники на пристани поймали их и закрепили на швартовых тумбах. Слуга-ганноверец шагнул через борт и нагнулся, чтобы погрузить первый ящик в шлюпку, но Лейбниц по-немецки попросил его

чуточку обождать.

— Если в этих ящиках то, что я предполагаю… — обратился он к Даниелю.

— Оно самое.

— …то принимать их будут люди, весьма дотошные во всём, что касается мер и весов. Лучше, чтобы цифры сошлись!

Поэтому ящики продолжали носить, пока телега не опустела. Каждый был запечатан восковой печатью Английского банка, где они хранились до самого недавнего времени; от древесины ещё тянуло затхлостью банковских подвалов. Уильям Хам спустился, неся пухлый бювар отсыревших документов, в которых прослеживался путь груза, начиная с отчёта Соломона Когана о принятом с «Минервы» золоте, через все промежуточные стадии обработки во Дворе технологических искусств и в Брайдуэлле. Лейбниц изучил бумаги, затем сосчитал ящики (7), сосчитал их вторично (7) и попросил Даниеля проверить количество (7). Лишь после этого он поставил на требуемых местах в документах своё имя: GOTTFRIED FREIHERR VON LEIBNIZ, а Даниель подписался как свидетель. Затем Лейбниц разрешил ставить ящики в шлюпку, но ещё раз сосчитал их по мере погрузки (7).

— Это начало, — сказал Даниель. — Как вам известно, ящиков будет ещё много. Но раз уж вы всё равно едете в Ганновер, я решил отдать вам то, что мы сделали на сегодня.

— Весьма приятная кода к тому, что иначе могло бы стать меланхолическим прощанием. — Лейбниц решительно расправил плечи, одновременно изобразив на лице подобие улыбки. — И окончательный ответ на ваши ложные сомнения по поводу того, всё ли вы сделали для Уилкинса. Он, сударь, вправе вами гордится.

У Даниеля не было слов, чтобы на это ответить, поэтому он просто шагнул вперёд и обнял Лейбница изо всех сил. Лейбниц тоже крепко его обнял. Затем повернулся спиной, чтобы Даниель не видел его лица, и шагнул в шлюпку. Пока отцепляли швартовы, он ещё раз пересчитал ящики (или сделал вид, будто пересчитывает). Лодка отошла от пристани и устремилась в бурный поток под мостом.

— Семь? — крикнул Даниель.

— Семь ровно! — донёсся ответ. — Увидимся на Парнасе, Даниель, или где там оканчивают свой путь философы!

— Я думаю, они оканчивают свой путь в старых книгах! — отвечал Даниель. — Так что я буду

искать вас, сударь, в библиотеке!

— Её-то я и строю, — отозвался Лейбниц, — и в ней вы меня найдёте. Прощайте, Даниель!

— Прощайте, Готфрид! — крикнул Даниель.

Он стоял и смотрел, пока шлюпка не затерялась средь кораблей в гавани, под чёрной стеной Тауэра. Это было почти зеркальное отражение того, как Лейбниц появился, из ниоткуда, сорок один год назад, только зеркало помутнело и затуманилось. Ибо многое изменилось за эти годы, и Даниель уже не мог смотреть ясными глазами юноши.

Гринвич
месяц спустя (18 сентября 1714)

Пусть иные монархи, окружённые простёртыми ниц рабами, кичатся безусловным повиновением несчастных, не ведающих свободы и могущих похвалиться лишь тем, что они, подобно брёвнам или камням, безропотно дают себя попирать; в то время как король Великобритании, почти единственный во Вселенной, может с гордостью именовать себя правителем разумных созданий.

«Беды, которых можно справедливо ожидать от правительства вигов», анон., приписывается Бернарду Мандевиллю, 1714.

— Вот такое и впрямь увидишь не каждый день! — воскликнул Роджер Комсток, маркиз Равенскар. Его первые слова за четверть часа — долгий для Роджера промежуток молчания — вывели Даниеля из сонного забытья, в которое тот впал на третьем часу их с Роджером стояния в очереди.

Даниель вздрогнул и огляделся.

Философы постоянно приезжали в Гринвич, некоторые даже жили здесь, потому что выше на холме стояла обсерватория. Короли и королевы заглядывали сюда редко, хоть это и было их владение. Архитекторы наведывались часто и почти всегда себе на беду. Строительным проектам в Гринвиче вечно не хватало денег, а здания разрушались быстрее, чем их удавалось возводить. Иниго Джонс исхитрился преодолеть это болото Отчаяния: настелил крышу до того, как постройку засосала трясина. То был загородный дом королевы, и секрет успеха заключался в малых размерах. От реки дом отстоял на целую милю; по крайней мере, так казалось Даниелю и другим в очереди, голова которой находилась в творении мистера Джонса, а хвост вился до самой набережной. Здесь у пристани стояла богато украшенная барка. Дальше, в более глубокой части реки, покачивался на якорях корабль британского флота, доставивший короля Георга с Евразийского континента. Всё это Даниель видел лишь потому, что они с Роджером наконец достигли основания, а затем (получасом позже) и верхних ступеней одной из двух полукруглых лестниц, ведущих на террасу дворца. Ещё за несколько

минут они мелкими шажками приблизились к двери и теперь стояли на пороге. Даниель, спиной к входу, любовался видом на реку — каким уж есть. Роджер, которого, как хорька, тянуло ко всему гнилому и тёмному, смотрел вперёд. Из раскрытой двери вместе с запахом подмышек, розовой воды и свежей краски долетала беовульфовская смесь английской и немецкой речи. У Даниеля не хватало духа повернуться к тому, что привлекло внимание Роджера; так они и вошли в янусоподобной конфигурации.

Даниель был убеждён, что приметил сэра Кристофера Рена где-то на час позади в очереди, и хотел украдкой показать, что можно пройти с ними. Напрасные усилия; в другом месте такое могло бы удаться, но только не здесь. Двадцать с чем-то лет назад Рену поручили хоть немного привести Гринвич в порядок, как умел только Рен, и с тех пор он вкладывал сюда всю душу. Работал он бесплатно: здесь предполагалось выстроить госпиталь для старых моряков. Затеяла проект королева Мария после сражения при Ля-Уг в 92-м, но в 94-м её не стало. Средства поступали крайней нерегулярно и непредсказуемо. Всякий раз, как из королевских сундуков вытекала тоненькая струйка денег, Рен обращал её в мас-

сивные каменные плиты и втыкал их по углам, а позже по периметру намеченных зданий. Он ясно видел, что не доживёт до конца строительства; более поздние, менее великие архитекторы смогут напортачить в деталях, но им уже не удастся изменить основной план. Ник Хоксмур, помощник Рена, оценив гениальность стратегии и проникшись её духом, недавно прикупил по скандально низкой цене огромную глыбу мрамора и поставил на берегу с тем, чтобы, как только появятся деньги на резчиков, превратить в статую правящего монарха (уж кто им тогда будет). Таким образом, картина, которую Даниель наблюдал с террасы (и которая безраздельно владела вниманием Рена), являла собой один колоссальный фундамент, воздвигнутый исполинами: ступенчатый эшелон прямоугольников, мечта пифагорейцев. То, что это были одни фундаменты, а не здания, как будто подтверждало слова принцессы Каролины, сказанные месяц назад, о системе и необходимости возводить её на прочном философском основании. Однако то, что Ньютон и Лейбниц выстроили (или не сумели выстроить), казалось шатким в сравнении с трудами Рена: лишнее доказательство, что тот поступил мудро, отказавшись от чистой филосо-

фии и посвятив себя архитектуре.

Даниель отчаялся поймать взгляд Рена и повернулся к тому, что занимало Роджера.

— Ладно, — признал он несколько секунд спустя. — Действительно, такое увидишь не каждый день.

Две массивные щеки, соединённые кислой миной и увенчанные пронзительными глазками: лицо Георга. Много одежды, ничем особым, кроме своей роскоши, не примечательной в сравнении с платьем стоящих вокруг придворных. Большинство из них Даниель помнил по визиту в Ганновер и указал некоторых Роджеру. Тот, как выяснилось, слышал обо всех и знал о них больше Даниеля, но нуждался в подсказке, чтобы привязать слухи, сплетни и пикантные анекдоты к лицам. Вскоре придворные уже бросали на Даниеля злобные взгляды, хотя он был примерно десятым в очереди. Возможно, они приметили его жесты и перешёптывания с Роджером, однако главная причина была иная: в Ганновере, накануне смерти Софии и во время её похорон, Даниель притворялся безмозглым старикашкой. Теперь его назначили регентом. Отнюдь не доказательство здравого рассудка, скорее, свидетельство, что Даниелю кто-то покровительствует.

Не Георг, очевидно. Значит, методом исключения — Каролина.

Её даже не было в зале. Нет, со второго взгляда Даниель отыскал принцессу и её супруга в углу. Вокруг них собрался собственный теневой двор из по большей части молодых, остроумных лондонцев; они слишком много говорили и смеялись, привлекая косые взгляды старых и не столь остроумных особ, старавшихся по возможности смотреть только на нового короля. Всё крайне дерзко и недвусмысленно: если ты рассчитываешь дожить до похорон Георга I, то, естественно, тянешься к будущему Георгу II. Большинству хватало такта держаться этого общего принципа, но Даниель Уотерхауз грубо нарушил приличия: старик, а примкнул к лагерю молодых! И вдобавок заявился под руку с маркизом Равенскаром!

— Мне не стоит больше тыкать пальцем и уставляться, а то на нас и так смотрят, — сказал он Роджеру с видом как можно более небрежным, словно говорил о вчерашней погоде, — но напоследок добавлю, что вы можете ясно видеть толстую и тощую.

Как знал *tout le mond*[6], то были любовницы

---

[6] Примечания: 6
Все, весь свет (*фр.*).

Георга; его законная жена по-прежнему томилась в сыром замке где-то за Везером.

— Я уже приметил их, сэр, — сухо отвечал Роджер. — А они меня. И явно намерены растерзать.

— Думаю, вы совершенно неверно толкуете их внимание, — сказал Даниель, удостоверившись, что толстая и тощая действительно пытаются сжечь брови Роджера жаром своих взглядов. — Волчица в Тюрингском лесу и впрямь смотрит так на свою жертву перед прыжком, но не из ненависти, а из холодной уверенности, что беспомощный заяц, овца или кто там ещё послужит её пропитанию.

— Так вот что им нужно? Деньги?

— Если коротко, то да.

— По их взглядам я думал, они хотят, чтобы я вытащил шпагу и проткнул себя насквозь.

— Нет, им нужны ваши деньги, — подтвердил Даниель.

— Спасибо, что сказали.

— Что? Вы сейчас поделитесь с ними своими деньгами?

— Это было бы неприлично — возразил Роджер, краснея от одной мысли. — Но я не вижу причин не дать им чужих денег.

Наконец они подошли на такое расстояние, на

котором этикет не позволял замечать кого-либо, кроме их (ещё некоронованного) короля. В кои-то веки Даниель, как регент, оказался важнее Роджера и должен был первым подойти к монарху; Георг даже его узнал.

— Доктор Ватерхаус из Королевский обществ, — проскрипел он, протягивая Даниелю руку. Тот приложился, мысленно давая себе слово, что последний раз заставляет своих предков-пуритан ворочаться в гробу. Он был в таком ужасе от собственного поступка и так поглощен мыслями, не заразится ли чем-нибудь от королевской руки, которую сегодня перецеловала половина английских сифилитиков, что не уловил монарших слов. Дело в том, что его величество перешёл на какой-то другой язык — более для себя привычный, — а Даниель не успел перестроиться. Левой — не предлагаемой для поцелуев — рукой Георг указывал на окно в дальней, южной стене зала, откуда открывался вид на приятный зелёный луг, разрезанный дорожками и украшенный там и сям ухоженными купами деревьев. Над самой большой и высокой, справа, торчало здание королевской обсерватории: книжка между двумя подставками. Другие строения почти отсутствовали, что не удивляло, поскольку на то и парк.

Даниель, запоздало сообразивший, что к нему обращается на неопознанном пока языке король Англии, поймал одно слово: *«Reuben»*. Кто рюбен? Какой рюбен? Он уже начал на всякий случай кивать, когда король любезно уточнил: *«navet»*. Даниель с ужасом осознал, что король ради него перешёл на французский — а он по-прежнему не понимает! Из похожих французских слов вспомнилось только *«navire»* — корабль, что имело определённый смысл: королевская обсерватория так или иначе служила целям навигации. Даниель продолжал кивать. Наконец вмешался Ботмар — барон фон Ботмар, посол, представлявший Ганновер в Сент-Джеймском дворце, когда Ганновер и Англия ещё были разными государствами.

— Его величеству больно видеть, как пропадает хорошая земля, — перевёл Ботмар. — Он всё утро смотрит на это открытое пространство, думая, как бы употребить его к пользе. Беда в том, что склон северный, а следовательно, плохо освещается солнцем. Зная глубину ваших, доктор Уотерхауз, натурфилософских познаний, его величество спрашивает, согласны ли вы с ним, что по весне здесь можно было бы на пробу посадить *Reuben*… *navets*… репу.

— Скажите его величеству, что, будь у меня при себе лопата, я немедленно отправился бы копать грядки, — обречённо проговорил Даниель.

Король, выслушав перевод, заморгал и кивнул. Взгляд его стал отрешённым: ему уже виделись ровные, засаженные репой гряды. Даниель почти видел, как королевские щёки раздуваются от слюны в предвкушении осеннего пира.

Равенскар хохотнул.

— Воображаю, как огорчат ваши грядки офранцузившихся тори, — заметил он, — которые не нашли этому превосходному участку иного применения, кроме как гарцевать тут верхом!

— Маркиз Равенскар, — объяснил фон Ботмар, после чего Даниелю пришлось отвести взгляд, чтобы не видеть, как Роджер приникает губами к руке Георга — уж больно неаппетитное было зрелище.

К тому времени, как Даниель счёл безопасным вновь посмотреть на короля, тот, видимо, о чём-то вспомнил и теперь пытался поймать взгляд герцога Мальборо. Вскорости ему это удалось: Мальборо был одним из немногих англичан, допущенных к английскому королю. Как железные опилки выстраиваются в присутствии магнита, так различные факты и воспоминания,

рассеянные под париком короля Георга, сошлись воедино, едва только образ Мальборо простимулировал его зрительную кору. Его величество прочистил горло и принялся отрыгивать фразы, в которых было что-то про «суаре» и «вулькан». Ботмар переводил их в прозу и на английский:

— Его величество слышал от милорда Мальборо, что герцогу очень понравился недавний приём, на котором извергался прославленный вулкан. Его величество хотел бы увидеть эту забаву. Не сейчас. Позже. Однако милорд Мальборо хорошо отзывался об управлении Монетным двором и качестве денег. Его величеству нужны толковые люди, чтобы руководить казначейством. Не один толковый человек, а несколько. Ибо задача столь важна, что его величество решил изменить традицию и поставить во главе казначейства комиссию. Его величеству угодно назначить милорда Равенскара первым лордом казначейства. Его величеству также угодно назначить доктора Уотерхауза членом указанной комиссии.

Всё это явилось для Даниеля новостью, хотя он мог бы догадаться и раньше — уж больно часто в последние дни Роджер ему подмигивал и тыкал его локтем в бок.

Последовали поклоны и расшаркивания — выражения безграничной благодарности и прочая. Даниель случайно взглянул на Мальборо и заметил, что тот смотрит на Роджера. Роджер, у которого периферическое зрение охватывало все триста шестьдесят градусов, отлично это видел: они о чём-то заранее условились, сейчас от него ждут некой заготовленной реплики.

— Каков будет первый шаг милорда в новой должности? — спросил Ботмар, принимавший участие в напряжённом обмене взглядами.

— Пусть чеканку денег его величества не обременяет прошлое! — отвечал Роджер. — Не то чтобы по поводу денег королевы Анны были какие-то нарекания — здесь всё превосходно. Вопрос скорее процедурный; можете называть это излишней помпой, но у нас, англичан, слабость к такого рода вещам. Есть некий ящик, называемый ковчегом, который мы держим в Тауэре и опускаем в него образцы монет по мере чеканки. Время от времени король говорит: «А заглянем-ка мы в добрый старый ковчег!» В качестве рутинной предосторожности, как артиллеристы проверяют порох перед сражением. Торжественная процессия несёт ковчег в Звёздную палату Вестминстера, где для такого случая ставится

особая печь; его вскрывают в присутствии лордов Тайного совета, гинеи вынимают, златокузнецы из Сити пробируют их и сравнивают с образцом, который хранится в крипте Вестминстерского собора вместе с мощами святых и всем таким прочим.

К концу монолога внимание нового короля начало рассеиваться очень явно, и Роджер понял, что с тем же успехом мог выплясывать перед ним шаманский танец в шкуре и резной маске.

— Не суть важно, главное, это просто ритуал, и дельцы из Сити его любят. А когда они довольны, коммерция вашего величества процветает.

Ботмар уже не первый раз так сильно поднимал брови, что казалось, они отлетят и прилипнут к потолку.

— Так или иначе, пора очистить ковчег, — продолжал Роджер. — Он наполовину заполнен превосходнейшими монетами с профилем покойной королевы Анны, мир её праху. Сейчас за ковчегом присматривает мистер Чарльз Уайт — вы можете навести о нём справки у своих приближённых. Да вам его, наверное, сегодня представили!

— Представят минут через десять, — Ботмар покосился на дверь, — если вы закончите.

Даниель невольно проследил взгляд Ботмара

и увидел Чарльза Уайта: тот стоял на пороге, с любопытством на них поглядывая.

Роджер быстренько закруглился:

— Дабы устранить возможные недоразумения, я предлагаю не мешать новые монеты Георга со старыми монетами Анны, а провести испытание ковчега, успокоить слухи и начать правление вашего величества с новеньких блестящих гиней!

— Расписание пока крайне напряжённое…

— Не тревожьтесь, — сказал Роджер. — Монетный двор начнёт чеканить новые деньги только после коронации, которая, как я понял, назначена на двадцатое октября. Положим недельку на продолжение торжеств…

— Сэр Исаак предлагает пятницу двадцать девятого.

— Хуже не придумать. Висельный день. Невозможно проехать по улицам.

— Сэру Исааку это известно, — сказал Ботмар, — но он говорит, так надо, потому что в пятницу двадцать девятого числа будет казнён Монетчик.

— Ясно. Да. Да. В один день, практически в одно время, ковчег пройдёт испытание, сэр Исаак будет оправдан, а гнуснопрославленного преступника казнят на глазах у полумиллионной толпы. Если оставить в стороне практическую сторону,

предложение сэра Исаака очень неглупо.

— Естественно, — заметил Ботмар, — ведь он гений.

— Несомненно!

— А его величество очень высокого мнения о философских познаниях сэра Исаака, — добавил Ботмар.

— Сэр Исаак высказался о репе? — спросил Даниель, но Роджер наступил ему на ногу, а Ботмар деликатно не стал переводить вопрос.

— Итак, — сказал посол, — если вы не возражаете…

— Ни в коем разе! Пятница, двадцать девятое октября! Пусть Тайный совет подмахнёт распоряжение, и мы начнём готовиться к испытанию ковчега!

Роджеру и Даниелю дозволили остаться и принять участие в светском общении, которое Даниель ненавидел больше всего на свете. Ему удалось совершить первую часть побега: выбраться на заднюю террасу; теперь он не знал, как перейти на сторону, обращённую к Темзе, и остановить проходящий корабль, не привлекая к себе чрезмерного внимания. Поэтому Даниель смотрел на парк и делал вид, будто философствует о репе. Когда ему показалось, что притворяться

и дальше будет совсем уж неправдоподобно, он перевёл взгляд на обсерваторию и стал думать, проснулся ли уже Флемстид и не обидится ли тот, если Даниель заявится в гости и станет трогать его телескопы. К тому времени, как и этот предлог себя исчерпал, Даниелю удачно подвернулось под руку безотказное средство самозащиты интроверта на людном сборище: документ, позволяющий изобразить, будто ты с головой погрузился в чтение. То была листовка, втоптанная башмаками в плиты террасы. Даниель подцепил её тростью, поднял и развернул отпечатанной стороной к себе.

Сверху бок о бок располагались два портрета. Первый походил на чернильное пятно: примитивное изображение черноволосого и чернокожего мужчины с выкаченными белками. Надпись внизу гласила: «Даппа, апрель 1714, работа прославленного портретиста Чарльза Уайта». Соседняя, отличного качества гравюра представляла африканского джентльмена с копною взбитых в жгуты седых волос; кожа у него была, разумеется, тёмная, но гравёр сумел хитростями своего ремесла передать её оттенки. Снизу значилось: «Даппа, сентябрь 1714», а дальше шла фамилия модного художника. Приглядевшись,

Даниель различил на заднем плане решётку, за которой угадывался вид на Лондон из Клинкской тюрьмы.

Листок был озаглавлен: «Дополнительные замечания о славе». Ниже стояло имя автора: Даппа. Даниель начал читать. Текст представлял собой приторно-восторженный и, как подозревал Даниель, саркастический панегирик герцогу Мальборо.

— Это было ненамеренно, — произнёс господин, куривший рядом трубку. Даниель ещё раньше приметил его уголком глаза и по мундиру определил военного. Полагая, что имеет дело с таким же нелюбителем общества, Даниель вежливо не обращал на него внимания. А теперь этот полковник, или генерал, или кто он там, бестактно обращается к Даниелю, когда тот для вида углубился в чтение, чтобы ни с кем не разговаривать!.. Даниель поднял глаза и увидел, сначала, что обшлага, отвороты, кант и прочее у мундира — цветов Собственного его величества блекторрентского гвардейского полка. Потом — что перед ним Мальборо.

— Что было ненамеренно, милорд?

— Когда полтора месяца назад вы пришли на мое левэ, я читал другое сочинение этого малого.

Видимо, обронил какие-то замечания, — сказал Мальборо. — А те, другие, разнесли слух, будто я поклонник мистера Даппы. И с тех пор его популярность только растёт. Ему шлют деньги; он живёт в лучших апартаментах, какие может предложить Клинк, гуляет на собственном балконе, принимает у себя знать. В листке, который вы держите, он пишет, что в итоге стал почти белым и приводит для доказательства два портрета. Он по-прежнему в цепях, но они не так тяжелы, как те цепи рассудка, которыми иные прикованы к устарелым идеям вроде рабства. Посему он теперь считает себя джентльменом и копит средства в банке, чтобы купить мистера Чарльза Уайта, когда тот достаточно упадёт в цене.

— Поразительно! Вы практически выучили листок наизусть! — воскликнул Даниель.

— Последнее время мне по много часов приходится ждать, когда его величеству придёт охота поговорить. Даппа хорошо пишет.

— Как я понимаю, вы снова командуете своим старым полком?

— Да. Мелких хлопот не счесть, но ими занимаются другие. Полковника Барнса нашли и поручили ему собрать тех, кто рассеялся во время летних забав. Я рад, что меня здесь не было.

Воображаю свои чувства! Если не ошибаюсь, вас следует поздравить.

— Спасибо, — сказал Даниель. — Я решительно не представляю, чем должен заниматься член казначейской комиссии…

— Приглядывать за милордом Равенскаром. Проследить, чтобы испытание ковчега прошло гладко.

— Это, милорд, зависит от того, что в ковчеге.

— Да. Я как раз собирался вас спросить. Кто-нибудь, чёрт побери, знает, что там?

— Возможно, он. — Даниель кивнул на окно, за которым господин в рыжем парике светски общался с немцами, но частенько поглядывал на герцога с Даниелем.

— Верно, — заметил Мальборо, — Чарльз Уайт по-прежнему стоит во главе королевских курьеров, которые якобы охраняют ковчег. Рад сообщить, что теперь за ними тщательно приглядывают Собственные его величества блекторрентские гвардейцы. Мистер Уайт не сможет выкидывать фортели с ковчегом. Полковник Барнс сообщил мне, что мистер Уайт был с вами и Ньютоном на корабле во время нападения на ковчег.

Даниель понял, что Мальборо сам во всём разо-

брался и объяснения излишни. Он сказал:

— По-настоящему о том, что в ковчеге, знает только Джек Шафто.

Герцог хмыкнул.

— Тогда я удивлён, что перед Ньюгейтской тюрьмой не выстроилась такая же очередь, как здесь.

— Может быть, и выстроилась, — сказал Даниель.

Уайт вышел на террасу и поклонился.

— Милорд, — обратился он к Мальборо. — Доктор Уотерхауз.

— Мистер Уайт, — отвечали те. Затем каждый в свой черёд добавил: «Боже, храни короля».

— Полагаю, у вас станет ещё больше хлопот, — сказал Уайт Даниелю, — теперь, когда на вашем попечении два Монетных двора.

— Два Монетных двора? Я не понимаю вас, мистер Уайт. Мне известен только один.

— А может, меня ввели в заблуждение, — притворно смутился Уайт. — Говорят, что есть и другой.

— Вы о том, что держал Джек Шафто в Суррее? Монетном дворе тори? — Даниель позволил ветру всколыхнуть листовку. Он надеялся, что Уайт её заметит. Уайт заметил.

— Вам следует завести более надёжные источники информации. Не читайте этот вздор. Слушайте, что говорят приличные люди.

Мальборо повернулся спиной, что было грубо, однако по тому, как развивался разговор, дело скоро закончилось бы дуэлью, не притворись герцог, будто не слышит.

— И что говорят приличные люди, мистер Уайт?

— Что Равенскар тоже чеканит деньги.

— Милорда Равенскара обвиняют в государственной измене? Довольно смело!

— Все знают, что он собрал частную армию. Отсюда недалеко до частного Монетного двора.

— Скучающие франты в гостиных могут воображать что угодно! Такое обвинение следует хоть чем-нибудь подкрепить.

— Говорят, что свидетельств более чем достаточно, — сказал Уайт. — В Клеркенуэлл-корте, в Брайдуэлле, в подвалах Английского банка. Желаю здравствовать!

И он вышел, к большому облегчению Даниеля. Секунду назад тот дивился глупости наговора, будто Роджер чеканит деньги, теперь от растерянности утратил дар речи.

— О чём он говорил? — потребовал объяснений

Мальборо.

— Это философский проект, который предприняли мы с Лейбницем, — сказал Даниель. — Если вкратце…

И он схематично обрисовал герцогу картину, объяснив, как золото движется по маршруту Клеркенуэлл-Брайдуэлл-банк-Ганновер.

— Кто-то собрал об этом подробные сведения, — заключил Даниель, — и теперь распространяет ложь, будто мы чеканим деньги!

— Мы знаем, кто распространяет — мы только что с ним разговаривали, — сказал Мальборо. — Не важно, откуда пошёл слух.

На это Даниель ничего не ответил из-за внезапного мучительного осознания, что слух мог пустить Исаак.

— Важно — очень важно, — что в этой истории замешаны два члена казначейской комиссии, — продолжал Мальборо.

— В чём замешаны?! В научном эксперименте?

— В чём-то сомнительном.

— Если *невежды* считают его сомнительным, я бессилен что-либо тут исправить!

— Вы в силах исправить то, что вы в нём замешаны.

— О чём вы, милорд?

— О том, сударь, что ваш эксперимент окончен. Его надо прекратить. А как только он прекратится, официальные лица, облечённые доверием и короля, и Сити, придут в Клеркенуэлл-корт, в Брайдуэлл, в подвалы банка, осмотрят их и не найдут *ничего* упомянутого мистером Чарльзом Уайтом.

— Остановить эксперимент можно в любую минуту, — сказал Даниель, — но свернуть всё и спрятать следы невозможно ни за день, ни за неделю.

— Так сколько времени это займёт?

— На двадцать девятое октября, — начал Даниель, — назначено испытание ковчега, казнь Джека-Монетчика и устранение всех сомнений в надёжности королевской монеты. Не позднее этого числа, милорд, вы сможете посетить указанные места с любым количеством инспекторов, какое вам будет угодно привести, включая даже самого сэра Исаака. Обещаю, что вы не найдёте ничего, кроме тамплиерских гробов в Клеркенуэлле, пакли в Брайдуэлле и английских гиней в банке.

— Хорошо, — сказал герцог Мальборо и зашагал прочь. По пути он остановился, чтобы отвесить поклон молодой даме, идущей через террасу:

принцессе Уэльской.

— Доктор Уотерхауз, — сказала Каролина, — мне кое-что от вас надо.

Дом Роджера Комстока
3.30 ночи, четыре дня спустя
(22 сентября 1714)

Не успел Даниель войти в парадную дверь, как к нему крепко прижалось самое обворожительное тело в Англии. Он не в первый раз задумался, каким был бы мир, соединись в одном человеке красота Катерины Бартон и ум её дядюшки. Немногое отделяло её тело от его: поднятый с постели срочным известием, Даниель приехал в ночной рубашке. Мисс Бартон была в каком-то тончайшем одеянии, которое он увидел на миг, прежде чем она к нему приникла. От неё хорошо пахло, чего в 1714 году добиться было нелегко. Даниель почувствовал, что у него встаёт впервые с… ну, с тех пор, как он последний раз видел Катерину Бартон. Исключительно некстати, потому что она была вне себя от горя. Такая женщина не может этого не заметить, как, впрочем, и не должна превратно истолковать.

Она взяла его за руку и повела через двор, мимо фонтана, в бальную залу, пахнущую маслами и освещенную призрачным зеленоватым светом

kalte feuer: фосфора. С последнего Даниелева посещения здесь появился новый предмет обстановки. Он выглядел как нос корабля, почему-то сделанный из серебра и увитый золотыми гирляндами. По краю шёл классический барельеф. Вперёд выдавался какой-то таран, недвусмысленно приапический, с которого свешивались ремни и металлические кольца; Даниель шарахнулся в сторону, потому что чуть не налетел на него лицом. Зайдя сбоку, Даниель увидел, что предмет стоит на двух позолоченных деревянных колёсах. Стало понятно, как такую тяжёлую вещь втащили в залу. Это была повозка, большая, восьми футов шириной, и даже не просто повозка, а колесница богов. Заглянув в неё сзади, то есть со стороны вулкана, Даниель понял, что всё дно колесницы представляет собой ложе: шириною от борта до борта и десять футов длиной, обитое алым шёлком, устланное мехами, а также бархатными и атласными подушками различных анатомических форм. Посреди всего этого великолепия лежал Роджер Комсток, маркиз Равенскар. Лавровый венок съехал с лысой головы. Тело, по счастью, прикрывала тога, но посередине она вздымалась наподобие турецкого шатра, повторяя форму вулкана. Однако вулкан,

будучи механизмом, продолжал исправно работать, выбрасывая посредством скрытого винта всё новые и новые порции фосфорного масла, из тела же Роджера ушло то, что Ньютон назвал бы вегетативным духом. Его боевая готовность была на самом деле проявлением *rigor mortis*. Роджера придётся хоронить в специальном гробу.

— Сегодня он принёс присягу в качестве первого лорда казначейства, — сказала Катерина Бартон, которой, спасибо, хватило присутствия духа понять, что нужны какие-то объяснения. — И мы справляли обряд Вулкана.

— Естественно, — отвечал Даниель. Он на четвереньках взбирался по опасному (поскольку шёлковому и к тому же промасленному) склону ложа, время от времени поднимая голову, чтобы не потерять из виду Ориентир.

— Роджер любил так отмечать свои большие победы. Последний раз это было после того, как он уничтожил Болингброка. Обряд длинный и сложный…

— Я уже понял. — Даниель наконец добрался до такого места, откуда мог различить лицо Роджера в мерцающем свете фосфора.

— Как раз во время… извержения… с ним случился приступ.

— Удар, наверное.

— Он сказал: «Позовите Даниеля! Никаких кровопусканий, я не хочу умирать, как король Чарли». Я побежала, чтобы послать за вами, а когда вернулась, он был… уже такой.

— То есть мёртвый? — Даниель как раз завершил обряд прощупывания пульса — совершенно излишний, ибо Роджер выглядел мертвее некуда. Однако его набухшее мужское достоинство внушало сомнения.

Покуда слуги стаскивали тело с колесницы на носилки и выносили из зала, Даниель оставался на удивление спокоен, как будто присутствие Роджера, даже мёртвого, каким-то химическим способом внушало ему уверенность, что всё обойдётся. Однако что-то в том, как тяжело падали руки и ноги покойника, пока его перекладывали, жестоко поразило Даниеля: он наконец почувствовал, что ума, изобретательности, силы Роджера больше нет. К тому времени, как дверь за носилками захлопнулась, Даниель начал растекаться, как студень.

У колесницы, как выяснилось, был балдахин — парчовый полог, которым её, видимо, закрывали от пыли и птичьего помёта в конюшне, где она стояла в промежутках между триумфами Род-

жера. Сейчас этот полог был собран в складки и подвязан золотыми шнурами с кисточками. Жрица Вулкана развязывала их одну за другой и задёргивала занавес.

Даниель сидел посреди ложа, уперев локти в колени и закрыв руками лицо. Слёзы текли у него между пальцев.

— Я не хочу жить в мире, в котором нет Роджера! — услышал он свой голос и тут же возблагодарил Бога, что Роджер не узнает об этих словах. — Он был для меня второй половиной, защитником, товарищем, покровителем. В каком-то смысле почти женой.

— А вы — для него, — отвечала мисс Бартон.

Окончательно задёрнув полог, так что Даниель оказался полностью скрыт в тёмном чреве колесницы, она подоткнула подол, на коленях подобралась к Даниелю и положила ему руку на плечо.

— О Боже! Я как будто на чужой планете! — воскликнул Даниель. — Что мне теперь делать?

— Роджер оставил подробнейшее завещание. Он мне его показывал. Там есть деньги для Королевского общества. Для музея, который он задумал основать здесь. Для клуба «Кит-Кэт», Итальянской оперы и для Института техноло-

гических искусств колонии Массачусетского залива.

Даниель не мог сказать вслух то, что подумал: на каждый шиллинг наследства приходятся полтора шиллинга долгов. Роджер сдерживал натиск кредиторов, изумляя их, запугивая, отвлекая, упаивая до положения риз. Теперь они набегут всем скопом, как муравьи на падаль.

Даниель оторвал руки от лица и заставил себя говорить, не всхлипывая:

— Нет. Я думаю о другом. Мне многое надо успеть до двадцать девятого октября. Очень многое! Это казалось невозможным даже при Роджере, который сделал бы за меня почти всё. Остальные члены казначейской комиссии — пустозвоны и временщики. Так что готовить испытание ковчега придётся мне. Что я об этом знаю? Ничего. Институт технологических искусств практически мёртв — я написал Еноху, чтобы он продал дом. Что ещё? Ах да, принцесса Уэльская хочет, чтобы я помог её любезной подруге в сердечных делах — более опасных и запутанных, чем, скажем, иностранная политика Венецианской республики.

— Мне не хочется смеяться в такое скорбное время, — сказала жрица Вулкана, — но на мой

вкус это крайне нелепо!

Даниель мог бы обидеться, если бы, говоря, она не начала разминать ему напряжённые мышцы у основания шеи и между лопатками.

— Во многом вы очень умны, по крайней мере, так говорил Роджер. Но что вы смыслите в сердечных делах? Ну вот, при одном упоминании о них у вас сводит мышцы! Лягте на живот, сэр, не то масло будет стекать у вас по спине.

— Масло? Какое масло?!

— Вот это масло…

— Ой, никогда бы…

— Так лучше. Теперь я могу на вас сесть… ваши ягодицы вполне выдержат мой вес… вот так… и мне легче будет дотянуться до тех ваших мышц, которые особенно нужно смазать и промассировать.

— Вот так и Роджер, да?…

— Роджеру больше нравилось на четвереньках, по…

— Нет, нет, мисс Бартон, я совершенно о другом. Вот так Роджеру удавалось жонглировать столькими делами сразу и не сойти с ума?

— Теперь вы просите меня рассуждать о материях, мне недоступных, доктор Уотерхауз! Перевернитесь на спину!

— Я просто думал о том, что заботы, одолевавшие меня минуты назад, совершенно улетучились… о Боже, мисс Бартон!

— Мне показалось, что заботы вновь стали к вам подступать, и пора принять самые решительные меры.

— Ка… ка… какие заботы, мисс… мисс… мисс Бартон?

— Вот и я про то же. Приподнимите копчик, пожалуйста, сэр… так гораздо лучше, вы сами согласитесь. Остальное предоставьте мне, сэр, повозка… довольно… шаткая… езда… довольно… тряская.

И впрямь, буксы колесницы Вулкана заскрипели, потому что сама она заходила ходуном. Даниель был стар, и поездка оказалась соответственно долгой. Однако *primum mobile*[7] — тело мисс Бартон — было молодо, в прекрасном состоянии (как согласился бы любой в Лондоне) и отлично приспособлено для работы. Даниель чувствовал, что уплывает в абсолютное пространство; ему чудилось, что колесница выкатилась из дверей зала, на улицу… едет по Тотнем-корт-роуд… дальше и дальше, в мокрые от росы поля… и вдруг рухнула

---

[7] Примечания: 7
Первичный движитель (*лат.*).

в колодец. Он открыл глаза. Всё кончилось. Мисс Бартон соскользнула с него, встала, приподняв головой навес и ловко заткнула себе между ног подол римской жреческой туники.

— Может, ваш дядя в чём-то прав, — сказал Даниель. — Когда сравниваешь живого Даниеля и мёртвого Роджера, так очевидно, что в одном есть то, чего нет в другом.

— Теперь в вас этого чуть меньше, — игриво ответила мисс Бартон и повернула голову на какой-то слабый звук снаружи, которого Даниель не услышал. — Кто там? — крикнула она, взявшись за балдахин, чтобы его отдёрнуть.

— Не надо! — воскликнул Даниель, лежавший в самом неподобающем виде.

— Слуги видели много худшее! — объявила мисс Бартон и дёрнула. Завеса отодвинулась и повисла складками над Даниелевой головой. Прямо перед ним, спиной к вулкану, направив в колесницу луч фонаря, стоял сэр Исаак Ньютон.

— Я приехал, как только получил горестное известие, — твёрдо объявил он в одну из тех примерно тридцати минут, на которые Даниель утратил дар речи. Исаак не выказал никаких чувств, увидев Даниеля здесь в такой позе. Отсюда следовал интересный вопрос: то ли Исаак

с самого начала стоял за балдахином и заранее пересилил возмущение, то ли Даниель давно так низко пал в его глазах, что этот инцидент уже ничего не мог изменить?

— Впрочем, как я вижу, — продолжал Исаак, — здесь есть кому со всем разобраться.

— Да, дядюшка. — Мисс Бартон спрыгнула с колесницы, чтобы запечатлеть на щеке родича целомудренный поцелуй.

— Могу ли я чем-нибудь быть полезен? — осведомился Исаак.

Даниель не нашёлся с ответом. Он понимал: впереди ещё много времени, чтобы заново пережить и вдвойне прочувствовать свой стыд. Сейчас, сидя в сбитой набок ночной рубашке и глядя на одетого Исаака, он думал об одном: о смерти Роджера наверняка уже стало известно; по всей столице люди не спят и готовятся перехитрить Даниеля способами, о которых он, возможно, никогда даже не узнает.

«Замок» Ньюгейтской тюрьмы 29 сентября 1714

Холборн перегораживало древнее здание с большой аркой внизу и башенками наверху. Со стороны, где визитёр угощался сейчас чаем, въезжающих в Лондон путников встречал великолепный фасад. Механизм для спуска и подъёма огромной решётки, занимающий почти весь второй этаж, загораживали ниши, в которых укрылись от дождей Свобода, Справедливость и другие достойные жёны. Правда, это не помешало им почернеть от угольного дыма, так что теперь они смотрели на прохожих подобно фуриям. Тройное готическое окно следующего этажа располагалось над аркой, как дверца в немецких часах, откуда выскакивает кукушка. За ним и обитал сейчас Джек Шафто. Впрочем, высунуться, как кукушка, он не мог, поскольку окно было зарешёчено. Судя по всему, первым сюда вселился кузнец, который провёл в помещении не меньше месяца, выковывая тяжёлые прутья и вмуровывая их в каменные стены. Тем не менее окна были превосходные: выше Джека ростом и

шире, чем размах его рук; несмотря на толстую решётку, они щедро впускали свет.

«Замок» (как называлась эта часть Ньюгейтской тюрьмы) служил приютом для знатных арестантов. Соответственно здесь недоставало кое-каких приспособлений, которыми изобиловали казематы попроще, например, железных колец в стенах, чтобы приковывать опасных узников. Тюремщикам пришлось проявить изобретательность. Сотни фунтов цепи пропустили через оконные прутья, протащили по полу и закрепили на Джековых кандалах. Цепь была такая длинная, что он мог подойти к любому месту в камере, кроме двери. Сейчас он сидел за столом, пил чай.

Его гость, стоя у окна, смотрел через решётку на дорогу, которая поднималась на Сноу-хилл и четвертью мили дальше пересекала Флитскую канаву. На другом берегу она расширялась вдвое-втрое и продолжалась между шикарными площадями, разбитыми там, где в детстве Джека были коровьи пастбища. Гораздо ближе, меньше чем на расстоянии полёта стрелы, справа, стояла церковь Гроба Господня — древнее сооружения архитектурного типа, известного у специалистов как «большая груда камней». Там Джеку и его по-

путчикам в поездке на Тайберн предстоял через месяц долгий и утомительный ритуал. Поэтому Джек старался не задерживать взгляд на церкви и особенно на её дворе, который поглотил больше мертвецов, чем мог бесследно переварить.

— Как я погляжу, все лучшие лондонские апартаменты — в тюрьмах, — заметил гость, — и во всех живут люди, так или иначе доставляющие мне неприятности.

На фоне окна он смотрелся идеальным силуэтом щёголя, вроде тех, что вырезают из чёрной бумаги искусники на парижском Новом мосту. Джек обвёл его взглядом от взбитых локонов парика до бантов на башмаках, от мускулистых икр до безупречно выкроенных пол камзола. Гость был при шпаге. Джек подумал, что мог бы оглушить его цепью и отнять оружие. Впрочем, толку от этого всё равно бы не было, поэтому Джек отбросил кровожадные мечтания и сделал попытку поддержать разговор.

— Вы о том малом в Клинке? Прославленном Даппе?

— Ты знаешь, кто я. — Чарльз Уайт повернулся спиной к окну, затем рассеянно отвёл руку назад и погладил Джекову цепь, пропущенную сквозь прутья. — Пока в этой стране был порядок, *всех*,

кто доставлял неприятности порядочным людям, держали в таких местах. Я рад, что мы сохраняем хоть какие-то остатки цивилизации.

— Мне казалось, от того, что Даппа в тюрьме, вам неприятностей только больше.

— У меня есть планы насчёт Даппы, — сказал Уайт. — И насчёт тебя тоже. Вот чем полезны учреждения вроде Ньюгейта и Клинка: покуда такие, как ты, сидят под замком, такие, как я, успевают составить планы.

— Ладно, — вздохнул Джек. — Я знал, к чему идёт дело. Вы скучный тип, мистер Уайт, и очень банально себя ведёте. Мне оставалось только спросить себя: какой самый скучный и банальный план можно изобрести? Конечно, убить меня. Не очень-то страшная угроза, потому что через месяц у меня свидание с Джеком Кетчем на Тайберн-кросс. Убить меня более жестоко здесь, чем он — там, вы точно не сможете. Так что пугать меня вам нечем, значит, вы должны что-то мне посулить.

— Полегче! — воскликнул Уайт. — Прежде обсудим, что должен сделать ты.

— А я ничего не должен, — отвечал Джек. — В этом смысле я самый свободный человек мира. Так чего вы хотите от меня добиться?

— Тебя обвиняют в чеканке фальшивых денег. Это государственная измена. У сэра Исаака Ньютона достаточно доказательств; отпираться бесполезно. Ты должен будешь объявить перед судом, считаешь ли ты себя виновным. Такова формальность. Если ты не признаешь свою вину, тебя будут пытать, придавливая свинцовым грузом, пока ты не умрёшь или не одумаешься.

— Я с детства бываю в Ньюгейте, так что хорошо знаю здешние порядки, — отвечал Джек. — К чему вы клоните?

— Если ты согласишься сделать признание, я устрою так, чтобы его услышали несколько свидетелей — не только сэр Исаак. В присутствии этих людей ты скажешь, что сэр Исаак портил монету. Что он взял золото из королевской казны и…

— Прикарманил?

— Нет.

— Потратил на девок?

— Нет.

— Пропил?

— Нет. Использовал для алхимических опытов в Тауэре.

— Конечно! Ну и болван же я! — Джек так резко ударил себя по лбу, что зазвенели ножные кандалы. — Это куда более правдоподобное об-

винение.

— Милорд Болингброк об этом проведал, — продолжал Уайт нараспев, словно напоминая Джеку, что тот должен запомнить сказочку наизусть, — и начал готовить испытание ковчега, прослышав о котором, бесчестный Ньютон в панике бросился к тебе, Джек. По его наущению ты и твоя шайка…

— Шайка. Шайка. Почему всегда «шайка»? Не зовите их так, словно каких-то преступников. Это мои друзья и близкие.

— По его наущению ты и твои *сообщники* ворвались в Тауэр, вскрыли ковчег, вытащили гинеи, уличающие Ньютона, и заменили полновесными. Чтобы оставить Тауэр без охраны, Ньютон увлёк меня и других в бессмысленную экспедицию к устью Темзы. Ты выполнил поручение, но где-то допустил промашку (придумаешь сам что-нибудь правдоподобное), история получила огласку, и теперь Ньютон пытается руками закона убрать тебя и твоих… сообщников, чтоб замести следы.

— А что, можно неплохо позабавиться, рассказывая такую байку перед моим обвинителем и сборищем обалделых чинуш, — признал Джек. — Считайте, что вы поставили посреди моих апартаментов статую — ваше предложение. В

ближайшие недели я буду ходить вокруг, изучать его в разном свете и под разными углами, выискивать изъяны…

— Ты сказал: «недели»? — переспросил Уайт тоном насмешливо-озадаченным. — Поскольку…

— У меня вдоволь времени на раздумья, — веско заявил Джек. — И я буду рассматривать ваше предложение куда серьёзнее, если вы скажете, что мне за это светит, помимо нескольких минут развлечения.

— Побег, — отвечал Чарльз Уайт. — Побег в Америку для тебя и для твоих… сообщников во Флитской тюрьме.

Тут Джек проявил, наконец, хоть какую-то заинтересованность. Во всяком случае, он поднялся из-за стола, прошаркал к окну, волоча за собой цепь, и встал рядом с Уайтом. Тот поглядывал вправо, недвусмысленно стараясь привлечь внимание Джека к церкви Гроба Господня и другим мрачным ориентирам на пути процессии смертников. Однако Джек посмотрел влево. В той стороне почти на одной прямой стояло несколько примечательных зданий. Ближе всего, на расстоянии ружейного выстрела, то есть почти на таком же удалении от Олд-Бейли, как Ньюгейт, располагалась Флитская тюрьма: утыканная

мириадами печных труб массивная стена вдоль одноименной клоаки. Дальше и чуть ниже, на противоположном берегу упомянутой клоаки, высился Брайдуэлл, пристанище непутёвых женщин. Совсем далеко, за Темзой, Джек различал шпиль Вестминстерского аббатства. Всё это было плотно упаковано в однообразный субстрат послепожарных кирпичных зданий, почернелых от копоти и стоящих вплотную без единого проблеска зелени, если не считать клочков мха, которые птицы несли на строительство гнёзд, да обронили, спасаясь от воронов — разбойников пернатого царства. Флитская тюрьма выделялась лишь тем, что стояла посреди открытого участка: у неё были своя территория и границы.

— Вы хотите меня уверить, — сказал Джек, — что можете вытащить троих оттуда и меня отсюда в одну ночь? Потому что делать это придётся одновременно. На мой взгляд, задача была бы неимоверно трудной, даже если бы виги не отмутузили ваших так, что половина дала дёру во Францию.

— Мне странно слышать столь малодушные сомнения от человека, захватившего Тауэр, — заметил Уайт.

— У меня были возможности. У вас…

— Ты недооцениваешь мощь и богатство моей партии. Пусть тебя не вводит в заблуждение временный отъезд Болингброка. Назревает восстание, Джек. Могут пройти год или два, но попомни мои слова: скоро армия якобитов сметёт узурпатора и его семя.

— Это вы об английском короле?

— Как некоторые его называют. Устроить побег, даже два побега в одну ночь — сущие пустяки, Джек. Особенно из Ньюгейта, откуда прославленные узники бежали почти так же часто, как из Тауэра.

— Мне придётся поверить вам на слово, — сказал Джек, — поскольку из тех, кого я навещал тут в детстве, никто не вышел иначе как на виселицу.

— Тогда думай об одном: как важно для моей партии одним махом дискредитировать сэра Исаака Ньютона, государственную монету и вигов. Два побега — смехотворная плата за такой успех.

— Что ж, считайте, что ваше предложение принято к рассмотрению, — сказал Джек. — Я дождусь предложений от других сторон, взвешу их все и дам обоснованный ответ, если только мой старый дружок, бес противоречия, меня не попутает.

«Чёрный пёс» в Ньюгейте
4 октября 1714

Ньюгейт, бесконечно многоликий, служил и долговой, и уголовной тюрьмой. В последнем своём качестве он сейчас принимал у себя Джека Шафто и сотни тех, для кого Джек Шафто оставался недостижимым идеалом. Однако даже внутри этой категории существовали разряды и подклассы. Не все лондонские преступники были щипачи, торбохваты, скокари, голубятники, сшибщики и закоульщики; наличествовали также несчастные джентльмены, за которыми числились убийства, измена, грабёж на большой дороге, насилие над женщинами, нарушение общественного спокойствия, долги, дуэли, несостоятельность и чеканка фальшивых денег. Всё перечисленное, исключая насилие над женщинами и долги, справедливо вменялось Джеку.

С задачей расселить их сообразно роду справился бы только Ной, но запихнуть всех в одно помещение тоже было неестественно, во всяком случае, не по-английски. Соответственно Ньюгейт делился на три большие части. Ниже

аристократического «замка», где непутёвые щёголи расплачивались за грехи, играя в карты и наслаждаясь свежим воздухом, но выше переполненных каменных мешков «общей стороны» котировалась «господская сторона». Часть её предназначалась для уголовных преступников, часть — для должников, но на самом деле они обретались вперемешку, особенно в тюремной таверне, называемой «Чёрный пёс».

Обитатели «замка» с виду не отличались от других знатных особ ничем, кроме кандалов. Узники «общей стороны» поражали своим вопиющим, можно сказать, образцовым убожеством; даже без цепей в них за милю угадывались бы арестанты. Заключённые «господской стороны» соотносились с вольными лондонцами так же, как вяленая треска на верёвке с живой в море: сощурившись, наклонив голову и добавив толику воображения, можно было мысленно нарисовать их прежний облик. Друзья и родственники время от времени приносили им одежду, еду, свечи и мыло, что позволяло большинству сохранять некое подобие себя прежних.

Посетитель выглядел одним из таких. Заплаты, которые на Ньюгейт-стрит воспринимались бы как стигматы бедности, здесь, в «Чёрном псе», слу-

жили скорее знаками отличия, доказательством, что кто-то ещё его помнит. Облезлый чёрный парик на Чаринг-кросс стал бы предметом насмешек, а в «Чёрном псе» свидетельствовал… ну, что у этого человека всё ещё есть парик. Нечто подобное можно было сказать о башмаках, чулках и низко надвинутой треуголке. Даже его постоянный хриплый кашель был очень типичен для Ньюгейта, как и приглушённая речь. В целом, частые посетители Ньюгейта с первого взгляда признали бы в нём несостоятельного должника из числа старожилов «господской стороны». Однако, чуть приглядевшись, они приметили бы некоторые странности. Во-первых, человек этот не носил кандалов: он был не узником, а гостем. Во-вторых, удивлял его закованный в кандалы собеседник, чистый и хорошо одетый обитатель «замка», лишь ненадолго удостоивший «Чёрный пёс» своим посещением. Несколько надзирателей и приставов с дубинками наблюдали за этим заключённым, пока тот слушал гостя. Вскоре стало ясно, что кашляющий, одышливый, драный, затрёпанный, поеденный молью старый сыч не намерен с оружием в руках отбивать Джека Шафто у правосудия, а если и намерен, его достаточно будет ткнуть локтем. Так что стражи успокои-

лись, согнали каких-то узников со скамей, заняли их места, потребовали выпивку и стали ждать, приглядывая за сидящим поодаль Джеком.

— Спасибо, что пришли, — сказал Джек. — Я бы сам к вам заглянул, если б меня не держали тут на цепи.

Гость затрясся и закашлял.

— Впрочем, полагаю, вам интересно будет узнать, — продолжал Джек, — что мне поступают весьма заманчивые предложения. Куда более заманчивые, чем то, что я услышал от вас.

Гость прошептал что-то гневное, затем, исчерпав слова, несколько раз чиркнул ладонью по воздуху.

— О, насчёт этого я не обольщаюсь, — заверил его Джек. — С нашей встречи двадцать восьмого июля всё переменилось. У вас довольно свидетельств — по крайней мере, так мне все твердят, — чтобы отправить меня и мальчишек на Тайберн. Я не буду просить у вас прежнюю цену: ферму в Каролине. С ней я уже распрощался. Но Бога ради! Человек вашего ума должен понимать, что в нынешнем вашем предложении нет ничего заманчивого! Милосердное повешение и достойное погребение для меня и для мальчиков… Неужто вы всерьёз думаете, что я стану вам

помогать за такие пустяки? Тысяча чертей, если я захочу умереть быстро, я всегда смогу это сделать, не выходя из комнаты!

На сей раз гость говорил довольно долго, хотя вынужден был прерваться из-за нового приступа кашля, видимо, очень мучительного. Старик заёрзал на стуле, ища положение, в котором боль была бы не такой сильной.

— Рёбра, — поставил диагноз доктор Джек Шафто. — Знакомое дело, сэр, я сам их ломал раз или два. Зверская боль, да? Руки и ноги заживают быстро, а вот рёбра — целую вечность.

Таким манером он болтал, дожидаясь, пока гость прокашляется, а когда тот наконец подавил приступ и замер, прижав ко рту платок, продолжил:

— Мне не трудно встать перед кем скажете, положить руку на Библию и присягнуть, что монеты, которые я забрал из ковчега — *ваши* монеты, — были полновесные, а те, что я положил на их место — *мои*, — порченые. Но вы вполне справедливо спрашиваете, кто мне, на хрен, поверит? Да ни один здравомыслящий человек. Верно. Согласен. Итак, вы, сэр, требуете вещественных доказательств в виде похищенных мною монет. Где они, вы хотите знать? Что ж, я уже говорил

вам раньше, что отдал всё покойному милорду Равенскару. Я думал, вы уймётесь. Но поскольку вы не перестали меня одолевать, я навёл справки через тех моих знакомых, которые ещё не убиты, не в тюрьме и не бежали из страны. И они сказали мне, что синфии из дома Равенскара забрал приятель покойного, Даниель Уотерхауз, и что этот Уотерхауз спрятал их в склепе или где-то там ещё в Клеркенуэлле… по вашему лицу я вижу, что вы знаете, о каком месте речь!

(В продолжение последних Джековых слов драный парик запрыгал, поскольку его обладатель закивал.)

Гость что-то сказал, и Джек в свою очередь кивнул.

— Вы в жисть не скажете этого напрямик, но я понимаю и так: вы больше не можете гонять королевских курьеров, куда вздумается, поэтому ищете каналы. Чтобы накрыть Клеркенуэлл-корт, вам нужно заручиться полномочиями. Надо присягнуть перед магистратом, что монеты из ковчега там? Я готов. Но за это я хочу свободу для Джимми, Дэнни и Томбы. Для себя — только жизнь. Держите меня под замком до конца дней, ежели вам угодно, главное, без этих гадских штучек на Тайберне и без того, чтобы меня по кускам

выварили в смоле и выставили на всеобщее обозрение.

Его собеседник, что-то пробормотав, вцепился в стол и с трудом оторвал себя от стула.

— Увидимся через неделю! — сказал Джек.

Гость ничего не ответил, только повернулся и, стараясь держаться лицом к стене, зашаркал к выходу.

Одни надзиратели готовы были сразу вскочить и вести Джека назад в «замок», но другие ещё не прикончили свою выпивку. Джек только что заказал всем присутствующим по порции и не успел даже притронуться к новой кружке. Уволакивать его прямо сейчас было бы невежливо. Поэтому Джек по-прежнему сидел, обмениваясь рукопожатиями и любезностями с теми заключёнными, которым хватило духа подойти к его столу; он даже чмокнул в щёчку какую-то девицу с «общей стороны», судя по виду — воровку. Однако через несколько минут за соседним столом произошло какое-то движение. Во всё время беседы Джека с гостем там сидели двое вольных: один помоложе, здоровенный, другой — неопределённого возраста (из-за парика и поднятого ворота), но того сухощавого телосложения, которым обычно обладают счастливцы, сумевшие

обмануть старость. Рослый остался сидеть, только повернулся так, чтобы видеть Джека уголком глаза. Худой встал и пересел в угол. Он держал кружку — заказанную Джеком! — но не пил, а сжимал её обеими руками, чтобы они не так сильно дрожали. Его трясло от ярости. Нет, от желания задушить Джека Шафто.

Джек изрядное время забавлялся, разглядывая нового гостя, прежде чем тот сумел пересилить гнев и заговорить.

— Как долго вы нашёптываете эти… эти гнусные измышления в уши сэра Исаака Ньютона? — спросил он наконец.

— Столько, сколько у меня есть доступ к его ушам, — отвечал Джек. — То есть примерно два месяца. Вот уж чего не ждал! Важные люди из кожи вон лезут, чтобы подкатиться к Айку хоть с полсловечком. Кто бы мог подумать, что он станет жадно слушать какого-то бродягу? Однако с тех пор, как он заковал меня в кандалы, мне легче залучить его к себе, чем королю Англии. Щёлкну пальцами — и вот он здесь, готов слушать часами.

— После скончавшегося маркиза Равенскара, — сказал Даниель, — Исаак Ньютон — мой самый старинный друг. Вернее, он был моим другом,

пока вы своей ложью не сделали его моим ярым и опасным врагом.

Джек фыркнул.

— Видел я, какие вы друзья, когда вы приходили сюда на переговоры со мной двадцать восьмого июля. Айк весь трясся от подозрений. О нет, он подозревал не вас, а всех вообще. Я знал, что довольно нескольких моих слов, и можно брать его тёпленьким. А теперь вы враги. Мне до этого — как до мух, вьющихся сейчас над верблюжьими задами в Каире. Ваш старый друг, враг, или кто уж он вам, хочет меня четвертовать. Человек, который рвётся со мной это проделать, черно-книжник или алхимик прямиком из старых побасенок! Чёрт побери! Как эльфы и тролли, эта публика хиреет и скоро повыведется совсем. Им это так же ясно, как вам и мне! Но если мы видим, что они вымирают, и говорим про себя: «туда им дорога», Айк и его компашка воображают, будто их конец станет своего рода Апокалипсисом, последним и окончательным торжеством. Такие, как он, приходили болтать языком в наши бродяжьи становища, и мы от нечего делать в шутку им поддакивали. Как трактирщик пользуется тем, что пьяниц тянет к спиртному, так и я пользуюсь жаждой Айка заполучить Соломоново золото.

Трактирщику надо кормить семью, мне — выручить себя и мальчишек. И мне глубоко плевать, если в итоге Клеркенуэллский монетный двор вигов накроют, а вас и ваших учёных собратьев притащат сюда в цепях.

— Отлично. Всё ясно. Каковы ваши условия?

— Джимми, Дэнни, Томба и я свободными людьми отправляемся на корабле в Америку.

— Принято к сведению, — отвечал его собеседник. — Впрочем, есть сложность, на которую я должен вам указать.

— Моя кружка лишь наполовину пуста, доктор Уотерхауз, а вы ещё не притронулись к своей, так что времени предостаточно. От вас требуется одно: отбросить намёки и выложить всё начистоту.

— Предположим, что побег осуществим, и вы окажетесь на корабле, идущем в Новый Свет. Однако она туда не отправится.

Джек открыл было рот для очередной колкости, но внезапно лицо его посерьёзнело.

Он довольно долго хранил молчание, потом сказал:

— Не может быть, чтобы вы говорили о том, о чём, мне кажется, вы говорите.

— Знаю, что в это трудно поверить, — отвечал

Даниель.

— Допустим… допустим всё то, чего я не готов допустить. Остаётся вопрос: почему она выбрала в посредники вас?

— Вопрос исключительно разумный, — сказал Даниель. — Ответ: выбрала не она. Я действую по поручению другого лица: подруги указанной дамы.

— Тогда не очень-то хорошая эта подруга, — заметил Джек. — Настоящая подруга не полезла бы латать то, что давным-давно порвано. Подруга! Ха!

— И всё же, — не уступал Даниель, — упомянутая подруга попросила меня навести справки. Она молода, верит в силу истинной любви, и прочая, и прочая.

— Да, как в пьесах! — воскликнул Джек. — Я не про циничные комедии времён Реставрации, но про старые пьесы, которые смотрел в детстве.

— Тогда была более простая эпоха.

— Конечно. Хотя сам я не так глуп, чтобы верить в подобные слащавые выдумки, я знаю, что юные дамы, чрезмерно любящие театр и Итальянскую оперу, могут на время поддаться опасному влиянию, пока годы и опыт не вправят им мозги. Я готов считать, что приславшая вас юная дама

просто глупа и нисколько не злонамеренна.

— Ей будет крайне лестно узнать, что Король бродяг так думает.

— Не надо поддевать меня, доктор. Разговор очень непростой даже и без ваших шпилек. Я готовлюсь сообщить нечто весьма важное для передачи любительнице лезть не в свои дела: женщина, о которой идёт речь, когда-то давно пообещала мне, что я не увижу её и не услышу её голоса, пока не умру. А она от своих слов не отступается.

— Отсюда следует, что если вы не умрёте, а сядете на корабль, идущий в Новый Свет, вы не сможете её увидеть и поговорить с ней, — заметил Даниель.

— Да, воистину горькая участь, — сказал Джек, — но так было двенадцать лет, и ещё несколько годиков без неё меня не убьют, в отличие от дальнейшего пребывания в Лондоне.

Флитская тюрьма
ранний вечер 5 октября 1714

Естественно предположить, что любая тюрьма, если в неё углубиться, с каждым кругом становится страшнее и страшнее, подобно Дантову аду. Мимо Флитской тюрьмы (автономного города с населением почти в тысячу душ) Даниель ходил, сколько себя помнит. Собственно тюремное здание (сгоревшее в 1666 году, заново отстроенное в 1670-м) насчитывало почти двести пятьдесят футов в длину от «бедной стороны» на юге до часовни на севере. В ширину оно имело сорок футов и столько же в высоту (достаточно для пяти этажей с низкими потолками, если считать за первый полуподвал). Однако это здание, при всей огромности, так же нельзя было спутать со всей тюрьмой, как, например, принять Белую башню за весь Тауэр. Флитская тюрьма, какой с детства знал её Даниель, представляла собой город площадью шесть акров, четырёхугольный, если смотреть на него в плане. Вблизи она выглядела как те причудливые чудовища, которых наблюдал под микроскопом Гук, то есть казалась

в тысячу раз больше из-за своей сложности и постоянного копошения. Её западная граница проходила прямо по берегу Флитской канавы. С севера территория тюрьмы охватывала всю Флит-лейн, а здания на северной стороне улицы — уже нет; арестант мог идти по мостовой, касаясь рукой стен, но если он входил в дверь, это считалось побегом и влекло за собой финансовые последствия для смотрителя. То же относилось к улицам Грейт-Олд-Бейли и Ладгейт-хилл (совпадавшими с восточной и южной границами), хотя в последнем случае всё осложнялось тем, что тут тюрьма выпускала из себя три длинных тонких щупальца в такое же количество дворов на южной стороне Ладгейта. Такова была территория площадью шесть акров, почему-то называемая «правилами», по которой некоторые арестанты могли прогуливаться без цепей и без охраны при условии, что у них есть «Ордер на взыскание суммы долга, вменяемой данному арестанту, с оговоркой на обратной стороне, аннулирующей настоящий документ в случае, если не будет предпринят побег». Эта и другие меры безопасности по древней традиции хотя бы теоретически позволяли всем, кого посадили за долги (то есть большей части обитателей Флит),

перемещаться, а иногда и селиться вне здания тюрьмы, но внутри «правил», почти неотличимых от других лондонских трущоб. Понять, что вы в тюрьме, можно было лишь по странной особенности некоторых субъектов: в пределах шести акров они ходили, как все, а на пограничных улицах — бочком, опасливо, чтобы неверный шаг или дорожное происшествие не выбросили их за невидимую черту и не сделали беглыми.

Система эта, как и все другие в Англии, постепенно сформировалась за шесть столетий, прошедших с норманнского завоевания. Когда норманны сюда пришли, они обнаружили участок земли площадью около акра, по форме напоминающий отпечаток конской подковы. Подкова упиралась в реку Флит (тогда, надо думать, чистую и журчащую), а выгнутой стороной была обращена на восток. Каким-то образом она получила привилегированный юридический статус: епископ Лондонский повелевал всеми окрестными землями, кроме этого акра. Объяснение названной странности, вероятно, уходило корнями в те времена, когда косматые англы рубили друг друга боевыми топорами, но давно никого не интересовало. Важно было одно: каким-то образом эта странность вылилась в

нынешний статус подковообразного участка как тюрьмы Суда общих тяжб, Канцлерского суда, Казначейского суда и Суда королевской скамьи. До упразднения Звёздной палаты Флит служила в таком качестве и ей, так что какое-то время здесь держали Дрейка (ещё до Даниелева рождения). Тогда это было куда более интересное место и куда более выгодное для смотрителя. Теперь Флит стала почти исключительно долговой тюрьмой. Имелись некоторые исключения из правил, которые в последнее время сильно интересовали Даниеля. Однако, прежде чем заниматься отклонениями, ему надо было изучить норму.

Предварительные исследования дали ничтожно мало, а главное, Даниель никак не мог поверить в их результаты. Как полководец перед сражением, он намеревался составить список вражеских сил, перечень батальонов. Однако сколько бы Даниель ни штудировал документы, сколько бы ни поил должников в третьеразрядных кабаках, спорящих за место в «правилах» с дешёвыми живодёрнями и борделями, он сумел найти упоминания лишь следующих официальных лиц:

• Смотритель, который покупает эту должность в качестве долгосрочного вложения средств (быть

может, самого причудливого в мире) и никогда в тюрьме не появляется.

• Помощник смотрителя, который заключает с последним своего рода договор, освобождающий того от ответственности в случае бегства арестантов. Подробности вогнали Даниеля в ступор, но были не важны; довольно сказать, что система имела смысл, только если помощник смотрителя будет немногим богаче заключённого-должника. Тогда, если кто-нибудь убежит, помощник смотрителя может подать в отставку, объявить себя несостоятельным и раствориться в общем населении Флит.

• Несколько приставов, то есть лиц, сопровождающих арестантов в суд и обратно; в тюрьме они не жили и не носили оружия (если не считать ярко раскрашенных жезлов), потому не могли ни помешать, ни помочь Даниелю.

• Дворник
• Судебный глашатай
• Капеллан
• Три надзирателя

Сколько Даниель ни перечитывал список, он не мог вообразить, как порядок в тюрьме, где проводят ночи более тысячи человек — мужчин, женщин, детей, поддерживают три надзирателя.

Он должен был увидеть это сам. Во Флит пускали всех и даже, в отличие от Бедлама, не брали денег за вход. Даниель вполне мог сойти за своего, если надеть старую одежду и не сообщать каждому встречному-поперечному, что он — лорд-регент.

К Флитской канаве тюрьма была обращена сплошной стеной с несколькими зарешёченными окнами. Бедные арестанты целыми днями сидели перед ними, тряся просунутыми сквозь прутья жестяными кружками. Мимоидущие могли бросить туда монетку, но поскольку люди старались не ходить мимо Большой клоаки Туманного Альбиона, сборы оказывались не слишком обильными. Гук хотел замостить всю Флитскую канаву, то есть спрятать её под землю. На доходах от бряканья кружками это сказалось бы в высшей степени благотворно, однако проект так и не осуществился.

Рядом с решёткой, за которой просили милостыню неимущие должники, начинался сводчатый туннель, уходящий в стену тюрьмы на пугающую глубину в сорок футов. По обеим его сторонам тянулись каменные скамьи, на которых сидели люди крайне неприятного вида. Войдя в этот туннель, человек переступал древнюю границу и оказывался за пределами Лондонской епархии.

Опустившиеся пасторы караулили здесь целыми днями в надежде заработать быстрым венчанием без лишних вопросов. Несколькими футами дальше тот же обряд был бы противоправным и не имел законной силы, но сюда власть епископа не распространялась. Место на скамьях было ограничено, и не все служители алтаря там помещались; самые предприимчивые расхаживали по берегу Флитской канавы в надежде перехватить брачующихся на подходе.

Кроме пасторов, на скамьях сидели проститутки обоего пола и те, кто намеревался воспользоваться их услугами; о сделке уславливались здесь, осуществлялась она в тюрьме.

На некотором удалении от входа туннель перегораживала каменная стена чуть выше человеческого роста, приветливо усаженная сверху железными шипами. В ней имелась зарешёченная дверь. Впускали в неё любого, а вот выпускали не всех. Даниель, подойдя к двери, замедлил шаг, и Питер Хокстон, выполнявший роль арьергарда, чуть на него не налетел.

— Можно идти дальше, — заметил Сатурн, оглядывая людей, сидящих на скамьях справа и слева, поскольку те уже заметили Даниеля и принялись делать ему различные деловые предложения.

Даниель не слушал ни их, ни Сатурна. Некоторое время он смотрел себе под ноги, затем перевернул трость и постучал набалдашником по плитам мостовой, сделал шаг в сторону и повторил ту же процедуру. Наконец, он решился войти, но тут его пренеприятно толкнули. Пренеприятно не в том смысле, что грубо или умышленно; напротив, молодой человек сделал всё, чтобы не налететь на Даниеля, а налетев, рассыпался в извинениях. Он шёл чуть сзади, а когда Даниель с Сатурном задержались, попытался их обогнуть. Неприятность состояла в том, что это был помощник мясника, скорее всего из какой-нибудь жалкой лавчонки на Флит-лейн, с ног до головы облепленный кровью, дерьмом, мозгами, перьями и щетиной. Часть перечисленного оказалась на Даниеле. Парнишка пришёл в ужас, особенно когда вообразил, что сейчас Сатурн его покарает. Однако Даниель с кроткой улыбкой проговорил: «После вас, молодой человек» и сделал приглашающий жест. Парнишка протиснулся вперёд, ещё сильнее вымазав дверь (до него здесь явно проходили его коллеги), и вежливо придержал её перед Даниелем. Они с Сатурном вошли, миновали проститутку (третичный период сифилиса) и её клиента (первичный период), ждущих очере-

ди выйти, затем — надзирателя, смерившего их пристальным взглядом, и выступили из арки.

Тюремное здание было прямо перед ними, сразу через двор: высоченная стена, протянувшаяся более чем на сто футов влево и вправо. Если бы они сделали несколько шагов вперёд и преодолели несколько ступеней, то попали бы внутрь. Однако Даниель снова остановился. На сей раз его внимание привлёк странный триптих: три человека, которые стояли сразу за аркой и не намеревались уступать дорогу ни ему, ни кому-либо другому. Один — пришибленного вида оборванец — поворачивался вправо и влево, словно насаженный на вертикальный вертел. Второй был одет чуть лучше и опирался на ярко раскрашенный жезл. Третий — хмурый здоровяк — разглядывал первого с пристальностью, которая в других местах могла бы спровоцировать драку. Разглядывание длилось неестественно долго; Даниель сообразил, что это какой-то ритуал. Он вспомнил, что надзиратель у ворот тоже пялился на входящих (когда не задерживал взгляд на выходящих), и нашёл разгадку тогда же, когда Сатурн (не без удовольствия наблюдавший за тем, как Даниель ломает голову) соблаговолил объяснить: «Новый арестант. У надзирателей есть одно общее с по-

имщиками умение: внимательно изучив лицо, они его уже не забудут».

Даниелю вовсе не хотелось, чтобы его внимательно изучали или хотя бы мельком оглядывали люди, обладающие такой способностью, посему он перешёл на другое место, ближе к тюрьме, дальше от надзирателей с их цепкими глазами, вновь постучал тростью по мостовой и осмотрелся. Здесь двор был уже всего; с южной стороны он расширялся почти вдвое, с северной — ещё больше, поскольку там от Флитской канавы его отделяли не дома, а лишь каменная куртина двадцатипятифутовой высоты, усаженная сверху металлическими шипами. Для благообразия её расписали морскими и прочими пейзажами, из которых Даниель видел только отдельные вертикальные фрагменты, поскольку во дворе собралось множество курильщиков, гуляющих и любителей побеседовать. День выдался прохладный, но стены и здание тюрьмы защищали от ветра, так что арестанты и посетители воспользовались случаем размять ноги и подышать. Даниеля внезапно осенило: слыша, как арестанты, просящие милостыню через решётку, называют себя «нищими должниками», он мысленно упрекал их за тавтологию. Только теперь,

увидев *зажиточных должников*, он понял, что бедолагам с кружками надо было как-то отделить себя от этих.

Даниель повернулся спиной к Расписному двору, как называлась северная часть пространства перед тюремным зданием, и на безопасном расстоянии последовал за помощником мясника, с которым столкнулся раньше. Паренёк двигался явно целенаправленно, следуя изгибам двора, зажатого между главным зданием тюрьмы справа и домами, выходящими на Флитскую канаву, слева. Он направлялся к ряду домиков шагах в пятидесяти впереди, то есть у южной стены. Даже с такого места Даниель мог уверенно определить, что это уборная, она же отхожее или нужное место. Парень вошёл туда, и Даниель мысленно вознёс молитву о том, кто следующим вынужден будет воспользоваться данным заведением. Некоторое время спустя парнишка появился вновь, прошёл назад через двор, мимо надзирателя (который оглядел его пристально, но ничего не сказал), через скопление шлюх и тому подобной публики у выхода и пропал в арке.

Даниель Уотерхауз и Питер Хокстон остановились на полпути между воротами и уборной. На то были две причины:

1) Тюремное здание состояло по большей части из каморок, не лучше и не хуже, чем в любом лондонском клоповнике. Ключи от них были у самих арестантов. Однако наличествовали и несколько темниц, обитателям которых ключей не полагалось! Они-то особенно интересовали Даниеля. Целый ряд таких казематов располагался в зданиях, стоящих вдоль Флитской канавы; когда Даниель смотрел на юг в сторону уборной, их задние двери и окна были от него справа. Но разглядывать замки и решётки пристально было бы неосторожностью.

Впрочем, по счастью

2) Слева от оси ворота-сортир совершался ещё один странный ритуал. Даниель и Сатурн были сейчас рядом с «бедной стороной» — двумя очень большими помещениями в самой южной части главного здания, где ютились те арестанты, которым не по средствам было снять отдельную комнату. У внешней стены одного из этих помещений стояла цистерна. Вода в неё подавалась помпой; Даниель старался не думать, какую воду можно качать из-под земли менее чем в ста футах от Флитской канавы. К цистерне приближалась толпа человек в десять-пятнадцать; ядро её составляла плотная кучка из четырёх мужчин.

Толпа встала вокруг цистерны, и Даниель увидел, что у одного из четверых руки связаны за спиной обрывком верёвки. Он был с непокрытой головой; его конвоиры выглядели такими же обтрёпанными, но сумели где-то раздобыть предметы одежды, узнаваемые как шляпы и парики. К старшему из этих троих и обратились сейчас все взгляды, и тот начал речь, звучавшую, ни дать ни взять, как судебный приговор, во всяком случае, такую же длинную и неудобопонятную. Она была так же вопиюще помпезна, как вопиюще убоги были оратор и слушатели, но если соскоблить лепрозные словеса и обнажить грамматический костяк, сводилась к тому, что все присутствующие (за исключением связанного) составляют некий орган, именуемый Коллегией инспекторов, а говорящий — его председатель, и что в ходе завершившихся слушаний субъект с непокрытой головой признан виновным по следующим пунктам: проникновение в комнату такого-то и кража глиняной бутыли с джином из тайника в стене, куда законный владелец (как все знали) прятал её на то время, когда отрывал от губ; и что приговор по указанному делу будет сейчас приведён в исполнение. Вора поставили спиной к цистерне, доходившей ему до колен,

и опрокинули назад, так что его ноги взметнулись вверх, а затылок пробил мутную пену на поверхности воды. Крепко держа осужденного за плечи, два представителя Коллегии инспекторов подвели его лицом под трубу, а третий принялся что есть силы качать помпу. Оценить результат было нелегко, поскольку зрители, стремясь не упустить душеполезное зрелище, плотно обступили цистерну. Даниель лишь урывками видел за их спинами, как ноги наказуемого отплясывают в воздухе тарантеллу. Из всех окон тюрьмы смотрели должники, чтобы поучиться на ошибках джинокрада. Сатурн, благодаря своему росту, отлично видел экзекуцию. Даниель, зайдя ему за спину, стал глядеть в другую сторону, на здание, в котором, по его догадкам, располагались темницы.

Судя по тяжёлым дверям, обилию замков и решёток, а также почти полному отсутствию окон, он не ошибся. Кто-то говорил ему, что некоторые темницы расположены рядом с Флитской канавой, сортиром и тюремной помойкой; впрочем, из-за холодного ветреного дня вонь была не такая, как подразумевало описание. Однако Даниель не видел дополнительных мер предосторожности, которых следовало ожидать, если внутри

помешались члены банды Шафто. К тому же дом выходил фасадом на Флитскую канаву, и с той стороны, возможно, имелись окна и решётки, что делало его неподходящей тюрьмой для опасных преступников.

Нравственное перевоспитание закончилось, воду качать перестали, бенефициара, полумёртвого, вытащили из цистерны и бросили на мостовую. Зрители разошлись. Некоторые предпочли обогнуть большое здание с юго-восточного угла, по узкой и грязной дорожке между сортирами и помойкой. Здесь внешняя стена достигала сорока футов: она располагалась так близко к окнам верхнего этажа, что при меньшей высоте могла бы наводить на мысль о побеге с использованием верёвок. Даниель с Сатурном свернули за угол и двинулись на север, вдоль восточной стороны главного здания; здесь тюремная стена вновь отступала футов на сто. По описанию Даниель узнал двор для игры в мяч, примыкающий к «господской стороне» Флит. Здесь состоятельные должники обитали в комнатах, которые делили с большим или меньшим числом товарищей по несчастью в зависимости оттого, сколько могли платить. Эти-то комнаты и приносили смотрителю основной доход. Несмотря на холод,

множество людей перебрасывались мячом при помощи ракеток, играли в шары, кегли и другие игры, создавая общее впечатление неразберихи. У внешней стены стояло несколько обшарпанных столов, за которыми летом, вероятно, собирались картёжники. Даниель сел за один, чтобы дать роздых ногам. Он устроился спиной к стене, так что мог обозревать весь двор и «господскую сторону» за ним. Чуть правее стена плавно поворачивала, огибая северо-восточный угол большого здания. В выемке притулились несколько отдельных строений, в частности, поварня с собственными цистерной и помпой. С одного её бока очередная помойная куча грозила поглотить очередную уборную; всё это находилось в пугающей близости от тюремной церкви. С другого бока в том же изгибе стены торчала постройка, назначение которой Даниель затруднился бы угадать, если бы перед ней не стояли два вооружённых солдата. По соседству часть территории двора узурпировали две армейские палатки и полевая кухня.

У Даниеля был при себе тубус с картой, который он сейчас снял с плеча, открыл и перевернул. Сперва наружу высыпалась небольшая лавина пыли и сухой штукатурки вперемешку с конским волосом. Ещё немного потряся тубус, Даниель

сумел извлечь на свет Божий свёрнутые в рулон документы.

Последний раз Сатурн видел их, когда вынимал из дыры в стене под куполом Бедлама.

— Когда вы стучали по плитам тростью, некоторые арестанты приняли вас за сумасшедшего, — сказал он. — Теперь такие подозрения закрались и у меня.

— К тому-то я и стремлюсь! — обрадованно воскликнул Даниель. — Можете объяснять всем, что я безумный старик, возомнивший, будто некий фальшивомонетчик в давние времена спрятал здесь клад.

— Фальшивомонетчик?! Здесь?!

— Да. Фальшивомонетчиков и контрабандистов иногда помешали сюда по решению Казначейского суда и Суда королевской скамьи. Так что исходное здравое зерно в истории есть, как во всех выдумках сумасшедших. Я вбил себе в голову, что сумею отыскать клад. Вы — слуга, которому несчастные родственники поручили оберегать меня от неприятностей и вообще всячески обо мне заботиться.

— Могу ли я в таком качестве заглянуть в трактир, взять себе шоколада и?…

— А мне кофе, — добавил Даниель и принялся

расправлять на выщербленном столе непослушные чертежи, придавливая их по углам кеглями.

Сатурн двинулся через двор, уворачиваясь от летящих или катящихся мячей и демонстративно не замечая знакомого, который его узнал. Путь Сатурна лежал на север, между церковью и поварней, к трактиру и кофейне в северном торце здания.

Тем временем Даниель, в который раз за последние пятьдесят лет, прикоснулся к гению Роберта Гука через его, Гука, странные записи и филигранные чертежи.

«В лето Господне 1335 смотритель Флитской тюрьмы нанял землекопов, чтобы вырыть ров вокруг здания и прилегающего двора. Ширина рва составляла 10 ф. Поскольку он был заполнен водой, мы делаем вывод, что он соединялся с Флит в двух местах, образуя излучину к востоку от указанной реки, и проходил на месте теперешней стены… в более поздних документах приводится жалоба, что стоки не менее десяти нужников, а также кожевенных мастерских ведут в упомянутый ров, превращая его в открытую клоаку, каковая, следует полагать, в те дни внушала не меньшее отвращение, чем нынешняя Флитская канава… Ров больше не существует, но нет доку-

ментов о том, что его засыпали. В рассуждение вышесказанного я смею утверждать, что его не засыпали, а перекрыли сверху, дабы защитить окружающую территорию от смрадных испарений, но что он по-прежнему соединяется с Флит, вероятнее всего в точках A и B, чем отчасти и объясняется её дурной запах…» Дальше Гук приводил доводы в пользу того, что так же надо поступить с Флитской канавой.

Точки A и B располагались на восточном берегу Флитской канавы, рядом с северо-западным и юго-западным углами тюрьмы. Они были отмечены на плане, который Гук составил после Пожара. Сравнивая приведённые сведения с тем, что видел перед собой, Даниель испытал то приятное чувство, какое бывает, когда в голове складывается логичная картина. Редкие творения человеческих рук так долговечны и привязаны к своему месту, как каменные нужники, особенно те, куда по традиции ходит вся округа. Если в 1714 году мясники с Флит-лейн облегчаются на южном краю тюремной территории, очень вероятно, что они поступали также в 1614-м, 1514-м, 1414-м и так далее. Уборная близ южной стены, вероятно, была в числе тех десяти с лишним, о которых говорил документ. Но и та, что рядом

с поварней, скорее всего находилась надо рвом, там, где он поворачивал на восток. Она стояла у самой стены; с другой стороны к той же стене примыкали здания, выходящие на Флит-лейн. Были среди них и скотобойни, которые, в старые времена, словно мухи, облепили ров, чтобы вода уносила их отбросы. По той же причине здесь разместили и поварню.

Третьим в ряду было здание, охраняемое солдатами.

Даниель читал жалобы на условия в некой темнице Флит, составленные арестантами, сумевшими нанять себе адвокатов, чтобы выбраться оттуда любой ценой. Эти арестанты были не должники, а богатые и опасные люди, брошенные в тюрьму Звёздной палатой или Судом королевской скамьи. В документах сообщалось, что темница находится на южном берегу канавы, что могло означать только исчезнувший ров. Темница, согласно описаниям, «кишела жабами и прочей мерзостью», была «наполнена гнусными испарениями» и в неё «не проникало ни лучика света». Узников приковывали к скобам в полу и оставляли лежать в нечистотах — собственных (в камеру не ставили даже ведра) и тех, что сочились из стен.

Эти приятные раздумья прервал Сатурн. Он привёл служанку, которая несла поднос с чашками. Сатурн захватил из трактира газеты (по слухам, периодические издания поступали туда так же исправно, как в любой лондонский клуб) и сел читать, прихлёбывая шоколад.

Даниель оглядел женщину внимательно (хоть и не так грубо, как надзиратель) и решил, что она не шлюха, а скорее жена должника, оказавшаяся здесь надолго (если не навсегда) и подрабатывающая прислугой в трактире (ещё одном источнике прибыли для смотрителя тюрьмы). Женщина, в свою очередь, с любопытством разглядывала его, из чего Даниель заключил, что Сатурн рассказал ей про чокнутого кладоискателя.

— Любезная, — сказал Даниель, вынимая из кармана кошелёк, чтобы она не ушла, — вы связаны с начальством?

— Вы про Коллегию инспекторов и всё такое?

Даниель улыбнулся.

— Я имел в виду смотрителя.

Женщина опешила: такой глупости она не ожидала даже от выжившего из ума старикашки. С тем же успехом Даниель мог спросить, не пьёт ли она чай с Папой Римским.

— С Коллегией инспекторов, если они тут за-

дают тон.

— Пирушки они задают, если вы понимаете, о чём я!

Женщина подмигнула Сатурну. Чего бы не позабавиться над старым чудаком?

— Люди с ружьями не позволяют мне осмотреть вон ту темницу! — посетовал Даниель, указывая на солдат. — Меня уверяли, что Флитская тюрьма открыта для всех, а тут…

— Вам повезло, — объявила женщина.

— Как так, мэм?

— Если б вы хотели куда ещё, председатель ни в жисть бы вас не пустил, пока ему не заплатите. Но насчёт солдат он обеспокоен, произносит длиннющие речи в винном и пивном клубах и пишет жалобы на законные власти! Обращайтесь к председателю, и он не останется глух к вашей просьбе. А ещё лучше отблагодарите его заранее, ежели вы меня понимаете.

Пока она говорила, Даниель вытащил из кошелька деньги и разложил их на столе. Он указательным пальцем придвинул к женщине мелкую монетку, которую та взяла и теперь внимательно следила за Даниелевым пальцем — на какой монете он остановится.

— Правильно ли я заключаю, что размещение

вооружённых солдат во Флитской тюрьме — процедура необычная?

Женщине потребовалось несколько секунд, чтобы расшифровать эту фразу.

— Вооружённые солдаты здесь не в обычае, верно! Ещё как!

— Так они тут недавно?

— С августа, кажись. Охраняют новых арестантов — во всяком случае, так говорят. Председатель не верит — мол, это уловка… прении… как его там.

— Прецедент.

— Точно!

— Которому нельзя потворствовать, ибо в противном случае Флит мало-помалу лишится своих древних привилегий, — сказал Даниель и переглянулся с Питером Хокстоном. Слова звучали нестерпимо пафосно, но Сатурн уверял, что должники во Флит треть времени спят, треть — пьют, курят, играют в азартные игры и прочая, а треть — ведут бессмысленные тяжбы со смотрителем.

— Председатель возглавляет Коллегию инспекторов? — спросил Даниель.

— Да, сэр.

— Его выбирают?

— Тут так просто не расскажешь, но обычно это старший из должников.

— Старшие должники управляют тюрьмой по законам, которые сами выдумали…

У женщины расширились глаза.

— Ну конечно! — Тут глаза её снова сузились. — А разве не все законы выдуманные?

Даниель пришёл от ответа в такой восторг, что заплатил за него больше, чем стоило бы.

— Вы говорите, здесь есть винный клуб?

— Да, сэр. Он собирается по понедельникам. А пивной — по вторникам. Люди пьют и называют это клубом.

— Заключённые, гости или…

— И те, и другие.

— Так что к десяти все расходятся?

Женщина не поняла, о чём Даниель говорит, и ему пришлось объяснить:

— Вроде бы в это время надзиратели просят посторонних удалиться?

— Ну и что? Клуб гуляет до часу или до двух ночи, сэр, а потом все расходятся по комнатам и пьют до рассвета.

Даниель придвинул ей ещё монетку, мысленно коря себя за тупость. Флит называют самым большим лондонским борделем, а как бы такое могло

быть, если бы всех действительно выгоняли в десять?

— Какой клуб более шумный — винный или пивной?

— Шумный? Винный сперва шумный, потом тихий. Пивной — наоборот, ежели вы меня понимаете…

— А солдаты выпивают вместе со всеми? — Даниель кивнул на палатки.

— Бывает, заглянут тишком, пропустить по кружечке, — отвечала женщина, — но у нас с ними когда как, ежели вы меня понимаете…

— Из-за тяжбы, которую ведёт председатель.

— Да. Да. Верно говорите.

— Как же они спят у себя в палатках, когда в трактире шумят?

— Так и не спят. Во Флитской тюрьме вообще спать трудно, для тех, кто любит поспать, ежели вы меня понимаете.

— Отлично понимаю, мэм. — Даниель придвинул ей последнюю монетку. — Вот, купите себе ваты, чтобы затыкать уши.

— Спасибо за доброту, сэр, — сказала она, пятясь. — Надеюсь увидеть вас вечером в понедельник или во вторник, как вам будет угодно.

— Если это окажется ещё легче, — сказал Да-

ниель Сатурну, — я почувствую себя немного обманутым.

— Не вижу ничего лёгкого! Вы видели замки на темницах?

— Это будет не сложнее, чем закатить пирушку, — отвечал Даниель. — А теперь идёмте — если, конечно, надзиратели нас выпустят! — и поищем жильё на Флит-лейн.

Сатурн помрачнел больше обычного.

— Вам не нравится моя мысль?

— Она не хуже всего остального, что вы удумали за последнее время, — сказал Питер Хокстон, эсквайр.

— Надо ли понимать, что вы пытаетесь выражаться дипломатично?

— Уж как умею. Если вы искали дипломата, вам не следовало идти за ним в Хокли.

— Кстати, раз уж мы говорим без обиняков, — сказал Даниель. — Мне известно, что адские машины для Джека делали вы.

— У меня были мысли, — выговорил Питер Хокстон, каменея и багровея.

— Я подозревал, но в июле, когда вы мастерски изготовили ловушку для Жекса, всё стало более чем очевидно.

Теперь Питер Хокстон начал вдыхать и на

протяжении следующих примерно сорока пяти секунд вобрал в лёгкие несколько бочонков воздуха; его грудная клетка расширялась и расширялась — ещё немного, и она упёрлась бы в дома с одной стороны улицы и стену с другой, круша кладку. Однако наконец он достиг своего предела и свистящим ураганом выпустил воздух.

— У меня были мысли, — повторил Питер Хокстон, как будто первый раз только примерялся к фразе. — Некоторые, так сказать, сомнения.

— Знаю.

— Спасибо, — проговорил Сатурн, лаская губами слово. — Спасибо, что не отправили меня в тюрягу без разговоров.

— Никто не погиб, — заметил Даниель. — Взрывы не повторялись.

— Я отчасти потому и стал вас разыскивать, тогда, в самом начале, что…

— Хотели проследить за мной и моим расследованием?

— Не без этого, конечно, но и…

— Вы сожалели о том, что чуть меня не убили.

— Да, точно! Вы читаете мои мысли!

— Я читаю ваше лицо и поведение, как и положено духовнику. Что вы знаете касательно

ковчега?

— Я его открыл. Джек вынул оттуда одно, положил другое.

— Что Джек туда положил? Были они из чистого золота? Или с примесью низких металлов?

Сатурн пожал плечами.

— Я иногда покупаю золото для часов, однако больше ничего о нём не знаю.

После этого Даниель молчал так долго, что Сатурн прошёл все последовательные стадии досады, тревоги и меланхолии. Он поднял голову и посмотрел на Флитскую тюрьму.

— Так мне пойти подыскать себе камеру или…

— Изготовителям адских машин здесь не место. Вы заскучаете в обществе должников и сопьётесь.

Даниель поднялся на ноги и вылил в рот остатки холодного кофе (его и принесли-то чуть тёплым, а за время разговоров он остыл окончательно).

— Так вот, насчёт жилья. Сложности в моей жизни начались после того, как король Англии взорвал мой дом и убил моего отца. Чтобы всё снова стало просто, мне, возможно, тоже придётся взорвать дом. В таком случае будет нужен человек с вашими умениями.

Сатурн наконец встал.

— По крайней мере это интереснее, чем наши прежние занятия. Так что я с вами.

ИЗВЕЩЕНИЕ

о публичном аукционе, имеющем состояться в Клинкской слободе через неделю после сего дня (сиречь лета Господня 1714 октября 20-го дня).

На торги выставляется: мистер Чарльз Уайт, эсквайр.

И знати, и простонародью равно ведомо, что когда граф О*** (известный в некоторых кругах под прозвищем Последний Из Тори) приполз в Гринвич, дабы облобызать монаршую руку, его величество лишь глянул на униженного просителя и, не произнеся ни слова, оборотил к нему августейший зад. Пристыженный граф бежал почти с таким же позором, как его собрат по партии, милорд Б***; сей был замечен на следующем в Кале судне, где упражнялся в преклонении колен перед каждым увиденным французом.

Такого рода благоприятные знамения

убеждают нас, что тори прогорели. По древней традиции, когда последний отпрыск знатного дома отходит в лучший мир, душеприказчик (уважаемый джентльмен) продаёт имущество покойного (лошадей, вино, мебель, кареты и прочая) с публичных торгов. Это обычай весьма полезный и облагораживающий, ибо как иначе новоиспечённые виконты и графы, внуки контрабандистов и башмачников, обставили бы свои особняки фамильным достоянием времён короля Вильгельма Завоевателя?

Падение тори было столь сокрушительным, что пустить с молотка почти нечего, и, насколько мне известно, никто из победителей-вигов ещё не предложил себя на роль исполнителя их предсмертной воли (хотя многие вызвались бы на роль исполнителя смертной казни, но должность сия уже занята неким Джеком Кетчем, который, по слухам, ни с кем её делить не желает; а навлекать на себя гнев человека, стольких отправившего на тот свет, более чем неразумно).

В избытке располагая свободным вре-

менем (не весь же день мне пересчитывать щедрые даяния моих читателей!) и пользуясь покровительством милорда М***, а также прочих светлейших лиц (иначе с чего бы виги печатали мои писания в своей газете?), я недавно назначил себя распорядителем тех жалких крох, что зовутся наследием тори. Я приступил к делу с изрядным страхом, полагая, что вынужден буду годами искать покупателей на брошенное ими достояние: груды обесцененных банкнотов, акры приусадебных газонов, полные амбары ненависти, а равно всякую мелочь вроде франко-английских разговорников и папистских регалий. К моему великому облегчению выяснилось, что и это немногое рассеялось и утекло, а задача моя много проще, нежели я думал. Из всего, чем владели тори, осталось одно: мистер Чарльз Уайт, объявивший себя моим хозяином. Мистер Уайт многократно и громко высказывался в поддержку рабства (примитивного дикарского обычая, согласно которому один человек вправе владеть другим); сие позволило разре-

шить потенциально весьма щекотливую ситуацию. Благодаря щедрости моих читателей я теперь располагаю средствами, чтобы приобрести мистера Чарльза на аукционе, каковой будет иметь место сразу по завершении коронации нового короля 20-го числа сего месяца. Купив мистера Уайта, претендующего на владение мной, я автоматически верну себе право собственности на свою особу, чего единственно и добиваюсь. Таким образом, я устраню посредника, конфисковав всё имущество мистера Уайта, включая себя. Мистера Уайта я отпущу на волю, нагого, как из материнского лона, после чего тот может отправляться во Францию и там под покровом ночи отобрать платье у какого-нибудь щеголя, но прежде я велю ему начистить мои башмаки, что для человека, чья совесть чернее ваксы, должно быть совсем несложно.

подписано:
ДАППА из Клинкской слободы
Октября 13-го дня лета Господня 1714-го

Трактир Флитской тюрьмы вечеринка пивного клуба (четверг, 14 октября 1714)

А ещё — ведя разговоры о спрятанных сокровищах. Сказочка, выдуманная им на ходу, распространилась по Флитской тюрьме быстрее конъюнктивита. Почти никто в неё не поверил, и всё равно нашлись десятки охотников тыкать лопатами и ломами в любой участок земли, пола или стены, на котором Даниель хоть ненадолго задержал взгляд. Даниель не думал привлекать к себе такое внимание и теперь боялся, что если он всё-таки вызволит Шафто из тюрьмы, его опознают и арестуют. Впрочем, поздно было что-либо исправлять, оставалось только по возможности сбить будущих дознавателей со следа. Даниель ходил в большом каштановом парике и на вопросы об имени отвечал: «Зовите меня „старик Партри“».

Теперь он понимал, как люди вроде Болингброка влипают в крупные неприятности: не потому, что делают одну явную глупость, а потому что шаг за шагом сужают выбор и в итоге должны

идти ва-банк.

Из простаков, поверивших в спрятанный клад, ни один не принадлежал к Коллегии инспекторов, что порождало определённые трения всякий раз, как Даниель заглядывал в тюремный трактир. Все хотели сидеть рядом с Даниелем: председатель и коллегия, чтобы пить за его счёт, кладоискатели — чтобы слушать о последних изысканиях. Даниель бессовестно их стравливал, что в долго- или даже среднесрочной перспективе было бы неразумно, но в качестве стратегии на десять дней сработало успешно. Он начал ронять намёки, что сокровище зарыто в северо-восточном углу тюрьмы — там, где сидели братья Шафто и Томба. Менее чем через час кладоискатели пришли к гневному умозаключению, что высшее начальство (не иначе как тори под руководством гнусного Чарльза Уайта!) намерено само провести раскопки (разумеется, незаконно!), а солдаты поставлены для прикрытия. Коллегия инспекторов не поверила ни единому слову, но ухватилась за легенду, дающую предлог для очередного иска к смотрителю, посему принялась лицемерно её распространять и даже расцвечивать подробностями. Даниелю, с его дисциплинированным умом, и в голову бы не пришло, что события могут

принять такой нелепый оборот, и уж тем более он не стал бы строить на чём-то подобном свои планы. Однако сказанного было не вернуть.

За два дня Даниель узнал всё, что стоило знать об устройстве тюрьмы и её порядках. Ещё неделю он убил на выяснение того, о чём мог догадаться сразу: недвижимость, даже самая завалящая, в Лондоне дорога и ревниво оберегается. Лачуги на Флит-лейн ужасали своим убожеством и вонью, но для тех, кто работал в их задних комнатах или держал бордели на верхних этажах, это были маленькие королевства, и за каждым квадратным футом здесь приглядывали не хуже, чем в Версале за статуей или клумбой. Даниель знал (так же непреложно, как то, что прямая — кратчайшее расстояние между двумя точками), что в погребах этих домов есть неописуемо мерзкие сливные отверстия, ведущие в давно спрятанный под землю ров Флитской тюрьмы — тот самый ров, чьё содержимое сочится через стены подземного каземата на братьев Шафто. Однако сколько бы Даниель ни ходил от двери к двери, какую бы фантастическую ложь ни выдумывал, его не пустили даже на порог, не то что в подвал. Сточные отверстия представляли *ценность*: позволяли сливать неприятные отходы некото-

рых выгодных производств, например, разделки туш и мыловарения. Благодаря этим чудесным отверстиям люди кормились сами и кормили семьи; они не видели причины показывать их любопытствующему незнакомцу. Даниель мог бы предложить деньги за погляд, но это значило привлечь к себе лишнее внимание.

Точки A и B на чертеже Гука — места, где ров сообщался с отвесными берегами Флитской канавы — найти было несложно, однако их закрывали железные решётки и кирпичная кладка с отверстиями для стока. Сатурну, чтобы убрать преграду, хватило бы лодки и бочонка с порохом, но взрыв посреди города, в четверти мили от собора святого Павла, вряд ли прошёл бы незамеченным.

Оставалось одно: проникнуть в спрятанный ров через саму Флитскую тюрьму, пользуясь её особенностями и нежданным успехом истории про спрятанные сокровища. На собрании пивного клуба седьмого октября, в четверг, «старик Партри», изрядно перебрав, сболтнул, что к сокровищу можно подобраться в обход солдат, если сделать подкоп из рва. На следующее утро обнаружили, что уборная, прилегающая к поварне у северной стены, подверглась нападению ванда-

лов. Нужник был на две дыры; обе (как стало ясно после того, как одну разворотили) вели в колодец, за которым лежал непроглядный гибельный мрак. Левое очко не тронули, правое значительно расширили топором, сделав непригодным к использованию.

Вот это уже серьёзно затрагивало всё население Флит: тюрьма была печально известна своей ветхостью, а смотритель — нежеланием раскошеливаться на ремонт. Коллегии инспекторов предстояло судиться с ним за починку нужника лет сто. Председатель провёл беседу со «стариком Партри». Эксцентричный гость и его здоровяк-слуга могут сколько угодно посещать трактир и двор для игры в мяч, но с разговорами о кладе пора завязывать. Сортирного вандала, если его найдут, ждёт наказание под помпой.

К тому времени Даниель сделал ещё одно важное открытие: пусть недвижимость дорога, зато люди дёшевы. Собственно, он мог бы значительно раньше вывести это из того, что за крохотные кусочки серебра они чистят дымовые трубы, ложатся в постель с сифилитиками и подставляют себя под пули в Бельгии, но, как многие, счастливо избавленные от такой необходимости, всячески старался не думать о подобных вещах,

пока Питер Хокстон принудительно не раскрыл ему глаза. Даниель платил за работу относительно щедро; как и предупреждал Сатурн, им пришлось отбиваться от наплыва желающих, готовых делать то же самое за меньшие деньги.

От работника требовалось следующее: войти во Флитскую тюрьму якобы с целью облегчиться; юркнуть в поломанный сортир, когда никто особенно не смотрит, и прыгнуть в дыру. Первый мальчишка, который это осуществил, был вознаграждён щедрее последующих, поскольку никто не знал, что его там ждёт. Выбравшись назад по верёвке (которую ему заранее выдали), он сообщил сенсационную новость: под сортиром идёт длинный, плавно изгибающийся туннель с твёрдым дном, покрытым на несколько дюймов склизким илом; нечистоты в туннеле доходят примерно до середины бедра.

Нанятые Даниелем молодые люди спускались в дыру с сумками за спиной (маленькими, чтобы не привлекать внимание надзирателей), а вылезали с пустыми руками. Они соорудили лестницу, чтобы подниматься из туннеля не по канату (как первопроходец). Они уходили под землю с мерными верёвками и возвращались с цифрами в голове, которые Сатурн наносил на план: в

восьми футах восточнее нужника, на северной стороне туннеля имелось отверстие в два размаха рук шириной, откуда время от времени извергались скотские внутренности. Одиннадцатью футами далее находился сток туалета, принадлежащего, вероятно, какому-то зданию по другую сторону стены. Ещё через две сажени, справа — сток тюремной поварни. Ещё через тридцать шагов по вонючей жиже, за поворотом, в туннель втекала тоненькая чистая струйка: избыток воды из цистерны, стоящей между поварней и темницей. Бесстрашные исследователи проникали всё дальше в глубины рва; из их возбуждённых рассказов постепенно складывалась общая картина. Через день они обнаружили хлипкую каменную кладку в девяноста-ста футах к востоку от нужника. Это могла быть только стена темницы. Прижимаясь к ней ухом, мальчишки убедили себя, что слышат по другую сторону лязг цепей: тяжёлых кандалов, которые смотрителю Флитской тюрьмы пришлось одолжить в Ньюгейте, чтобы заковать членов банды Шафто. Теперь юные герои, спускаясь в сортир, проносили с собою железными ломики, долота и обмотанные тряпками молотки, чтобы выковыривать из кладки потрескавшийся раствор. Через два дня

работы кто-то с противоположной стороны (негр, так что, надо полагать, Томба) вытащил кирпич и в образовавшуюся дыру размером с кулак посоветовал больше не разбирать стену, чтобы не заметили тюремщики. После этого начались иного рода приготовления. Мальчишки, рекрутированные из числа лондонских трубочистов, то есть привыкшие к узким и грязным вертикальным лазам, обследовали выходящие в ров сливы уборных и нашли самый подходящий. Он вёл в публичный дом, занимающий часть трактира «Прекрасная дикарка», одного из множества подобных заведений в дымных трущобах между восточной стеной тюрьмы и Грейт-Олд-Бейли.

Первые дни второй недели октября Даниелю казалось, что вечер четверга с очередным заседанием пивного клуба никогда не настанет. Частые визиты в пострадавшую уборную начали привлекать внимание: не сами мальчишки (они выставляли дозорных, чтобы влезать в туннель и выбираться из него не на глазах у тех, кто зашёл просто справить нужду), но оставляемый ими зловонный след. В тёмном и сыром тюремном сортире лишние грязь и вонь были, конечно, не так заметны, как где-либо ещё, тем не менее начались пересуды, вселявшие в Даниеля трево-

гу. И ведь не то чтобы у него было мало других оснований тревожиться! Чем больше времени он проводил в трактире, тем беспокойнее становился, и всё же в последние дни сидел там почти безвылазно. Вечером четырнадцатого он изучил Даппино объявление об аукционе раз пять в промежутках между перечитыванием сегодняшних и вчерашних газет. Но вот наконец стемнело, трактир начал наполняться любителями пива. Неспешной походкой вошёл Сатурн и подмигнул Даниелю — разумеется, слишком рано! Всё случилось чересчур быстро! Даниель был не готов! Нечто похожее произошло год назад, когда встречные ветра на много недель задержали «Минерву» в Массачусетском заливе, и Даниель, при всём своём неверии, молился о смене погоды, а едва его желание исполнилось, их атаковал пиратский флот Чёрной Бороды. Сейчас назревала ещё одна перемена в воздухе, ещё одно приключение было на подходе. Даниелю сделалось страшно. Однако он убеждал себя так: люди вроде Джека Шафто ведут жизнь, полную приключений. Даже Даниелев преподаватель математики в Кембридже, Исаак Барроу, как-то сражался с корсарами в Средиземном море! С тех пор, как год и два дня назад Енох вошёл к нему

в дом, всё было сплошным приключением, хоть и с небольшими затишьями. Так почему бы не продолжить?

Даниель подозвал одного из трактирных служителей и, протянув ему золотую монету, велел откупорить бочку пива. Должники восприняли это как библейское чудо и ответили своим чудом: превратили полную бочку в пустую. Даниель заказал вторую, потому что по «правилам» и даже дальше раскатился слух, что «старик Партри» угощает весь Лондон. Народ вливался в ворота сплошным потоком, таким плотным (как сообщили Даниелю), что никто не мог выйти. Собрание казалось ему обычным, хоть и более многолюдным (и куда более благодарным), пока должники под возгласы: «Виват!» не подняли его на плечи. Тогда-то, с высоты, он увидел в открытые окна и дверь туман над двором для игры в мяч. Не обычный лондонский туман, а сгустившееся дыхание сотен людей, толпящихся снаружи, поскольку в трактире места уже не осталось. Будь они индейцами или турками, следовало бы встревожиться. Однако это были англичане, движимые общим английским свойством: желанием пить и веселиться вместе, особенно в тёмную промозглую ночь. Даниель решил, что пришло время сыграть

на ещё одной черте английского характера: готовности включиться в любую сумасбродную затею.

— Я издержал всё своё золото, — объявил он, когда от него потребовали произнести речь, и клуб затих, насколько вообще может затихнуть такое многолюдное сборище, — и мои родные, которым не по душе предпринятые мною изыскания, сказали бы, что теперь я присоединюсь к вам в стенах Флит. В их глазах это позор, в моих — честь не меньшая, чем получить Орден Подвязки. — (Пауза для новых тостов и криков: «Виват!») — Однако этому не бывать. Ибо недавно я обнаружил новые документы, которые позволят мне точно установить местонахождение клада, зарытого здесь сто сорок лет назад фальшивомонетчиками, брошенными в тюрьму по приказу сэра Томаса Грэшема!

Вступление прозвучало многообещающе, но дальше оратор пустился в многословный и совершенно лишний (по мнению большинства) исторический экскурс, посему речь вознаградили не такими бурными аплодисментами, как если бы он заказал ещё бочку пива. Впрочем, цели своей Даниель достиг. Те, кто искренне верил в спрятанный клад, ещё раньше заподозрили, что в голове «старика Партри» зреет новый план;

теперь они ринулись к нему, размахивая острыми палками и лопатами. Коллегия инспекторов испытывала сильнейшее недовольство и охотно сунула бы Даниеля головой под помпу, но ничего не могла поделать, пока «старика Партри» окружает толпа гостей, в чьих животах плещется выставленное им пиво.

— Теперь, если вы любезно отнесёте меня на «бедную сторону», — крикнул Даниель, — я найду клад! Мы выкопаем его и разделим на всех! Об одном прошу: не подходите близко к солдатам и не испытывайте их терпение! Они вооружены и, если мы дадим им хоть малейший предлог, могут захватить то, что по праву наше!

Он надеялся, что его слышали даже на дальнем конце толпы. Кроме того, теперь Коллегия инспекторов могла проявить власть. Председатель и три его ближайших советника направились к темнице, вероятно, с тем, чтобы объяснить солдатам происходящее.

— К цистерне «бедной стороны»! — провозгласил Даниель.

Через несколько мгновений он был уже на месте, окружённый толпой ретивых кладоискателей. Здесь Даниель в свой первый визит наблюдал наказание под помпой. Он вытащил

документ, написанный истинным алфавитом и непонятный даже для грамотных должников, — к счастью, поскольку на самом деле это было составленное Гуком описание часового механизма.

— Здесь сказано: «Отсчитайте пятьдесят шагов параллельно Флитской канаве, до дерева», — объявил Даниель и дал понять, что хочет спуститься на землю. Как только его желание выполнили, он приблизился к цистерне, повернулся на север и начал считать шаги: — Раз, два, три…

К тому времени, как он добрался до десяти, толпа подхватила счёт. Число «пятьдесят» все хором произнесли уже в Расписном дворе.

— Дерева нет, — заметил Даниель в наступившей тишине. — Разумеется! Оно сгорело во время Пожара. Тем не менее мы должны продолжать, помня о возможной погрешности.

Он так долго изучал документ, что самые нетерпеливые принялись копать прямо здесь.

— Тут написано: «Повернитесь вправо и отсчитайте ещё сто шагов», что сперва меня смутило, — сказал Даниель, глядя на стену главного здания, преграждавшую им путь. — Потом я вспомнил, что тогда тюрьма была меньше. Нам надо отсчитать сто шагов в ту сторону. — И он указал на тюрьму.

У каждого из кладоискателей была своя теория, как это следует осуществить. В следующие минуты могло показаться, что Флит поменялась обитателями с Бедламом: люди лезли в окна, протягивали верёвки через комнаты, вышагивали вдоль внешних стен и чертили палками на земле. Через некоторое время примерно две трети из них сошлись на ближнем краю Двора для игры в мяч. Небольшие группки инакомыслящих отметили места чуть ближе или чуть дальше и яростно отстаивали свою правоту.

— Здесь должно быть ещё одно дерево, но его нет, — сказал Даниель. Некоторое время он изучал документ, периодически щурясь на купол святого Павла. — Разумеется, шпиль старого собора располагался немного в другом месте, но, по счастью, я ещё помню где. — Он двинулся на сбережённый в памяти ориентир через весь двор. Группки инакомыслящих следовали параллельными курсами, ревниво считая его шаги. Даниель остановился чуть не доходя до стены, сделал пять шагов влево и оказался на краю неглубокой каменной канавки, идущей у её основания. Он огляделся, якобы сверяя приметы, но на самом деле его интересовали солдаты. Сержант поднял всех десятерых и выстроил перед

зданием темницы. Они стояли лицом к толпе, с примкнутыми штыками, сержант — впереди всех. Несколько членов Коллегии инспекторов сгрудились перед ним, видимо, пытаясь создать буферную зону между солдатами и кладоискателями. Все настороженно смотрели на «старика Партри», который остановился в полудюжине ярдов от солдат. Однако дальше он не двинулся.

— Копать надо здесь, — объявил Даниель и топнул ногой, после чего вынужден был отпрыгнуть, чтобы её не перерубили лопатой. Он оглянулся через плечо. Солдаты, судя по всему, несколько успокоились. В темноте за их спинами рослый человек опрометью вбежал в уборную, как будто у него прихватило живот. «Старика Партии» совершенно забыли и выталкивали к краю толпы. По ходу дела с него сбили парик (на самом деле он сам этому поспособствовал, тряхнув головой в нужный момент). В тени тюрьмы Даниель сбросил плащ и остался с непокрытой головой, в убогом платье, таком же, как у большинства здешних обитателей. Неприметный старик двинулся на юг, в обход «бедной стороны», потом вдоль западного края тюрьмы мимо цистерны и ворот (в которых сейчас образовался затор, потому что гости пивного клуба отправились по домам; все

три надзирателя внимательно разглядывали их лица), через Расписной двор и вкруг северного торца главного здания. Пострадавшая уборная была прямо перед ним. Он почти полностью обошёл тюрьму, зато попал сюда, не проходя перед солдатами. Даниель вступил в уборную, сел, глубоко вдохнул, поднял колени и повернулся на заду, так что его ноги оказались над дырой. Как только он их опустил, сильные руки ухватили его за щиколотки и потащили вниз. Всё произошло куда быстрее, чем ему хотелось! Только голова и плечи ещё торчали из дыры, когда его ослепил свет. Кто-то вошёл в уборную с фонарём! Даниеля рывком втянули вниз, ударив подбородком о край отверстия. Из внешнего мира донёсся крик и стук падающего фонаря. Неровный овал света над головой сменился мраком.

— Думаете, он успел рассмотреть ваше лицо? — просипел в ухо Сатурн.

Даниель ничего не сумел ответить. Его охватила парализующая тревога — предшественница ужаса и, вероятно, дурноты. Он только сейчас понял, каково это — находиться в лондонской канализации, хотя даже не ступил в неё по-настоящему: Сатурн нёс его, перекинув через плечо, к источнику света, скрытому за перегибом тун-

неля.

Даниель ринулся бы обратно, если бы не стыд за то, что нанятые им люди спускались сюда раз за разом на протяжении недели.

Он страдал. Время шло. Они находились в другой части туннеля, где было больше людей и света. В стене пробили дыру. За ней открывалось низкое сводчатое помещение, в котором сейчас работали несколько человек. Дверь в дальнем его конце заклинило; если бы солдаты услышали что-нибудь за шумом толпы и спустились узнать, в чём дело, они бы всё равно не сумели её открыть. На полу лежали три человека в немыслимо жалком состоянии. Казалось, они отдыхают, но Даниель видел, что на самом деле они больны, измучены и закованы в стофунтовые ньюгейтские цепи. Человек с молотком и зубилом сбивал с них ручные и ножные кандалы. К тому времени, когда появились Сатурн с Даниелем, один уже был свободен и теперь сидел, растирая запястья.

— Мы неделями жаловались, что тут нет гальюна, — заметил он, — а теперь нам предстоит туда лезть.

— Скорее оттуда, — возразил Сатурн. — Надеюсь, ты в силах взобраться по лестнице, Дэнни.

— Лучше спроси сыча, который болтается у тебя

на плече, в силах ли он, — парировал Дэнни.

— У него есть скрытые возможности, — отвечал Сатурн.

— Тогда уж хватит их прятать, — сказал чёрный. Впрочем, при таком освещении трудно было различать оттенки кожи.

Пристыженный этой и другими подобными шуточками, Даниель заёрзал и попросил Сатурна его спустить. Нечистоты доходили до колен. Оставалось убеждать себя, что и это в конечном счёте можно пережить.

— Если кто-нибудь готов, то давайте тронемся, — предложил он.

— Спасибо, но мы будем держаться вместе, — отвечал Дэнни. Томбу уже освободили, однако за Джимми человек с молотком только-только принялся. — Впрочем, вы можете показывать путь к выходу, если он, конечно, есть.

— Есть, — заверил Сатурн. — Осталось расчистить последний дюйм.

И он показал толстый железный ломик.

Последний дюйм состоял из досок. Это был пол, настеленный на относительно широкий колодец, ведущий в ров. Только он и отделял мир клоаки от уборной борделя в таверне «Прекрасная дикарка».

Сатурн, как правило, не злоупотреблял своим телосложением; он был скорее из тихих здоровяков. Тем более впечатляюще выглядело, когда он решил-таки приложить силу. При виде великана, возникающего из пола их туалета в вулканическом извержении щепок и сломанных досок, жрицы любви не стали искать разгадки увиденному, а просто кинулись к выходу, бросив клиентов на разных стадиях раздетости и возбуждения. В борделе было двое вышибал, которые, естественно, стояли у входной двери; прошло несколько минут, пока они поверили, что их услуги требуются в отхожем месте. Когда они появились, размахивая дубинками, то увидели противника, превосходящего их числом, силой и вооружением: к тому времени из отверстия, проделанного Сатурном, вылезли уже семеро.

— Если вы пришли, чтобы нас вышвырнуть, — сказал Даниель, — то спешу обрадовать: мы сами хотим поскорей убраться. Где здесь выход?

Рядом с трактиром «Прекрасная дикарка» ждала телега, запряжённая четвёркой лошадей. На телеге помещались бочонок с водой и паренёк, который весело окатывал из ведра всех, кто в неё залезал. Чистыми они, разумеется, не стали, но вода хотя бы смыла твёрдое и разбавила жидкое,

так что всем несколько полегчало. А главное, всё произошло довольно быстро. Пустой бочонок сбросили на землю. Половина участников похищения выбралась через уборную Флитской тюрьмы с тем, чтобы выйти через ворота, двое сразу за порогом борделя отправились своим путём. Джимми, Дэнни, Томба, Сатурн и Даниель лежали в телеге; паренёк накрыл их рогожей. Выпачканные башмаки и штаны они сбросили, пока телега петляла в лабиринте «правил». Те, кого вышлют в погоню за беглецами, доберутся по этому очевидному следу до Грейт-Олд-Бейли, но не будут знать, куда повернуть дальше: после того как телега свернула на широкую и оживлённую улицу, из неё не выбросили ни единой улики.

На юг Грейт-Олд-Бейли шла до Ладгейта и дальше уже под именем Уотер-стрит вела к пристани Блэкфрайерс.

К северу на вержение камня стояло здание Уголовного суда и, чуть дальше — Ньюгейтская тюрьма. Преследователи вполне законно предположили бы, что беглецы свернули на юг к реке и свободе, а не на север к суду и самой страшной тюрьме в городе. Однако они свернули на север и довольно скоро остановились. Сатурн встал, сбросив рогожу, и взял у кучера фонарь. Джим-

ми, Дэнни и Томба сели, ошарашенно глядя по сторонам. Телега стояла на пересечении Грейт-Олд-Бейли с другой, ещё более широкой улицей, которую перегораживал готический замок с аркой. Въезд в арку закрывала массивная решётка.

— Ньюгейтская тюрьма, — сказал Джимми.

— Не задерживайте взгляд на низком и тёмном, — посоветовал Сатурн, приоткрывая створку фонаря. — Устремите его ввысь, на тройное окно над статуями.

Окно, о котором он говорил, находилось футах в тридцати от мостовой. Между железными прутьями горела одинокая свеча. Пламя взметнулось вверх, озарив лицо лишь на то время, которое нужно, чтобы задуть огонёк. Однако и этого мгновения им хватило, чтобы узнать человека за решёткой.

— Оте… — выкрикнул Джимми, но финальный звук заглушила ладонь Томбы, зажавшая ему рот.

Уже по этому одному Джек Шафто мог бы понять, кто в телеге; впрочем, Сатурн разрешил последние сомнения, направив свет фонаря поочередно на Джимми, Дэнни и Томбу. Последним он осветил Даниеля: важно было показать Джеку не только, что они сбежали, но и кто устроил

побег.

— Летите, как птицы, — сказал Джек. Он не кричал, а каким-то образом проецировал свой голос прямо на них. — И не останавливайтесь, пока не достигнете Америки!

— А ты, отец? Мы должны бежать вместе! — крикнул Джимми.

— Если бы желание, само по себе, могло рушить тюрьмы, все люди были бы свободны, — отвечал Джек. — Нет. Я здесь. Вы там. Завтра я по-прежнему буду здесь, а вот вам лучше не задерживаться.

— Отец, мы не можем тебя бросить, — сказал Дэнни.

— Довольно! Трогайте немедленно! Слушайте. Тридцать лет я твердил, что должен позаботиться о своих сыновьях. До сей минуты я просто болтал языком. И вот наконец я сделал, что обещал. Забудьте всю пакость, помните только это. Вперёд! Отправляйтесь в Америку, найдите себе жён, заведите детей и расскажите им, что их дед сделал для своих сыновей. Пусть знают, что от них ждут никак не меньшего. Прощайте!

Голос сорвался. Джек обессиленно приник к решётке, и людям внизу вновь смутно предстало его лицо.

Сатурн махнул кучеру, тот щёлкнул кнутом, и телега повернула на запад. Прощальные крики трёх беглецов потонули в грохоте колёс. Рогожа опустилась, скрыв здание с едва различимым лицом Джека в окне. Телега укатила прочь. Площадь опустела. Над ней угадывались пять человеческих фигур: припавший к решётке Джек, а под ним, в нишах, Свобода, Правосудие, Милость, Истина. Все они как будто повернулись к Джеку спиной и демонстративно не слушали приглушённых рыданий, долетавших из окна ещё несколько минут.

По Хай-Холборн доехали только до Ченсери-лейн, там повернули на юг, к реке, и через Темпл добрались до пристани, где ждала лодка с несколькими гребцами, которые за приличные деньги согласились на одну ночь стать слепоглухонемыми. Все пятеро участников побега сели в лодку. Она отвалила от пристани Темпла и двинулась наискось вверх по течению к ряду деревянных причалов на Ламбетском берегу.

— Неизвестно, как скоро ваше исчезновение заметят, — сказал Даниель, когда спутники, по его мнению, достаточно оправились от жестокого прощания, чтобы слышать и понимать. Беглецы жадно поглощали хлеб, сыр и варёные яйца, при-

готовленные для них в лодке. При первых словах Даниеля все трое повернулись к нему, из чего он заключил, что они привыкли внимательно слушать и выполнять указания.

— Первым делом людей с вашими приметами будут искать в нижнем течении Темзы. Поэтому туда вам не надо. На том берегу ждут быстрые лошади, чистая одежда и человек, который проводит вас до некоего места в Суррее, где вы смените коней — и так до самого Портсмута. Если повезёт, вы завтра же отплываете в Каролину вместе с работниками, завербованными на плантацию мистера Икхема; на вас выправлены такие же документы. Однако если весть о вашем побеге достигнет Портсмута раньше, чем корабль отплывёт, возможно, придётся заплатить какому-нибудь контрабандисту, чтобы тот отвёз вас во Францию.

— Отец сказал в Каролину, — подал голос Дэнни. — Значит, поедем в Каролину.

— Не сомневаюсь, — отвечал Даниель. — Думаю, вам в Америке понравится.

— Знаем, были, — отозвался Джимми.

Члены банды Шафто настолько привыкли к отчаянным ночным эскападам, что умчались в Ламбетскую тьму раньше, чем Даниель успел

вылезти из лодки, чтобы с ними проститься. Теперь ему оставалось только сидеть и ждать, пока гребцы доставят их с Сатурном обратно на Лондонский берег.

— Я и не подозревал, как чертовски трудно возглавлять преступную организацию, — посетовал Даниель. Возбуждение последних часов схлынуло, осталась только непомерная усталость.

— Как правило, люди приходят к этому постепенно, начиная с более простых занятий, вроде кражи часов, — заметил Сатурн. — Неслыханное дело, чтобы кто-то сразу оказался наверху. Такое мог совершить только выдающийся член Королевского общества. Будь на мне шляпа, я бы снял её перед вами, сэр.

— Интересно, зачтётся ли моя неопытность за смягчающее обстоятельство, когда меня будут судить.

— Не «когда», а «если». Хотя вам стоит подумать о возвращении в Америку.

— Хорошо, подумаю, — отвечал Даниель. — Но прежде нам предстоит спуститься в ещё одну клоаку.

— О, после сегодняшнего я никогда больше не буду смотреть на Уолбрук как на клоаку! — отвечал Сатурн. — Скорее как на ручеек, который

замуровали под землю для удобства немногих избранных.

До Крейн-корта было меньше четверти мили. Даниель взял портшез, и носильщики доставили его туда в несколько минут. Исаак Ньютон, как оказалось, работал тут допоздна; кто-то его нашёл и вызвал. Узкий двор перегораживала стоящая перед крыльцом карета. Даниель велел носильщикам посторониться, чтобы её пропустить.

Исаак вышел, белый в свете уличных фонарей, кашляющий, осунувшийся. Он сел в карету и тут же открыл окно, чтобы впустить воздух.

— В Ньюгейт, — приказал он. — Если потребуется, я буду всю ночь сидеть рядом с Джеком Шафто, а завтра представлю его перед магистратом. Посмотрим, как Джек будет упорствовать, когда на него навалят тонну камней.

Карета как раз проезжала мимо портшеза, на расстоянии не больше вытянутой руки. Исаак, по всей видимости, обращался к своему спутнику, какому-то значительному лицу, но, говоря эти слова, он посмотрел в окно, прямо в лицо Даниелю. Тот знал, что надёжно скрыт за плотной чёрной занавеской, и всё равно задержал дыхание. Несколько мгновений он чувствовал нехватку воздуха, как узник, которого придавили

тяжёлым грузом.

Под свинцовым гнётом во дворе Ньюгейтской тюрьмы 20 октября 1714

Тогда Аполлион говорит: «Теперь ты мой», — и с этим словами чуть не задавил его насмерть, так что Христианин уже почти отчаялся.

***Джон Беньян, «Путь паломника»*[8]**

Меркурий не знает пути в Ньюгейт. Странно, что вестник богов обходит стороной ворота на пути в то, что Джек Шафто назвал величайшей столицей мира. Однако Меркурия здесь ни разу не видели, как и (справедливости ради надо заметить) в прочих местах, где Джек провёл большую часть жизни. Порхающий бог, избалованный мраморными полами Олимпа, брезгует марать в дерьме белоснежные крылышки на щиколотках. Учитывая, по каким дырам обычно мотало Джека, он мог бы прожить жизнь в полном информационном вакууме (и куда счастливей), не будь у привередливого Меркурия трёх виночерпиев,

---

[8] Примечания: 8
Пер. Т. Поповой.

проще говоря, малолетних педерастов-прислужников: Света, Шума и Смрада, сопровождающих своего господина, как, по слухам, Страх и Ужас сопровождают Марса. Они-то и доставляют вести в те уголки, куда Меркурий не отваживается ступить.

Свет в Ньюгейте — редкий гость, как и вообще в Лондоне. В дальнем конце тюрьмы есть двор, такой узкий, что молодой мужчина, упираясь спиной в стену, может помочиться на противоположную. В те дни, когда в Лондоне случается солнце, оно на несколько минут заглядывает во двор — потому-то апартаменты, выходящие туда окнами (хоть и зарешёченными), всегда предоставлялись лишь самым состоятельным узникам.

У Джека было много денег (большую часть которых он изготовил сам), но в тот день он находился не в этих апартаментах по причинам, связанным с некими священными канонами английского судопроизводства. Он был в той части тюрьмы, куда Свет почти не заглядывает, разве что частичку его схватят и приговорят к короткому заточению в фонаре.

Разбитной бродяга Шум гуляет по Ньюгейту куда свободнее своего эфирного братца Света.

Обитатели Ньюгейта его любят и всё время производят. Отчасти потому, что в отсутствие Света только звуки и дают какую-то пищу для ума (или, за неимением оного, для глупости). Отчасти потому, что все здесь: богатые, бедные, уголовники, должники, мужчины, женщины, дети, взрослые — с первой до последней минуты в тюрьме таскают на себе железные кандалы. Богачам по карману цепи полегче, беднякам приходится носить тяжёлые, но те и другие ходят в цепях и стараются звенеть ими как можно громче, будто звук в силах изгнать из воздуха смрад или распугать вшей.

Джек лежал в давильне посреди тюрьмы, на втором этаже. Рядом располагалась женская уголовная камера, в которой около сотни женщин были упакованы валетом, как шоколадные солдатики в коробке. У них была одна-единственная забава: выкрикивать через решётку на улицу самые гнусные ругательства. Немало свободных лондонцев не могли придумать себе занятия лучше, чем стоять под стеной и слушать брань уголовниц. За примерно тысячу лет (с перерывами на пожары, эпидемии чумы и тюремной лихорадки, а также полный снос тюремного здания с последующим возведени-

ем нового) практика эта развилась в высокое искусство. В сквернословии ньюгейтские уголовницы задавали тот же недостижимый идеал, что Мальборо — в полководческом деле. К счастью для Джека, который предпочитал тишину, чтобы время от времени впадать в забытье, давильню от женской камеры отделяла толстая стена, заглушавшая похабщину до неразличимого гула.

Однако если Джек слышал больше, чем видел, то обонял он в тысячи раз больше, чем слышал. Ибо из трёх подручных Меркурия ушлый пронырa Смрад чувствует себя в Ньюгейте увереннее всего. По большей части Джек обонял себя и то, что в последнее время из него выдавилось. Впрочем, иногда в давильню проникал запах разводимого огня, затем — горячего масла, смолы и дёгтя. Ибо совсем близко располагалась «поварня Джека Кетча», где означенное должностное лицо вываривало в указанной смеси головы и руки своих клиентов, дабы они дольше сохранялись на кольях вокруг городских ворот.

Джека поместили сюда восемнадцатого октября. Много времени спустя открылась дверь, вошёл тюремщик и затолкал кусок хлеба ему в рот. Прошло ещё много времени. Дверь снова открылась. Появился другой тюремщик с черпа-

ком, которым за минуту до того провёл по луже на полу. Он влил грязную жижу в глотку Джека: хочешь глотай, хочешь плюй. Джек, отчаянный малый, проглотил. Он знал, что заключённых, сидящих на хлебе и воде, обходят раз в сутки: в один день приносят хлеб, в следующий — воду. К нему заходили дважды, значит, сегодня, почитай, уж двадцатое октября. В этот день новому королю предстояло короноваться в Вестминстерском аббатстве, всего в полутора милях отсюда.

Как Джек жалел, что пропустит коронацию! Да, конечно, его не пригласили. Однако он столько раз попадал без спроса в самые разные места, что уж как-нибудь проник бы и туда.

В различных парадах, процессиях и других коронационных торжествах участвовали почтенные люди: епископы, врачи, йомены и графы. Все они надеялись и верили, что значительная часть Джека Шафто скоро окажется в поварне Джека Кетча. Впрочем, чтобы это произошло, его следовало признать виновным, и не абы в чём, а в государственной измене. Обычных грабителей, убийц и тому подобный сброд просто вешали. Мёртвого висельника, целиком, слишком тяжело тащить по лестнице в указанную поварню. Государственных же изменников вешали не

до полного удушения, снимали с виселицы, потрошили, холостили и разрывали четвёркой скачущих в разные стороны лошадей по меньшей мере на четыре куска, как раз подходящих по размеру для вываривания в масле, смоле и дёгте. Сейчас Шафто отделяли от поварни Джека Кетча всего несколько шагов, но почтенные люди ждали, что он отправится туда мучительным кружным путём через Тайберн. И мешала этому одна формальность: послать Шафто на казнь имел право лишь суд, который не мог начаться, пока тот не заявит о своей виновности либо невиновности.

Соответственно приставы два дня назад вытащили его из чистых, светлых апартаментов в «*за*мке» и прогнали по длинному узкому проулку, наподобие овечьей поилки, во двор Олд-Бейли. Здесь магистрат (во всяком случае, Джек заключил, что это магистрат, по важной осанке и парику) строго посмотрел на него с балкона (поскольку давно выяснилось, что магистраты, которые дышат одним воздухом с узниками Ньюгейта, скоро умирают от тюремной лихорадки). Джек отказался признать свою вину, поэтому тюремщики приступили к обычной процедуре. Его тем же проулком отвели в Ньюгейт, но не в

уютные апартаменты, а в давильню, где раздели до исподнего и настоятельно попросили лечь спиной на каменные плиты. В пол давильни по всем четырём углам были вделаны железные скобы. Руки и ноги Джека соединили с ними цепями. Затем цепи, предвосхищая грядущую казнь, сильно натянули, распластав Джека на полу.

Посреди камеры был подвешен при помощи блока прочный деревянный ящик, открытый сверху и потому немного напоминающий ясли. Его опустили, так что он оказался в нескольких дюймах от Джековой груди. У стены на удивление аккуратно стояли свинцовые цилиндры; тюремщики принялись их таскать и с нервирующим глухим стуком бросать в ящик. Таскали они долго и всю дорогу, как судейские, перечисляли прецеденты: вот уже сто фунтов, это для пожилых дам и чахоточных детей… теперь уже двести… вес, под которым лорд Такой-то признался всего через три часа… но ты, Джек, покрепче будешь, мы в тебе нимало не сомневаемся… ещё чуть-чуть и будет триста фунтов… под ними Боб-Жало испустил дух, а Большой Иеффай выдержал три дня.

Ну вот, Джек, мы готовы. И ты, как мы видим, тоже готов.

Ящик с гирями опустили. Блок наверху про-

изводил все визги и крики, которые издавал бы Джек, если б мог. Тяжесть придавила не сразу, но росла и росла, как вода в прилив. Сейчас Джек понял, почему многие из тех, кого упоминали тюремщики, раскалывались или просто умирали: не от тяжести и не от боли, хотя и та другая были нестерпимы, а от полной ужасающей беспросветности. Её Джек перебарывал, хоть и с трудом, напоминая себе, что пережил много худшее. Даже сравнивать смешно. Этой мыслью он успокаивал себя, пока не разорвалась нить, связывающая его с настоящим, и рассудок, отделившись от тела, не уплыл в прошлое.

Сквозь множество ярких сцен проходил он, подобно бестелесному духу; в Порт-Ройяле на Ямайке и при осаде Вены, на Берберийском побережье, в Бонанце, Каире, Малабаре, Маниле и других местах, видел лица, по большей части любимые, реже — ненавистные. К некоторым людям Джек взывал — так громко, что ньюгейтские тюремщики услышали его и сбежались в давильню, решив, что он не выдержал и готов сделать признание. Однако они обнаружили, что он блуждает в собственных воспоминаниях и не осознает, что происходит на самом деле. А Джек злился — не на тяжесть, которую давно перестал

чувствовать, а на то, что не может докричаться до людей, которых видит. С тем же успехом он мог бы взывать к росписям на церковном потолке: великолепным, но мёртвым и глухим. Раз он увидел мистера Фута в цветастой хламиде, на Квиинакуутском берегу — тот держал в руке бокал с чем-то ярким и как будто собирался выпить за Джеково здоровье. Лишь это хоть смутно напоминало какой-то отклик.

Удивительным образом из всех гостей разговаривать с ним мог только самый ему ненавистный: отец Эдуард де Жекс.

— Ты! Вот уж чистое издевательство! — ярился Джек.

— Да, но признай, что именно я должен был явиться тебе здесь и сейчас! — Де Жекс говорил без обычного мерзкого французского акцента.

— Ну… сдаюсь, — слабо проговорил Джек.

У де Жекса, разумеется, было наготове иезуитское объяснение:

— Все, кто тебя посетил, Джек, либо ещё живы, либо уже отправились, куда следует, и слишком далеко от этого мира, чтобы тебя слышать. Только мой дух по-прежнему витает здесь.

— Ты не попал в ад? Я-то думал, что тебе прямая дорога туда.

— Как я однажды признался тебе в минуту слабости, мой статус был и остаётся двусмысленным.

— Ах да… твоя коварная кузина чего-то намутила. Я позабыл.

— Сам святой Пётр не смог разобраться в этих хитросплетениях, — сказал призрак де Жекса, — и потому я обречён скитаться по земле до Страшного суда.

— И как же ты коротаешь время, отец Эд?

Отец Эд пожал плечами.

— Стараюсь искупить свою вину, давая добрые советы и направляя тех, у кого есть ещё шансы достичь Небес, на путь праведный.

— Ха! Ты?!

Де Жекс снова пожал плечами.

— Поскольку ты прикован к полу цепями, тебе остаётся только выслушать мой совет, даже если ты не намерен ему внять.

— И что же ты советуешь? Говори быстрее, ты блекнешь.

— Я не блекну, — объяснил де Жекс. — Тюремщики услышали, как ты кричишь на меня, и открыли дверь. Смотри, уже утро, окна Ньюгейтской тюрьмы распахнуты, в них струится свежий воздух, всё заливает свет. Я тут с тобой. Не

обращай внимания на тюремщиков: они в растерянности, потому что не видят меня и полагают, что ты не в себе.

— Ха! Вот дурачьё! Я не в себе! Надо же такое удумать!

— Ты согласился на предложение Даниеля Уотерхауза. Почему?

— Я рассудил, что он самый надёжный из троих. Чарльз Уайт человек влиятельный, но положение его шатко; того и глядишь, ему придётся бежать из Англии. Опасно на него ставить. Ньютона я просто не понимаю. А вот Уотерхауз… он связан с Сатурном, у него есть все основания довести дело до конца. Он уже вытащил мальчишек из Флитской тюрьмы — из-за того-то сэр Исаак вчера вечером так злился…

— Это было три вечера назад, Джек, — сказал де Жекс. — А под гнёт тебя положили два дня назад, восемнадцатого.

— Надо же, как чертовски давно. Я и не уследил за временем.

— Ты продержался дольше, чем кто-либо прежде. Весть просочилась через окна Ньюгейта на улицы, и толпа распевает о тебе песенку:

Нагружайте до кучи хоть тонну, —

Молвил Джек Куцый хер непременно, —
Ночь еще впереди,
Хватит духу в груди,
Расколоться не вижу резона я.

— А, так вот что они орут дурными голосами? А я-то гадал. Вполне сносно для народной песенки. И очень трогательно. Надеюсь, толпа её ещё подшлифует. Народ скинется и наймёт настоящего поэта, человека со вкусом. Я бы предпочёл героические куплеты, ямбическим гекзаметром, например, и чтоб их можно было положить на музыку…

— Джек! А не пришло ли тебе в голову задуматься, почему ты слышишь меня, бесплотного призрака, в то время как никто из тюремщиков не знает, что я здесь?

— Нет, зато мне пришло в голову задуматься, почему ты не приставал ко мне целых два дня, а теперь вдруг вздумал нарушить мой покой дурацкими советами.

— Ответ в обоих случаях один. Ты стоишь на пороге врат из одного мира в другой.

— Это такой поэтический способ сказать, что я скоро окочурюсь?

— Да.

— Что ж, увидимся через минуту-другую. Я чувствую, что испускаю дух… Я слышу звон райских колоколов…

— Вообще-то звонят в Вестминстерском аббатстве, а ветер доносит сюда звук.

— Что? Кто-то умер?

— Нет. По традиции в большой колокол аббатства бьют, когда перед западным входом останавливается карета государя. Звон сзывает всю Англию в церковь, Джек, чтобы отпраздновать коронацию Георга.

— Мне местечко оставили?

— Постарайся сосредоточиться, Джек, не то колокольный звон будет последним, что ты услышишь в жизни.

— Позволь напомнить, что в противном случае я должен будут объявить себя виновным или невиновным. Что бы я ни сказал, мне дорога на Тайберн, и там я умру куда худшей смертью. Чёрт, мне почти не больно!

— Ты не забыл про важную часть плана?

— Какого? Того, что предложил доктор Уотерхауз?

— Да.

— О нет. Я вижу, куда ты меня тянешь, и я туда не хочу. Один раз ты уже провернул этот фокус:

подделал письмо от неё, чтобы заманить меня в ловушку!

— Ты лежишь на полу Ньюгетской тюрьмы, на груди у тебя триста фунтов свинца, и тебе осталось жить шестьдесят секунд. Мне смешно, что в такую минуту ты думаешь, как бы не угодить в западню!

— Я просто не хочу, чтобы меня снова одурачили. Я многого не прошу: лишь сохранить чуточку гордости.

— Гордости у тебя всегда было с избытком. Принесла она тебе то, о чём ты мечтал? Нет. Тебе не гордость нужна, а вера.

— О, в бога душу!

— Ладно. А если так: хочешь ты прожить ещё девять дней и узнать, чем всё кончится?

— Если умереть значит оказаться в одной сфере бытия с тобой и терпеть твоё занудство, то повременить с этим девять дней вполне заманчиво.

— Итак?…

— Хорошо. Не один ли чёрт? Признаюсь.

— Говори громче! — попросил де Жекс. — Тебя не слышат! Всё заглушают далёкие фанфары!

— Забавно. Я-то думал, что умер, и ангелы приветствуют меня гласом золотых труб!

— Это королевский трубач возвещает вступ-

ление Георга-Людвига в Вестминстерское аббатство! А барабанный бой, который ты слышишь, сопровождает его торжественную процессию!

— Я признаюсь, чёрт побери! — заорал Джек. — А теперь уже снимите с меня эту дрянь и прогоните вон того духа!

Вестминстерское аббатство
20 октября 1714

Позже знатные господа, ставшие свидетелями этой сцены (а также многие, желавшие уверить окружающих, будто там присутствовали), станут уверять, что лицо негодяя исказил волчий оскал. Ибо Чарльз Уайт был человеком могущественным; чтобы низвергнуть, его надо было представить в общественном сознании своего рода диким зверем.

Дело происходило перед западным фасадом Вестминстерского аббатства. Все великие люди Британии, а также послы и другие гости из чужих стран, стояли вокруг, слегка ошалелые после нескольких часов в церкви. Ибо коронация Георга была, по сути, исключительно нудной церковной службой, которую слегка оживляла демонстрация самых помпезных регалий по эту сторону Шахджаханабада. Собравшиеся высидели и выстояли множество длинных молитвословий, и всякий раз, как король отгонял муху, за этим следовали пятнадцатиминутные фанфары и торжественный речитатив. Архиепископ, лорд-канцлер,

управляющий королевским двором и так далее вплоть до герольдмейстера ордена Подвязки осведомились друг у друга, действительно ли Георг-Людвиг Ганноверский — тот самый человек, которого надо короновать, затем принялись задавать тот же вопрос хреновой туче епископов, пэров, дворян и прочая, причём те не могли ограничиться простым кивком, а пускались в пышные словесные излишества, повторяемые троекратно с перерывами на получасовые музыкальные дивертисменты в исполнении трубачей, органиста или хора. Библии, аналои, потиры, дискосы, сосуды для мира, ложки, балдахины, шпоры, мечи, порфиры, скипетры, державы, венцы, кольца, медали, короны и жезлы плыли по центральному проходу между скамьями, как будто толпа церковнослужителей и пэров разграбила самый шикарный в мире ломбард, и ни одну фитюльку нельзя было переместить из точки А в точку Б без нескольких молитв и гимнов, долженствующих подчеркнуть, какое это радостное и в то же время жутко торжественное событие. Песнопения лились рекой. Молитвы сыпались, как из мешка. Имя Господне трепали почём зря. У Христа горели уши. Гул стоял на всю округу. Под ногами у трубачей скопились лужицы слюны.

Помощников органиста одного за другим уносили с грыжей. У мальчишек-хористов успели отрасти бороды.

Когда наконец новый король в пурпурной мантии тяжело проковылял по центральному проходу на улицу, все некоторое время не могли поверить своим глазам, как будто самый надоедливый в мире гость под утро наконец-то соблаговолил отбыть восвояси. Ещё полчаса прошли в заключительных молебствиях, покуда различные важные особы шествовали к дверям, за которыми могли наконец остановиться, моргая от света, и обменяться впечатлениями. По всему Лондону трезвонили колокола. Король, а также принц и принцесса Уэльская, давно разъехались по своим дворцам.

Тогда-то мистера Чарльза Уайта и оскорбил действием некто, положивший ему руку на плечо. Капитан курьеров явился на торжество в великолепном церемониальном наряде, приличествующем его званию. Однако даже через эполет он почувствовал руку у себя на плече и понял, что это значит. Вот тут-то (как утверждают) лицо его исказил волчий оскал.

Уайт повернулся к наглецу и замер в растерянности. Он искал ухо, чтобы откусить. Но у

человека, стоящего перед ним — немолодого, плотного, хорошо одетого, в жёлтом парике, — с правой стороны не было уха, только корявый вырост с дыркой посередине. Чарльз Уайт совершенно опешил. Он огляделся и увидел, что его незаметно обступили несколько дворян — всё сплошь рьяные виги — и каждый из них держит руку на эфесе.

— Чарльз Уайт, именем короля я арестую вас! — сказал человек в жёлтом парике. Тут Чарльз Уайт его узнал: это был Эндрю Эллис. Двадцать лет назад, в кофейне, на глазах у Роджера Комстока, Даниеля Уотерхауза и целой комнаты вигов Чарльз Уайт откусил ему ухо. За прошедшие годы Эллис успел побывать членом парламента; теперь он был виконт или что-то вроде того.

— Я не признаю узурпатора, — объявил Уайт (что в данных обстоятельствах было не вполне учтиво). — Однако я вижу ваше оружие и покоряюсь грубой силе, как если бы меня похитили преступники.

— Зовите это похищением, коли вам угодно, — сказал Эллис, — но знайте, что вы арестованы по закону согласно распоряжению лорда-канцлера.

— Могу ли я узнать, в чём меня обвиняют?

— В том, что по наущению короля Франции вы

вступили в сговор с Джеком Шафто и Эдуардом де Жексом, дабы те проникли в Тауэр и нарушили неприкосновенность ковчега.

— Значит, Джек Шафто сломался под пыткой, — пробормотал Уайт, пока вооружённые виги вели его через Старый двор к пристани, где ждала лодка, чтобы доставить их в Тауэр.

— Он показал на вас, — сказал Эллис. — Никто не знает, сломался он под пыткой или преследует какую-то свою цель.

— Свою, — заметил Уайт, — или чью-то ещё.

Люди, которые его арестовали или похитили, только рассмеялись. Случайный наблюдатель, видящий, как они грузят свою добычу в лодку, принял бы их за весёлую компанию англичан, довольных, что они получили нового короля и благополучно пережили его коронацию.

Двор Олд-Бейли
20 октября 1714

— Виновен! — объявил магистрат.

— Что я и сказал, — заметил Джек Шафто. Он боялся, что магистрат не услышал, как он признаёт себя виновным. Голос у Джека ослабел, дыхательная мускулатура пошаливала после того, как несколько дней преодолевала давление трёхсот фунтов свинца. А другие люди, стоящие с ним на одном клочке земли, говорили куда громче, чем было сейчас в Джековых силах.

— Суд нашёл тебя, Джек Шафто, виновным в государственной измене! — повторил магистрат на случай, если первый раз его не услышали за гулом.

— Суду ничего не надо находить! Я сам признался! — протестовал Джек, без всякого, впрочем, толку.

Он чувствовал себя немного пьяным от непривычной лёгкости, света, еды и воды — всех тех благ, которыми его осыпали после того, как он запросил пощады, признался в нападении на Тауэр, указал на Чарльза Уайта как на инициато-

ра преступления и согласился подтвердить свою вину перед магистратом. Из-за этого-то странного ощущения всё представлялось ему немного чудным, словно китайскому путешественнику. Совершались какие-то непонятные судебные действия с его участием, однако Джек в них не вникал. Он просто не мог заставить себя слушать человека в парике, стоящего на балконе. Гораздо интереснее было происходящее внизу.

В силу семейных связей с ирландцами Джек знал, что на их языке Дублин зовётся Байле-Аха-Клиах. «Байле» звучит похоже на «Бейли»; вероятно, оба слова означают «двор». Бейлиф приводит тебя в казённый двор. На Собачьем острове в Джековом детстве тоже были дворы, обнесённые плетнём, со свиньями и свиным навозом внутри. Бывают дворы, окружённые каменной стеной с бойницами; жизнь там обычно лучше, чем на скотных дворах. У королевы есть двор. Тьфу! Королева умерла. Да здравствует король! У короля есть двор. Там полно придворных и дворян. Бывают монетные дворы, постоялые дворы, дворы для игры в мяч, задние дворы, где справляют нужду. А в некоторых дворах, например, во дворе Олд-Бейли, вершат суд над дурными людьми, которые хуже дворняг и не ко двору в

приличных местах.

Покуда Джек бесцельно размышлял о дворах, магистрат продолжал изливать с балкона реки судейской тарабарщины, после чего перешёл к длинной проповеди, обличавшей порочность Джека, его матери, отца, дедов и бабок и так до самого их прародителя, которым магистрат считал какого-то Каина. Мало что из сказанного долетало до Джековых ушей, поскольку все вокруг орали, и ничто не входило в его голову, потому что он не слушал. И без того было понятно, что говорит магистрат: Джек очень дурной человек, хуже худшего, настолько сверхъестественно и запредельно дурной, что его необходимо предать смерти самым жестоким и, следовательно, самым зрелищным образом, какой смог измыслить английский ум.

В Олд-Бейли держали человека, называемого глашатаем. Главным его достоинством был голос столь зычный, что он мог выгравировать свои слова на стекле, просто встав рядом и заорав. Время от времени его пускали в ход, чтобы унять шум. Ибо публика в этом дворе плевать хотела на магистрата, а вот глашатая уважали за громкий голос. Сейчас он вышел и завопил во всю глотку: «Слушайте! Слушайте! Слушайте! Милорды коро-

левские судьи строго повелевают и приказывают всем, под страхом тюремного заключения, соблюдать тишину во время оглашения смертного приговора». К последним слова толпа и впрямь умолкла. Разговаривали только совсем уж глухие или безмозглые пентюхи, да и тех быстро уняли соседи. Тишина в Ньюгейте — большая редкость, но то была совершенно особая тишина, заразная, как оспа.

Магистрат встал и тяжело подошёл к перилам балкона. Он явно пребывал в скверном расположении духа. Ему куда больше хотелось участвовать в коронационных торжествах, пить за здоровье короля. У всей страны праздник; удивительно, что в такой день назначили заседание суда. Как такое случилось? Некие могущественные силы запустили в гущу пирующих длинную пастушью клюку и вытащили этого магистрата за шиворот.

— Закон повелевает тебе, — проревел он, — идти туда, откуда ты пришёл, и оттуда на Тайберн-кросс, где тебя повесят за шею, но не до смерти, а засим выпотрошат и четвертуют насмерть! Насмерть! Насмерть! И да помилует Господь твою душу!

Под балконом магистрата мельтешили какие-

то тени, вероятно, те самые могущественные силы; они буквально прыгали от нетерпения, не в силах дождаться, когда можно будет лететь в Вестминстер с известием: Джек Шафто сломался под пыткой, признал свою вину и сейчас лежит, скованный, в подвале смертников! Такова была предписанная мораль нравоучительной пьесы, разыгрываемой во дворе, который походил на театр тем больше, чем дольше Джек здесь стоял. Были даже актёры без речей, изображающие войско: последние слова магистрата «И да помилует Господь твою душу» почти утонули в грохоте башмаков на лестнице внутри здания, и прежде чем публика успела даже подумать о том, чтобы учинить беспорядки, её окружила рота гвардейцев с алебардами.

Кто-то рассчитывал улестить нового короля заздравными тостами, медалями, статуями или наложницами. Однако были в Лондоне люди, считавшие, что лучший подарок в честь коронации — голова Джека Шафто на блюде. Будь Джек помоложе, он бы напрягал зрение, силясь разглядеть тех, кто прячется в тени под балконом, может быть, крикнул бы им что-нибудь дерзкое. Однако сейчас они его нисколько не занимали. По правде говоря, за последние четверть часа он

не слышал из речи магистрата ни единого слова (кроме страшного приговора). А всё из-за шума, который производил народ, стоящий с Джеком на одном клочке земли, во дворе Олд-Бейли — его люди.

Что-то с размаху опустилось Джеку на макушку. Колени подкосились, но нет, на него не напали сзади. Кто-то нахлобучил ему на голову шляпу. К тому времени, как Джек обернулся, этот кто-то уже улепётывал в скандирующую толпу от разъярённого гвардейца. Толпа ликовала, и скандировала она вот что: «Да здравствует король! Да здравствует король! Да здравствует король!»

Магистрат снова вскочил, лицо его было багровым. Он орал так, что подпрыгивал парик, но до двора не долетало ни звука. Бейлиф сорвал с Джека головной убор, бросил на землю и принялся топтать ногами, однако Джек успел разглядеть, что это было: самодельная корона с буквою V посередине. Не то чтобы Джек разбирался в буквах, но эту узнал сразу — её выжгли ему в основании большого пальца правой руки ещё в ранней юности. Так метили бродяг.

Клеймо бродяги — не бог весть какое отличие. А вот «король бродяг» — высокий титул, который и впрямь надо было заслужить; к нему Джек шёл

долго и ценою неимоверных усилий.

Тауэр
вечер 20 октября 1714

— Так близко и всё же так далеко — вы ведь об этом всё время думали? — Для человека, чьи локти связаны за спиной, Чарльз Уайт говорил с необыкновенным апломбом. Он демонстрировал путы всей комнате, словно новейший парижский фасон, ибо повернулся спиной к сэру Исааку Ньютону и тауэрским стражникам, чтобы поглядеть в окно, выходящее на Минт-стрит.

Как директор Монетного двора Ньютон мог бы затребовать себе для работы любое помещение, какое ему приглянулось, но, будучи весьма практичным директором, расположился так, чтобы не мешать монетчикам. Помещение имело примерно сорок футов в длину и делилось перегородками на две части: крохотную комнатку, сообщавшуюся через Кирпичную башню с Внутренним двором, и большую лабораторию — она же кабинет, — из которой открывался вид на Минт-стрит. Вечернее солнце било в прорехи облаков, озаряя левую щёку и плечо Уайта; ниже, на Минт-стрит, в тени казематов вдоль внешней

стены, уже воцарились сумерки. Каземат, расположенный напротив Ньютоновой лаборатории, чуть вправо, был одновременно лучшим и худшим из всех. Служил он одной-единственной цели: в нём хранился ковчег. По этой причине его круглые сутки стерегли люди, называющие себя курьерами королевы, а в последнее время — курьерами короля. Основанием для этого были эмблемы с серебристой борзой и бумажки за подписью и печатью Чарльза Уайта.

Под таким — то есть под Ньютоновым — углом зрения Чарльз Уайт не видел Минт-стрит, пока несколько минут назад стражники не втащили его в лабораторию. Теперь он явственно показывал, что доволен тем, как выглядят его отборные, прекрасно обмундированные и тяжело вооружённые курьеры, стоящие между Ньютоном и волшебным ларцом. Увидев в окне озарённого солнцем Уайта, курьеры разразились приветственными криками, возможно, не зная, что он арестован, причём по очень серьёзному обвинению.

— Государственная измена, — говорил Ньютон. Он сидел за большим, почерневшим от долгой службы столом, в той же алой мантии, в которой присутствовал сегодня на коронации. — Я

не могу найти другого слова для того, в чём вас обвиняют.

— Обвиняют?! — весело переспросил Уайт и, наконец-то оторвав взгляд от окна, повернулся к Ньютону. Закатный свет наполнял лабораторию, как лучезарный газ. Блёклые предметы, такие как стол и балки низкого потолка, стали ещё тусклее, но всё, в чем присутствовала хоть капля цвета или блеска, горело в темноте, как яркие звёзды: Ньютонова мантия, ленты-закладки в его пухлых старинных книгах, медные весы, разложенные повсюду образцы золота и серебра. — И кто же меня обвиняет?

— Джек Шафто.

— Уж не потому ли, что ему положили на грудь триста фунтов свинца?

— Я так не думаю, — отвечал Ньютон, — ибо уверен в вашей виновности. Однако ловкий адвокат действительно может заявить, что Джек Шафто с самого начала-то был ненадёжным свидетелем, а уж его признаниям, сделанным под пыткой, и вовсе верить нельзя.

Уайт, впервые с начала разговора, опешил. Уж от кого, а от Ньютона он не ждал подсказки, на чём строить свою защиту.

— Вам безразлично, что будет с Джеком, пове-

рят ему или нет… — начал он.

— Мне безразлично, был он вашей марионеткой, или вы — его, или вами обоими управлял де Жекс.

— Но вам нужно доказать, что неприкосновенность ковчега была нарушена, дабы не отвечать за его содержимое. И Джековы свидетельства, возможно, сочтут недостаточно убедительными. Вам надо, чтобы я их подтвердил.

— На новой квартире у вас будет вдоволь времени развивать эту и другие теории. — Ньютон резко встал и кивнул стражникам. Он услышал какой-то шум за окном и хотел взглянуть, что там происходит. Того же хотел и Уайт, но стражники схватили его и потащили прочь, не дав ему подойти к окну или к Ньютону. Уайт, до сей минуты хранивший надменное спокойствие, разошёлся не на шутку; он бранился, выдвигал неосуществимые требования и сыпал неисполнимыми угрозами, пока его волокли назад во внутреннюю комнату и дальше через Кирпичную башню на плац. Отсюда было уже рукой подать до домиков, где жили стражники, невольным гостем одного из которых Уайту предстояло стать.

Письмо
20 октября 1714

Чарльз Уайт, эсквайр
Тауэр
Даппе
в Клинкскую тюрьму

Мистер Даппа,

мне сообщили, что в печати появляются бесчестящие моё имя листки, афиши, памфлеты и прочая якобы за Вашим авторством. Я требую удовлетворения того рода, которое может быть получено, только если мы с Вами на короткое время сойдёмся вместе, предпочтительно в чистом поле, вдали от людей и жилья. Вы, я уверен, поняли, что сие означает.

Я не могу без ущерба для джентльменской чести покинуть Тауэр, посему вынужден просить Вас оказать мне небольшую услугу, а именно посетить меня здесь, дабы мы смогли уладить наше дело в его границах.

Осуществить нашу встречу невозмож-

но, пока Вы находитесь в тюрьме по обвинению в краже. Как Вы вспомните, я выдвинул против Вас это обвинение несколько месяцев назад, но разбирательство затянули адвокаты, нанятые Вашей пресловутой благодетельницей. Знайте же, что завтра (21 октября) я извещу магистрата, что прекращаю судебное преследование и Вас следует немедля освободить. Соответственно я жду Вас в Тауэре точно на рассвете 22-го.

По традиции, когда один джентльмен посылает другому вызов, право выбора оружия предоставляется вызванному. Вы не джентльмен и, возможно, не знаете дуэльного кодекса; в любом случае Вы вряд ли владеете искусством фехтования настолько, чтобы противостоять мне в поединке. Посему я ожидаю, что вы изберёте огнестрельное оружие с такого-то числа шагов. Если в силу статуса только что освобождённого арестанта, бедности либо цвета кожи Вам окажется невозможно раздобыть два подходящих ствола, сообщите мне, и я возьму это на себя.

Засим остаюсь, до рассвета 22-го,

Ваш преданный и покорный слуга
Чарльз Уайт, эсквайр.

Минт-стрит в Тауэре
Сумерки 20 октября 1714

«Так близко и всё же так далеко», — сказал Чарльз Уайт. Когда Исаак Ньютон спустился по лестнице в лиловые сумерки Минт-стрит, ковчег был для него ещё ближе и ещё недостижимее, чем полминуты назад. Множество людей прибыли одновременно, причём двумя отдельными группами. Первую Исаак увидел ещё из окна: человек шесть молодых дворян, верхами, ещё в коронационных плюмажах. Судя по всему, это были кавалерийские офицеры. Они окружили королевских курьеров, охраняющих дом смотрителя. Те не могли сопротивляться конным, но все в какой-то мере разделяли кураж своего капитана, поэтому выпячивали грудь, хватались за эфесы и, звучно грассируя, грозили оскорбителям судом и расправой.

Однако этот гул утих ещё до того, как Ньютон окончательно спустился на улицу, где его, вопреки обыкновению, никто не заметил. Все взгляды были устремлены на одного из верховых дворян — хорошо, но неброско одетого юношу,

молчавшего, пока курьеры Чарльза Уайта сыпали оскорблениями и хорохорились. Его первым словам предшествовала цезура; и в эту краткую минуту все услышали глухой стук башмаков. По Минт-стрит приближалась вторая группа людей.

Предводитель всадников откинул плащ и явил взорам огромный документ с красной печатью на шнурке.

— Немец покорпел над словарём! — хохотнул кто-то из курьеров.

Ближайший к нему всадник крикнул:

— Молчать! И проявляйте почтение, когда говорите о короле!

— Боже, храни короля! — начал предводитель, и все его спутники подхватили. Курьеры отозвались бессвязным гулом. Юноша сломал печать, развернул документ и прочитал: — «Да будет ведомо всем присутствующим, что я, Георг Первый, милостью Божьей король Соединённого Королевства Великобритания и прочая, сим увольняю мистера Чарльза Уайта, эсквайра, от должности капитана королевских курьеров и назначаю на его место Уильяма, графа Лоствителского».

Юноша поднял взгляд от бумаги и начал её сворачивать.

— Я — граф Лоствителский, — сообщил он

почти робко. — Я увольняю вас всех от должности, — (обводя взглядом пеших). — Люди, которых вы видите, — новые курьеры короля, и они примут ваши обязанности.

В продолжение его речи стук башмаков делался всё громче: он эхом отдавался от казематов на северном отрезке Минт-стрит, где жили монетчики. Сейчас те как раз обедали, но повскакали с мест и бросились к окнам смотреть, что происходит. Первым показался белый конь, за ним, на полкорпуса, серый. На обоих ехали всадники в мундирах Собственного его величества блекторрентского гвардейского полка. Следом маршировали пехотинцы. Даже если у старых курьеров был соблазн схватиться с новыми посреди Минт-стрит, теперь он пропал. Один за другим они затолкали шпаги обратно в ножны, сорвали значки с серыми борзыми, бросили их на мостовую и зашагали к Медной горке, обходя идущего навстречу сэра Исаака Ньютона.

— Милорд, — сказал Ньютон.

— Сэр Исаак. — Лоствител приподнял шляпу.

— Я рад, что его величество так быстро избавил Монетный двор от этих людей. Приветствую вас в Тауэре. Сегодня великий день.

— Премного благодарен. — Лоствител снова

приподнял шляпу.

— Эти люди, как вам известно, не подпускали меня к ковчегу его величества с того самого дня, как мне стало известно, что он, возможно, был вскрыт.

Говоря, Ньютон под заинтересованными взглядами новых курьеров бочком подбирался к двери в дом смотрителя.

Колонна солдат остановилась на углу улицы под Лучной башней. Второй офицер — полковник, как теперь стало видно, с деревяшкой вместо одной ноги — что-то приказал подчинённым, включив целую цепочку последствий, завершившуюся непонятными выкриками сержантов. В итоге солдаты отправились по казармам в разные части Тауэра.

Тем временем офицер на белом коне — генерал — рысью подъехал к королевским курьерам и остановился рядом с графом Лоствителским. Это был герцог Мальборо, поэтому некоторое время ушло на то, чтобы все присутствующие засвидетельствовали ему разные степени почтения. Одноногий полковник замыкал тыл; за спиной у него оставался взвод солдат, ещё не отправленных по казармам. Однако они стояли на почтительном отдалении, так что Ньютон

был единственным пешим среди конных: белое облачко над алым мазком в тёмном провале улицы.

— Милорд, — объявил Мальборо Лоствителю, — в этом здании находится принадлежащий его величеству ящик с замками, называемый ковчегом. Ковчег этот имеет чрезвычайный статус. В нём хранится свидетельство. Время от времени его вскрывают, и коллегия, избранная государем, подвергает свидетельство беспристрастному рассмотрению с целью узнать, исполнил ли директор Монетного двора его величества, — тут Мальборо позволил себе кивок в сторону Ньютона, — обязательства, взятые им при вступлении в должность. Вы видите, что испытание ковчега — дело исключительной важности, но оно имеет смысл лишь в том случае, если свидетельство, то есть его содержимое, соблюдается в неприкосновенности. Никто, заинтересованный в исходе испытания, которое состоится через девять дней, не должен приближаться к ковчегу. Такова воля короля.

— Я счастлив исполнить волю его величества, ваша светлость.

— Прекрасно, — отвечал Мальборо. — Полковник Барнс, вы ведь поможете лорду Лоствителю

в его задаче?

— С удовольствием, ваша светлость. — Одноногий полковник поворотом головы привёл взвод блекторрентских гвардейцев в движение. Солдаты встали по обе стороны двери. Минуту спустя к ним, спешившись, присоединились новые курьеры. Герцог Мальборо поворотил коня и ускакал прочь. Ньютон повернулся и ушёл назад в лабораторию.

Письмо
20 октября 1714

Даппа
клинская тюрьма
Уайту
в Тауэре

Мистер Уайт,
ваше вчерашнее послание получил.

Джентльмены не дерутся на дуэлях с рабами и не отказываются по своей воле от законной собственности, посему я, как и весь Лондон, буду расценивать Ваш вызов как отречение от доктрины рабства. Чтобы избавить мир от этой гнусной практики, потребуется множество таких отречений, как и юридических прецедентов, которых ещё предстоит добиться, но Ваше письмо продвинуло дело настолько, что я из благодарности закрываю глаза на Вашу истинную цель: совершить убийство, самоубийство либо то и другое вместе, пока Джек Кетч не наложил на Вас лапу.

Буду рад покончить с Вами завтра на рассвете. Вы правильно угадали, что я предпочту огнестрельное оружие, но вновь недооценили меня, предположив, будто я не сумею его добыть. Напротив, я только что написал другу, который доставит на место парный комплект стволов; в соответствии с дуэльным кодексом, я предоставлю Вам возможность выбрать один из двух.

Тюремщики идут, чтобы снять с меня цепи.

До завтра.

Данна.

Подвал смертников Ньюгейтской тюрьмы
20 октября 1714

Ньюгейт — Троянский конь, в чьём чреве заперты все безумные греки, бывшие людьми действия.

Мемуары Достонегоднейшего Джона Холла, 1708

Есть старая шутка, что Ньюгейт подобен Царству Небесному, ибо путь туда прям и узок. Её явно придумал какой-то остряк-арестант, а не свободный человек. Свободные люди приходят в Ньюгейт (с запада по Холборну, с востока — по Ньюгейт-стрит) путями извилистыми и просторными. Однако для приёма эксклюзивных гостей в Ньюгейте есть жёлоб, прямой и тесный на протяжении примерно ста шагов от загонов Олд-Бейли до юго-восточного угла тюрьмы. Это одна из священных английских общественных троп, зажатая с обеих сторон высокими стенами, ибо владельцы прилегающих участков не хотят видеть вереницы скованных узников на своём заднем дворе.

В частности, особым чистоплюйством отличались соседи по правую (если идти от суда к тюрьме) руку. Здесь, на добрых полутора акрах, расположилась Коллегия врачей. Для обычного ньюгейтского уголовника она была таинственной и пугающей. Таинственной — потому что её полностью скрывала глухая стена. Пугающей, потому что предприимчивый Джек Кетч продавал трупы снятых с виселицы бедняков в Коллегию, где их, вместо того, чтобы по-христиански предать земле, резали на части, обрекая бездомные души скитаться по земле до Судного дня.

Джека Шафто Коллегия врачей не страшила. Он знал: после того, что проделает над ним Джек Кетч, резать будет нечего. Не была она для него и загадкой. Он немного изучил это место. Сразу за стеной начинался сад, где врачи могли гулять, разминая ноги, или сидеть на скамьях, отдыхая после того, как ночь напролёт кромсали мёртвых преступников. Остальную территорию занимало большое здание, выстроенное после Пожара неким Робертом Гуком. Оно славилось башенкой, которую украшала огромная золотая пилюля. Здание смотрело в другую сторону, на Уорвик-лейн; к Ньюгейту была обращена его задняя стена. Мёртвых преступников вносили с

чёрного хода, по проулку, идущему от тюрьмы и называемому Феникс-корт.

Вчера в Олд-Бейли Джек получил редкий документ, своего рода диплом. Заботливый бейлиф пронёс бумагу по узкому прямому пути, выступая впереди Джека и его свиты — надзирателей с дубинками, и вручил её тюремному начальству. В бумаге сообщалось, что Джек успешно окончил курс в давильне и может быть переведён в подвал смертников.

Согласно здешним обычаям, свинцовый гнёт давильни заменили на железные цепи. Сейчас они лежали рядом с Джеком на досках. В подвале смертников имелись дощатые нары, позволявшие хотя бы части арестантов сидеть и лежать не на полу, а сейчас Джек был тут один. Веса цепей он не чувствовал, пока не пытался двинуться.

Однако неудобства, причиняемые цепями телу, терзали его куда меньше, чем явственный привкус насмешки во всём происходящем. Что чернила для литератора, то всегда были для Джека достойные металлы — ртуть, серебро, золото и булат.

В состав металлов входит вода, как явствует из того, что при нагревании они становятся жидкими. Но чтобы получился металл, к воде надо

добавить некую иную субстанцию. Её привносят невидимые лучи планет, которые проникают сквозь землю и смешиваются с водой, текущей в её недрах. Лучи Сатурна, самой тусклой и самой медлительной планеты, создают самый презренный из металлов — свинец. Юпитер рождает олово. Марс — железо. Венера — медь. Меркурий — ртуть, которая поэтому зовётся ещё и меркурием. Луна — серебро. Солнце — золото. Вот почему алчные испанцы в своих завоеваниях никогда сильно не удалялись от экватора, где солнечные лучи, падая прямее всего, производят самые богатые залежи драгоценного металла.

Как знает даже самый невежественный рудокоп, низкие металлы постоянно преобразуются в благородные посредством тёмного вегетативного процесса, идущего в земных недрах. Свинцовая залежь за много столетий созреет в серебряную, серебро со временем станет золотом.

Много лет Джек славился и гордился своим предполагаемым сходством с ртутью, этим мерцающим подвижным духом. Как объяснил ему учёный знакомец по имени Енох, Меркурий (планета) ближе всех к Солнцу и мчится с бешеной скоростью, не сгорая. Джеку нравилось видеть в этом описании себя и Короля-Солнце. Говоря

словами алхимиков, «как наверху, так и внизу; как внизу, так и наверху». Пусть Джек рождён на дне общества, из самого презираемого вещества, со временем он стал тем, кого молва связывает с ртутью и золотом.

Тем обиднее было, что с первого дня в Ньюгейте его движения сковывали подлейшие из металлов, субстанции, начисто лишённые ртутного духа. Оставалось кое-как утешаться мыслью, что он перешёл от свинца (в давильне) к железу (в подвале смертников) — маленький, но неоспоримый шажок вверх по лестнице.

Алхимические раздумья Джека грубо прервал сдавленный хрип. Кто-то вошёл в подвал смертников и, судя по звукам, подавился собственным языком. Очень странно. Свободные люди довольно часто платили тюремщикам за удовольствие поглазеть на приговорённых, точно так же, как в Бедлам ходили смотреть на буйнопомешанных, но на время пребывания Джека эту забаву прекратили, потому что Айк Ньютон боялся побега. Значит, хрипун здесь по особому разрешению. Джек повернул голову — осторожно, потому что внутренняя поверхность железного ошейника была усажена острыми шипами — и не увидел ничего, кроме маленькой руки, держащей верёв-

ку. Повернувшись ещё чуть-чуть и пожертвовав частью кожи на шее, он наконец узрел мальчугана, который, стоя на цыпочках, пытался себя удавить, продев голову в петлю и подняв свободный конец верёвки над головой — рука изображала перекладину. Поняв, что Джек на него смотрит, мальчишка принялся разыгрывать фантастическую пародию на висельника: он закатывал глаза, хватался свободной рукой за верёвку и выплясывал по подвалу смертников, как будто всё его тело содрогается в конвульсиях.

— Неплохо, — вынес вердикт Джек после серии особо впечатляющих судорог, — но я видел и лучше. Даже сам делал лучше. Когда-то я промышлял этим ремеслом, малыш.

— Каким ремеслом, Джек Шафто, Король бродяг? — спросил мальчишка, отпуская верёвку.

— Повисать на ногах у приговорённых, сбивая цены Джеку Кетчу, который требовал за быструю смерть слишком много серебра.

— Тогда ты знаешь, зачем я здесь, — сказал мальчишка.

— Понял, как только увидел удавку. Какой нынче тариф?

— Гинея.

— Ну ты плут! Разве ты не знаешь, что у меня

нет гиней?

— Все знают, да попытка не пытка.

— Молодец, хвалю. Но скажи: смеётся ли народ надо мной теперь, когда я столького добился и всё потерял?

— Нет, — отвечал мальчишка. — Тебя за это любят.

— Не может быть!

— Когда ты был Джеком-Монетчиком и летал над Лондоном в небесной колеснице вместе с папским прихвостнем, все только нос воротили, — сказал мальчишка. — А теперь, в темнице, без гроша за душой, ты снова Джек-Бродяга, и все говорят: он наш!

— Значит, когда меня короновали в суде заодно с королём в Вестминстере, это была не издёвка, — проговорил Джек.

— Люди чокаются кружками с пивом и говорят: «Да здравствует король!» не про немца Георга.

— Знаешь, третьего дня в давильне дух папского прихвостня, как ты его называешь, сказал мне проповедь о гордости. И я вспомнил Амстердам, 1685 год, когда должен был выбирать из двух возможностей. Первая: отправиться в большой мир, стать дельцом и заработать кучу денег, всё — чтобы некая дама поверила, что я не

хуже неё. Вторая: похерить это дело, плюнуть на деньги, остаться в Амстердаме нищим бродягой, каким я был всегда, и пойти к упомянутой даме на содержание.

— И что же ты выбрал? — спросил мальчишка.

— Немудрено, что ты спрашиваешь. Как знает весь Лондон, я побывал воротилой, Джеком-Монетчиком, и бродягой, каким ты видишь меня сейчас. Ответ: я отправился на поиски счастья. Потерял всё. Добыл состояние, которого не искал. Потерял его. Вернул. Снова потерял. Добыл новое… история несколько однообразная.

— Да, я заметил.

— И вот я пришёл к тому, с чего начал, более того, понимаю, что стою перед тем же выбором. Однако как всё изменилось! Останься я в Амстердаме, долго б она меня любила? Или скоро заскучала бы со мной? Да и я сам любил бы её? Или она надоела бы мне своей властностью и чопорностью?

Эти и другие риторические вопросы вкупе с раздумьями о неразрешимых загадках бытия лились с Джековых губ, пока он не понял, что спугнул или усыпил собеседника. Он снова был один в подвале смертников, и оставаться ему тут предстояло ещё долго. Тюремщики прибегли к

уловке, вполне действенной при всей своей грубости и очевидности. Со временем они придут и предложат более лёгкие цепи в обмен на серебро, а то и апартаменты получше в обмен на золото. Очевидно, что тот, кто сперва основательно помучился, заплатит больше. В подвале смертников стояла не такая тьма, как в давильне — свет проникал сюда с Ньюгейт-стрит через окошко высоко в стене. Однако в положенный час солнце зашло и окошко потемнело; Джек, у которого не было даже медяка, чтобы купить свечу, мог тешить себя лишь образами, хранимыми в его памяти.

Он вспоминал узкий и прямой путь. В конце проулка располагался вход, который некоторые называли вратами Януса; здесь арестанты разделялись. Женщины шли налево, мужчины — направо. Таким образом, каждый пол попадал в свой загон. Делалось это исключительно для проформы. В самом Ньюгейте мужчины и женщины могли встречаться свободно. Однако человек, пришедший в Олд-Бейли, видел строгое разделение полов и (думалось Джеку), с облегчением вздыхал, одобряя, как целомудренно тут всё устроено. По ходу судебного заседания арестантов одного за другим выводили из загонов и через несколько минут вталкивали обратно.

Счастливцы буквально дымились от только что выжженных клейм; менее везучие возвращались целыми и невредимыми, но их ждали Тайберн или Америка. После заседания всех — мужчин и женщин, заклеймлённых и приговорённых к смерти или каторге, — прогоняли через те же врата Януса и дальше жёлобом в Ньюгейтскую тюрьму. Здесь-то, в Олд-Бейли, у самых ворот, находилось место, с которого свободный человек мог посмотреть в лицо каждому проходящему арестанту.

По большей части тут собирались поимщики. Много их было и вчера, когда уводили Джека. Однако мысленно возвращаясь к той сцене, он вроде бы вспоминал, что там стояла и женщина — женщина под плотной чёрной вуалью; Джек не мог видеть её лица, но она явно хотела увидеть Джека. Он только-только начал погружаться в приятные мечтания по этому поводу, как его потревожил внезапный свет фонаря. Чья-то рука схватила Джека за плечо и принялась трясти. Он приоткрыл глаза, застонал и зажмурился. Свет поблек — фонарь направили в другую сторону. Джек полностью открыл глаза. Над ним склонился сэр Исаак Ньютон.

Виселицы на Тауэрском холме
рассвет, 22 октября 1714

Когда рассвело настолько, что стало возможным перемещаться, не держа перед собой горящие предметы, четверо сошлись у эшафота посреди Тауэрского холма. Двое пришли со стороны моря: один чернокожий, другой — рыжий коротышка с крюком вместо руки. Двое других показались из-за внешних укреплений Тауэра: оба были джентльмены, но прибыли пешком, в сопровождении нескольких стражников. За ними на расстоянии ехали человек пять конных драгун.

Сегодня казни не намечалось, и виселицы для двух джентльменов и двух моряков служили всего лишь ориентиром. Тауэрский холм был довольно обширен и по большей части представлял собой открытый плац, но кое-где его пересекали земляные укрепления, на которых гарнизон репетировал европейскую осадную войну. Чтобы дуэлянтам не блуждать, пока не рассветёт окончательно, условились встретиться у эшафота, где иногда предавали смерти знатных

узников Тауэра. Как только впереди показался помост, стражники, сопровождавшие джентльменов от ворот, отстали и дальше следовали за ними на почтительном отдалении. Юридическая сторона дела была довольно забавна. Знатным узникам не возбранялось гулять по Тауэрскому холму, естественно, под надзором стражников, следивших, чтоб арестант не сбежал и не завёл крамольных бесед с кем-нибудь из свободных. А вот дуэли, хоть и происходили довольно часто, были запрещены законом. Очевидно, Уайт заранее договорился обо всём с наместником Тауэра. Он рано утром выйдет погулять по Тауэрскому холму. Стражники на несколько минут потеряют его в тумане. Раздастся выстрел-другой. Уайта найдут живым или мёртвым. Если мёртвым, то похоронят. Если живым — отведут назад в Тауэр. В обоих случаях несложно будет представить объяснение. На гуляющих напали грабители, произошла схватка, Уайт вырвал у противника пистолет и так далее. Шито белыми нитками, но не больше, чем аналогичные истории, на которые списывали другие дуэли. Соответственно стражники держались поодаль; драгуны тем временем оцепили весь участок, чтобы Уайт не рванул в Лондон, до которого отсюда было не

больше сотни размашистых шагов.

— Где пистолеты? — осведомился Уайт.

Будь его противник и секундант противника джентльмены, он бы прежде с ними поздоровался, но морские бродяги не заслуживали лучшего приветствия.

— Пистолеты? Какие пистолеты? — спросил Даппа.

— Вы известили в письме, что сюда доставят пару дуэльных пистолетов, — отвечал Уайт, подозревая издёвку.

— Я обещал раздобыть огнестрельное оружие, — сказал Даппа, — и предоставить вам выбор из двух стволов. Если вы соблаговолите пойти со мною и капитаном ван Крюйком, я покажу вам первый.

Он шагнул в туман. Ван Крюйк посторонился, пропуская Уайта и его секунданта — молодого человека по фамилии Вудраф. Те явно не хотели подставлять ван Крюйку спину; несколько мгновений звучало: «Ну что вы, что вы» и «Только после вас», затем все трое двинулись шеренгой на расстоянии больше радиуса действия кинжала.

— Далеко это? — спросил Чарльз Уайт.

— Меньше чем в ста шагах отсюда, — отвечал Даппа.

Начался подъём: они подошли к основанию уступа, естественной трибуны, с которой лондонцы обычно взирали на повешение знатных узников. Даппа не полез в лоб, а взял правее и двинулся по свежим следам от колёс.

Следы вели к артиллерийскому орудию, установленному на лафете и развёрнутому вниз по склону. В утренних сумерках трудно было удержать в памяти направление, но вроде бы жерло указывало на берег. Рядом на земле располагались пороховой бочонок, пирамида ядер и весь необходимый инструмент: банник, прибойник и так далее.

Прежде чем Уайт успел как следует осознать увиденное, Даппа повернулся кругом и большими шагами двинулся к Темзе, считая: «Раз, два, три…»

Они приближались к следующему подъёму: части земляных укреплений под крепостной стеной. Небо просветлело, туман рассеялся; теперь Уайт и его секундант видели, что Даппа ведёт их ко второму орудию, развёрнутому в сторону первого, мрачно смотрящего с уступа на середине Тауэрского холма.

За сто шагов Уайт успел свыкнуться с идеей и даже найти её забавной.

— Где вы раздобыли пушки? — осведомился он.

— История занятная, — отвечал Даппа, — но если вы скоро умрёте, вам незачем её знать. А если умру я, то пусть это будет моя месть: оставить вас в неведении. Кстати, строго говоря, они не пушки, а единороги или гаубицы. У пушки ствол длиннее, а сама она более тяжёлая. Она стреляет тяжёлыми ядрами на большое расстояние, чтобы крушить стены. Гаубица — нечто вроде горизонтальной мортиры, в ней используется меньший заряд. Я решил, что для дуэли она удобнее. Пушечные ядра в случае промаха долетали бы до города. Гранаты легче и будут падать недалеко от орудия.

— Как они могут быть легче, если сделаны из того же материала? — спросил Вудраф, очевидно, изучавший натурфилософию.

— Они, как видите, полые. — Даппа без особого усилия поднял шестидюймовый снаряд и развернул, показывая высверленное отверстие с пучком серых нитей, меридианами расходящихся на всё полушарие. — Полые, чтобы их можно было начинить порохом. Иначе мы бы провели тут целый день, дожидаясь удачного попадания. Гранаты взрываются и убивают всё на несколько

ярдов вокруг.

— Ясно. Очень практично, — проговорил Вудраф не вполне уверенным голосом; видимо, он обдумывал последствия для себя лично. Ван Крюйк наблюдал за ним с нескрываемым ехидством.

— Не торопитесь, можете осмотреть гранаты, гаубицы и что ещё вам угодно. Уверяю вас, всё совершенно одинаковое.

— Нет надобности, — отвечал Уайт, — и времени у нас мало. Вполне очевидно, что более выгодная позиция — более высокая. — Он кивнул на первую гаубицу. — Поэтому вы ждёте, что я выберу её, и если одна гаубица с дефектом, вы поставили её туда. Я выбираю эту; получайте свою более высокую позицию.

— Хорошо, — сказал Даппа. — Идёмте на середину?

Они встали спина к спине на поле, каждый лицом к той пушке, которую ему скоро предстояло зарядить. Секунданты, отойдя в сторону, следили за соблюдением всех правил и формальностей.

— Превосходно, — проговорил Уайт. — Там я победил Ньютона и вигов, ибо испытание ковчега он точно не выдержит. Здесь я одержу победу над вами или погибну — и то и другое меня

устраивает.

— Раз, — сказал Даппа и шагнул прочь, главным образом для того, чтобы остановить словоизлияния.

— Отлично. Раз. — Уайт тоже сделал шаг. Они принялись считать в унисон и примерно на числе «сорок» (поскольку шагали очень широко) оказались рядом с гаубицами. Тут оба отбросили деланную невозмутимость и принялись заряжать орудия.

Уайту в этом помогал секундант, Даппе — нет. Ван Крюйк стоял спиной к гаубице, как будто вышел на утренний променад и теперь любуется видом Лондонской гавани с Тауэрского холма. Когда Даппа злобно свернул глазами, голландец облизнул крюк и поднял его, определяя направление ветра, за что немедля получил тычок в спину.

— Довольно!

— Глянь, как они суетятся, — отвечал ван Крюйк. — Они сами не понимают, что делают.

— Это меня и тревожит.

— В Каире ты был куда спокойнее, — напомнил ван Крюйк, — а я тебя понукал.

— В Каире мне нечего было терять! — восклик-

нул Даппа. Он откатил пороховой бочонок на безопасное расстояние от гаубицы и поддел кинжалом затычку. — Уайт с Вудрафом свой бочонок отодвинули?

— Ну вот. Теперь ты хочешь, чтобы я сообщил тебе результаты своих наблюдений.

— Ты мог бы наблюдать за противником и одновременно делать что-нибудь полезное.

— Отлично. — Ван Крюйк вразвалку обошёл гаубицу, посмотрел на ствол, затем перенёс взгляд на цель. — Да. Они отодвинули бочонок, но не так далеко, как следовало бы. — Он поднял камень и, словно молотком, забил им подъёмный клин под казённую часть орудия. — Как ты думаешь, надо внести поправку на вращение Земли?

Даппа демонстративно не поддался на провокацию. Он совком на длинной ручке набрал пороха и теперь закладывал его в гаубицу. Диаметр совка был заметно меньше, чем диаметр дульного отверстия.

— Вот на этом шаге они скорее всего ошибутся, — задумчиво проговорил Даппа, силясь затолкать совок в узкую зарядную камору. — Надеюсь, что они набьют пороха от души и взлетят на воздух!

— Это было бы неспортивно, — упрекнул его

товарищ, крюком соскребая окалину с запального отверстия. Гранату он взять не мог — для этого нужны были обе руки. Даппа заложил её в жерло и принялся вталкивать прибойником, не переставая внимательно поглядывать на второе орудие.

— Вот к чему привела твоя медлительность! — воскликнул он. Они с ван Крюйком оба видели, как Уайт, ухмыляясь, подносит фитиль к запальному отверстию заряженной и нацеленной гаубицы.

Облако пламени размером с приходскую церковь заслонило противников, затем погасло и превратилось в дым.

— А вот к чему привела их торопливость, — заметил ван Крюйк.

Как понимали и он, и Даппа, Уайт с Вудрафом не рассчитали заряд. Сила огня раздавила снаряд в дуле, выбросив облако пороха, который (на везенье стрелявших) по большей части сгорел уже в воздухе.

Теперь оставалось только ждать, пока дым рассеется. Как только взглядам вновь предстали Уайт и Вудраф (оглушенные и сильно опалённые), ван Крюйк поднёс фитиль к запальному отверстию. Гаубица выстрелила, как положено;

долю секунды они видели летящую гранату. Она разбилась о каменную крепостную стену и не взорвалась, а осыпала Уайта с Вудрафом осколками и порохом. Те едва ли заметили, поскольку наконец пришли в себя и занялись гаубицей.

— Вот сейчас они себя взорвут, — предположил Даппа, обмакивая банник в ведро.

— Отнюдь. Они нашли воду, которую ты им заботливо оставил, и банят свою гаубицу в точности, как мы нашу. Однако у нас преимущество — мы уже начали пристреливаться, а они — нет. — Ван Крюйк забил клин чуть глубже и ногой толкнул одно из колёс лафета, поправляя азимут. Даппа перезаряжал. Покончив с этим, он захотел поскорее выстрелить, но ван Крюйк стоял перед жерлом и набивал туда палки, сухую траву, листья и прочий мусор, так что в конце концов гаубица стала похожа на бронзовую вазу с увядшим букетом. Даппа угрожающе помахивал фитилём над запальным отверстием, делая вид, будто сейчас подожжёт; но ван Крюйк так увлёкся, что ничего не замечал. Он даже не поднял голову, когда вторая граната из Уайтовой гаубицы просвистела у него над плечом и зарылась в земляной склон. Однако он видел, куда она попала, и указал на неё Даппе. Тот поплевал на пальцы,

сунул руку в пещеру, пробитую снарядом, вытащил тлеющий запал и, чертыхаясь, бросил его на землю. Ван Крюйк наконец отошёл от дула, крюком подцепил черпак воды из ведра и залил шипящий и пыхающий запал. Даппа тем временем произвёл второй выстрел: граната попала в основание вала за спинами Уайта и Вудрафа, ярдах в двух правее. Вместо того чтобы зарыться в землю, она подскочила вертикально вверх и пропала. Через несколько секунд, очевидно, достигнув апогея и начав падение, она взорвалась футах в десяти над землёй, не очень далеко от Уайта и Вудрафа. Однако те приметили её подъём и спуск (что было видно по их яростным жестам), поэтому успели отбежать и броситься на землю. Оба не пострадали.

Ван Крюйк был вне себя.

— Мне хочется подойти и продырявить Уайту черепушку, — сказал он.

— Почему? Это моя дуэль, а не твоя, — заметил Даппа, вновь принимаясь за гаубицу.

Ван Крйк начал сгребать веточки и травинки, не собранные в первый раз.

— Как секундант я должен остановить твоего противника, если он попытается сбежать. Уайт бежал.

— Случай спорный, — возразил Даппа. — Капитан не должен бросаться ничком на палубу, когда по его кораблю дают бортовой залп, но когда рядом падает граната, он не обязан стоять и ждать, пока она взорвётся.

— Хм, — промычал ван Крйк и вновь принялся набивать дуло мусором; на сей раз он для пущего эффекта сорвал с головы каштановый парик и затолкал его следом. Третья граната пронеслась мимо. Теперь Уайт и Вудраф положили ещё меньше пороха, так что она ударилась о землю, описала в воздухе мёртвую петлю и упала прямо перед Даппой: чёрный дымящий шар с тлеющим запалом. Снаряд покатился под уклон, но недостаточно быстро.

Даппа попытался ускорить его пинком, промахнулся, снова занёс ногу и толкнул гранату изо всех сил. В следующий миг он развернулся и плашмя упал на землю. Ван Крйк тем временем повернулся спиной к гранате и обнял пороховой бочонок, плащом заслоняя его от искр. Граната, подпрыгивая, катилась по склону; через три секунды она взорвалась.

Мгновение спустя громыхнуло во второй раз: видимо, отлетевшая искра воспламенила порох в запальном отверстии гаубицы, произведя преж-

девременный выстрел. Даппа и ван Крйк не сразу поднялись на ноги: обоих ранило осколками и отлетевшими камешками, оба были слегка оглушены. Они видели, как их граната взорвалась над Темзой.

Взрыв Уайтовой гранаты сбил прицел их гаубицы. Однако полоса горящих веточек и листьев огненной дорожкой протянулась вниз по склону, а Вудраф яростно пинал нечто, исходящее густым дымом и упорно липшее к его ноге — парик. Уайт тем временем готовился перезарядить орудие.

Вот тут-то они и перестали существовать. Крепостную стену скрыл от ван Крйка и Даппы огненный шар, в котором кружились безобразные чёрные клочья. Оба вновь бросились на землю. Сверху пошёл раскалённый дождь. Они вскочили и принялись быстро увеличивать расстояние между собой и боеприпасами. Путь их лежал мимо эшафота, который сейчас украшали простёртые тела стражников. Снизу донеслось дробное бабах — взорвались гранаты Уайта. По этому сигналу Даппа и ван Крйк в бодром темпе направились к реке. Если бы кто-нибудь из стражников поднял голову, то увидел бы, как они исчезли в штормовом фронте дыма, скрывшего всю нижнюю часть Тауэрского холма.

Впрочем, внутри этой дымовой завесы видеть было можно, пусть и на небольшое расстояние. Даппа и ван Крйк остановились или по крайней мере замедлили шаг там, где ещё недавно стояли Уайт и Вудраф. Ничего похожего на трупы не наблюдалось, хоть Даппа и уверял, что споткнулся о чей-то хребет.

— Невероятно, — задумчиво проговорил ван Крйк. Он разглядывал что-то на выжженной земле, поочередно указывая крюком, как пальцем, на какие-то мелкие предметы. — Раз, два, три, четыре, *пять*! Раз, два, три, четыре, *пять*!

— Что такое?

— Слишком много ушей! — воскликнул ван Крйк.

Даппа подошёл и тоже наклонился. Ушей и впрямь было пять: четыре сморщенных в одной стороне, а чуть поодаль — свежее, окровавленное.

— Это я объяснить могу, — Даппа башмаком подгрёб немного земли, чтобы присыпать сморщенные уши, — но чуть позже. Давай поскорее вернёмся на корабль. Сейчас сюда сбегутся стражники и драгуны.

— Они наверняка перепуганы до полусмерти.

— Согласен; и всё равно мне не терпится к себе

на корабль.

Даппа и Ван Крйк по-прежнему мало что видели за туманом, но они двинулись вниз с холма, а это, как известно, самый верный способ отыскать океан.

— Надеюсь, следует понимать, что ты наконец бросил своё глупое писательство, которым так всем надоел.

— Я выпустил своё ядро и не спешу перезаряжать. Впрочем, как литератор я остаюсь преданным рабом Музы и всегда готов исполнить её веления.

— Тогда лучше нам и впрямь побыстрее добраться до корабля, — сказал ван Крйк, прибавляя шаг. — Надо поднять паруса и выйти в море, где этой ведьме до тебя не добраться.

«Замок» Ньюгейтской тюрьмы 23 октября 1714

Удивительно, как много могут изменить какие-то двадцать футов: ровно столько отделяло кровать с балдахином от середины давильни сразу за дальней стеной Джековых апартаментов. Несколько дней назад он лежал голый на каменном полу, прижатый ящиком со свинцом, теперь, в чистой ночной рубашке, отдыхал на перине из гусиного пуха.

Месяц или два назад Джек без труда получил бы всю эту роскошь в обмен на деньги. Однако теперь средств не осталось: то, что не издержал сам Джек, захватил или сделал недоступным его беспощадный преследователь, сэр Исаак Ньютон.

Не существовало фиксированной платы за апартаменты в «замке»; смотритель тюрьмы применял гибкую шкалу в зависимости от статуса узника. Герцог — скажем, мятежный шотландский лорд — при поступлении в тюрьму вносил пятьсот гиней, только чтобы не попасть на «бедную сторону». Дальше он должен был еженедельно платить тюремщикам марку, то есть

тридцать с чем-то шиллингов, за право оставаться в приличной комнате.

Джеку через неделю предстояло умереть, и плата за квартиру для него должна была составлять меньше фунта. Иное дело вступительный взнос. С незнатного, но состоятельного горожанина брали куда скромнее, чем с герцога — положим, двадцать фунтов. Сколько же в таком случае должен внести Джек? Одни сказали бы, что он ниже состоятельного горожанина и должен платить меньше двадцати фунтов стерлингов. Другие (в том числе, вероятно, ньюгейтские тюремщики) возразили бы, что в определённом смысле Джек выше герцога, и требовать с него надо, как с короля.

Как ни кинь, выходило, что Джек не мог выйти из подвала смертников меньше чем за несколько сотен фунтов. Такой суммой не располагал ни он, ни его оставшиеся на свободе друзья. Откуда же взялись деньги?

Ни о чём таком они вчера с сэром Айком не договаривались. Ньютон требовал, чтобы Джек продиктовал письменное показание под присягой, согласно которому в Клеркенуэллском владении покойного Роджера Комстока действует подпольный монетный двор вигов. Ньютон

чуть ли не до рассвета нудно репетировал с ним речь, а наутро Джек отбарабанил её перед писарем и шеренгой оторопелых чиновников. Однако Ньютон не предложил перевести Джека в «замок», а Джек не стал просить: он чувствовал, что Ньютон стеснён в средствах. За свои слова Джек получал другое: смягчение наказания — по меньшей мере до обычного (и быстрого) повешения, а то и до штрафа, который не сможет выплатить, так что проживёт остаток дней на «долговой стороне» Ньюгейта.

Нет, Джека перевёл сюда кто-то другой — кто-то при больших деньгах. Ещё один шажок к вере, о которой вещал де Жекс. У Джека ничего нет, но о нём пекутся. Это уязвляло его гордость, но куда меньше много другого, что он мог бы перечислить.

Вряд ли благодетельница (Джек позволял себе думать, что о нём печётся особа женского пола) хочет всего лишь облегчить его последние дни на земле. Приятнее было воображать, что она таким образом что-то хочет ему сказать. Что именно — Джек, сколько ни бился, расшифровать не мог и решил оставить задачу до новых подсказок.

Теперь он половину времени думал об Элизе, половину — ругал себя за то, что о ней думает. С

другой стороны, Джек вынужден был признать, что большой беды в этом нет. Любовь уже не могла, как прежде, толкнуть его на ложный путь. Он зашёл по ложному пути дальше кого-либо из живущих. Он на полюсе. Ван Крйк как-то объяснил ему, что если дойти до Южного полюса, запад, восток и юг перестают существовать; везде, куда ни повернись, будет север. В таком же положении находился сейчас Джек.

Клеркенуэлл-корт
утро 23 октября 1714

Роджер уж как-нибудь да узнал бы о предстоящем обыске. Роджер выставил бы оборону — нет, не так, он бы встретил Исаака Ньютона, графа Лоствителского и королевских курьеров кофием с горячими булочками и превратил налёт на Двор технологических искусств в познавательный осмотр для узкого круга приглашённых.

Однако Даниель был не Роджер, поэтому к его появлению обыск шёл уже два часа. При лучшей организации всё бы закончилось раньше. Однако заинтересованность в деле проявили несколько ведомств, так что подготовка оказалась разом чрезмерной и недостаточной. Очевидно, прошли заседания. Молодые светлые головы выступили, наметили основные пункты, их слова были занесены в протокол. Кто-то предположил, что двери склепа придётся ломать. Составили реестр необходимого снаряжения: петарды, лебёдки, воловьи упряжки. Накладки происходили одна за другой. Никто не пришёл в назначенное время. Важные люди, вместо того, чтобы посмеяться над

нелепостью происходящего, упрямились либо возмущались. Солдаты в ожидании приказов ловили мух и оторопело качали головами.

Примерно это Даниель и увидел, когда часов в девять утра подошёл к Двору технологических искусств. Подошёл, потому что из-за обыска и его нечаянных последствий движение на Коппис-роу встало. Даниель вынужден был бросить портшез и последние четверть мили пройти пешком. В каком-то смысле так было даже лучше: выскочи он из портшеза в самой гуще событий, важные люди сразу захотели бы с ним побеседовать. Теперь же Даниель оказался на месте, не привлекая ничьего внимания.

За одним исключением: по пути он миновал стоящую в заторе карету герцогини Аркашон-Йглмской.

— Едете посмотреть на то, что сталось с вашими капиталовложениями? — спросил Даниель, проходя мимо. Сторонний наблюдатель решил бы, что он разговаривает сам с собой.

Изнутри донеслось шуршание бумаг — видимо, герцогиня читала почту.

— Доброе утро, доктор Уотерхауз. Можно заглянуть к вам через несколько минут?

— Я приглашаю вас подняться в пустую кварти-

ру над часовой лавкой, — крикнул Даниель через плечо. — Считайте её персональной ложей, из которой вы будете наблюдать комедию ошибок.

Через минуту Даниель прошёл через боковую калитку и оказался посреди двора раньше, чем кто-либо его заметил. Теперь все желали знать, как давно он здесь находится.

— Доктор Уотерхауз! — воскликнул граф Лоствителский. — Как давно вы здесь?

— Изрядное время, — отвечал Даниель, стараясь, чтобы голос его прозвучал зловеще.

— Я несколько огорчен, — начал граф. Даниель рассердился было, потом сообразил, что граф как человек благовоспитанный сглаживает всё почти до утраты смысла. На самом деле он хотел сказать, что очень сожалеет. Даниель попытался ответить в той же манере:

— Вероятно, вы почувствовали некоторую неловкость.

— Ничуть, — отвечал граф, имея в виду: «Мне хотелось сквозь землю провалиться».

— Дело в какой-то степени щепетильное, — продолжал Даниель. — Разумеется, ваш долг офицера превыше всего. Я вижу, что вы прекрасно его исполняете.

— Боже, храни короля, — откликнулся граф.

По-видимому, это означало: «Вы всё правильно поняли, спасибо, что не держите на меня зла».

— …храни короля, — кивнул Даниель, подразумевая: «не стоит благодарности».

— Сэр Исаак… внизу, — сообщил граф, указывая взглядом на ворота крипты. Они были открыты и, насколько Даниель мог видеть, не взломаны.

— Как вы их открыли? — спросил он.

— Мы стояли и обсуждали, как их взломать, потом пришёл огромного роста человек и отпер замки.

Даниель откланялся и зашагал к воротам, не обращая внимания на двух высокопоставленных господ, которые его приметили и теперь хотели знать, как давно он здесь находится.

— Как давно вы здесь? — спросил сэр Исаак Ньютон.

Гробница тамплиеров являла собой пузырь тёплого дыма, столько внесли сюда фонарей и свеч. Пар от них и от дыхания полудюжины рабочих, орудующих лопатами, конденсируясь на холодном камне и меди саркофагов, струйками сбегал на землю.

— Изрядное время, — буркнул Даниель. У него было много оснований для недовольства, но сильнее всего раздражало, что Исаак, умеющий

быть таким интересным, ввязавшись в низкие житейские дрязги, сделался настолько банален.

Даниелю пришлось напомнить себе, что этот повод досадовать — самый эфемерный.

— Всё из-за дуэли на пушках, третьего дня на Тауэрском холме? — предположил он.

— Из-за неё и побега младших Шафто, — признал Исаак. — Мои свидетели имеют свойство исчезать, когда они больше всего нужны. Остался только Джек.

— Вы напрасно тревожите покой бедных храмовников, — сказал Даниель. — Вам должно быть очевидно, что тут уже ничего нет.

— Конечно, — ответил Исаак, — но в дело замешаны другие силы, и они не так быстро замечают очевидное, как вы и я.

Это прозвучало почти комплиментом: Исаак на мгновение поднял Даниеля до себя. Тот в первое мгновение поддался на лесть, потом насторожился.

— Благодарить надо Уайта, — продолжал Исаак. — Думаю, он хотел умереть — уйти от правосудия. Однако Уайт не предвидел, как именно он погибнет, и это обернулось мне на пользу.

— Вы хотите сказать, потому что вызвало у нового правительства приступ паники?

Вместо ответа Исаак развёл руками и кивнул на распаренных землекопов.

— Когда им, как мне, надоест переворачивать вверх дном этот двор, они перейдут в Брайдуэлл, а если и там ничего не найдут, то дальше по следу в Английский банк.

Даниель знал, что у фразы есть продолжение, которое незачем было произносить вслух: «Если вы не уступите мне немного того, что я хочу». В тот миг он готов был ринуться в банк и взять немного Соломонова золота для старого друга. Почему бы и нет? Соломон Коган заметит недостачу, Пётр Великий разгневается, но всё наверняка как-нибудь удастся уладить.

И тут Исаак заговорил:

— Утверждают, что какой-то безумный старик напоил толпу допьяна и рассказывал ей сказки про спрятанное золото, чтобы Шафто смогли незаметно выбраться из Флитской тюрьмы.

Это всё испортило. Даниель вспомнил, почему надо держать у себя всё Соломоново золото до последней крупицы: потому что люди к нему стремятся и оно даёт власть, которая ещё может Даниелю понадобиться. И ещё он вспомнил, как нелеп весь алхимический взгляд на мир. Посему Даниель ничего больше не сказал про Соломо-

ново золото, но простился с Исааком и вышел наружу. Через минуту он был уже с герцогиней Аркашон-Йглмской в пустом помещении над бывшим Двором технологических искусств.

— Вам не следовало оставлять меня тут в одиночестве, — сказала она.

Почему-то у Даниеля не создалось впечатления, что его упрекают в нарушении светских условностей.

— Ваша светлость?

Она стояла у окна, выходящего во двор, и говорила с Даниелем через плечо. Он подошёл и встал рядом, но чуть в сторонке, чтобы суетящиеся внизу чиновники не увидели их вместе в одном окне.

— Что-то меня смущало в этих капиталовложениях с тех самых пор, как я на них согласилась, — продолжала она.

Если бы те же слова были произнесены в сердцах, Даниель, наверное, повернулся бы и бежал до самого Массачусетса. Однако Элиза говорила озадаченно и немного рассеянно, с тенью улыбки на губах.

Она объяснила:

— Сейчас, глядя в окно, я всё поняла. Когда я последний раз видела ваш Двор технологических

искусств, это был базар ума. Множество изобретателей, каждый в своём закутке, при своём деле, и все обмениваются мыслями по пути в нужник или за чашкой кофе. Вроде бы всё замечательно, да? И поскольку мне любопытны те же вопросы, я позволила себе обмануться… да, я признаю, что сама виновата! И всё же, несмотря на самообман, внутренний голос нашёптывал мне, что, по сути, это неразумное вложение. Сегодня я приезжаю сюда и вижу, что ничего нет. Изобретатели собрали вещи и ушли. Остались земля и здания. За них ваши инвесторы переплатили. Здесь будут обычные торговые ряды. Цена им — такая же, как зданиям справа и слева.

— Что до цены недвижимости, я согласен, — сказал Даниель. — Значит ли это, что вы и Роджер неудачно вложили деньги?

— Да. — Элиза снова улыбнулась. — Именно так.

— В приходных книгах, возможно, и так…

— О, поверьте мне, да.

— Но ведь Роджер не сводил всё к одной лишь финансовой выгоде, верно? Он преследовал и другие цели.

— Совершенно верно, — подтвердила Элиза. — Вы меня неправильно поняли. У меня тоже есть

много целей, которые нельзя оценить в деньгах и записать в приходную книгу. Однако я всегда стараюсь мысленно отделять их от проектов, разумных с точки зрения *всякого* инвестора. В случае Двора технологических искусств я допустила ошибку: смешала одно с другим. Вот и всё. Думаю, собственность на ртутный дух, циркулирующий в умах изобретателей и философов, вообще невозможна. С тем же успехом можно собрать в ведро электрическую жидкость мистера Хоксби.

— Так это бесполезно?

— Что бесполезно, доктор Уотерхауз?

— Поддерживать такие проекты.

— О нет. Не бесполезно. Думаю, такое возможно. Первый раз я допустила ошибку, вот и всё.

— Будет ли второй?

Молчание. Даниель сделал новый заход:

— Итак, каков заключительный баланс? Мне надо знать, поскольку я занимаюсь наследством Роджера.

— А. Вы хотите знать, сколько это стоит?

— Да. Спасибо, ваша светлость.

— Ровно столько же, сколько соседнее здание. Вы можете, конечно, заявить претензии на денежную стоимость сделанных здесь изобретений.

Например, если через полгода часовщик, работавший у вас, построит часы, которые выиграют премию за нахождение долготы, то наследники Роджера могут затребовать себе часть денег. Но это будет обречённая затея, и обогатит она только адвокатов.

— Хорошо. Это мы спишем. А что насчёт логической машины?…

— Я слышала, что картонабивочные органы вывезли из Брайдуэлла и бросили в реку.

— Да, я проследил, чтобы в Брайдуэлле ничего не осталось.

— А сами карты?

— Скоро отправятся в Ганновер, а оттуда в Санкт-Петербург, в царскую Академию наук.

— Значит, они никак не влияют на итог. Про что вы меня в таком случае спрашиваете?

В каком-то смысле Даниеля отталкивала беспощадность финансового анализа. Отталкивала и в то же время зачаровывала. Чем-то их беседа походила на вивисекцию: жуткую, но интересную ровно настолько, чтобы не развернуться на каблуках и не сбежать в ближайший питейным дом.

— Наверное, я спрашиваю про всю структуру идей, придающих картам логической машины

их ценность.

— Ценность?

— Ладно, скажу иначе. Не ценность. Способность производить вычисления.

— Вы спрашиваете, сколько стоят эти идеи?

— Да.

— Зависит от того, как скоро удастся создать настоящую логическую машину. Вы ведь её не сделали?

— Не сделали, — признал Даниель. — Мы многому научились, пока строили картонабивочные орг*а*ны…

— «Мы» означает… — Элиза кивнула на пустые мастерские за окном, где сейчас хозяйничали солдаты.

— Ладно, — проговорил Даниель, — «нас» больше нет. «Мы» рассеялись, и собрать «нас» снова будет непросто.

— А ваши органы на дне реки.

— Да.

— У вас есть чертежи? Схемы?

— По большей части у нас в голове.

— Тогда вот что бы я сказала, — начала Элиза, — если бы подводила баланс. Идеи очень хороши. Качество работы превосходно. Однако это идеи Лейбница, они устоят либо рухнут вместе с ним

и его репутацией. Сейчас его репутация в глазах Ганноверов, правящего дома этой страны, очень низка. Каролина любит доктора и пыталась помирить его с сэром Исааком, но ничего не вышло. Даже став королевой, она мало что сможет изменить — настолько несовместимы идеи Лейбница с идеями Ньютона. Иное дело, будь идеи Лейбница полезны практически, но пока нет и этого, а идеи Ньютона полезны уже сейчас. Логическую машину, вероятно, построят не скоро — может, лет через сто или даже больше. И до тех пор всё это не будет стоить ничего.

— Хм. Труд моей жизни не стоит ничего. Горько слышать.

— Я всего лишь говорю, что сейчас вам никто за него не заплатит. Однако великий монарх на Востоке охотно поддерживал ваши исследования. Пошлите ему всё. Золотые карты, ваши записки и чертежи, то, что прислал Енох Роот из Бостона — пусть всё отправится на Восток, где хоть один человек это ценит.

— Хорошо. Я как раз этим занимаюсь.

Элиза отвернулась от окна и очень внимательно оглядела Даниеля Уотерхауза. Только что она загнала его в угол. Сейчас ей в голову пришла какая-то мысль: неожиданная и явно неприятная.

— Вам кажется, будто это всё? Когда вы, Даниель, говорите о труде своей жизни, вы включаете в него только работу над логической машиной.

Даниель показал пустые ладони.

— А что же ещё?

— По меньшей мере есть ваш сын Годфри, которого вы должны дальше воспитывать! Один ребёнок в Бостоне сегодня — миллионы потомков в будущем.

— Да, но каких, в какого рода государстве?

— А вот это уж зависит от вас. А если оставить в стороне Годфри — вспомните, что вы совершили за последний год, с тех пор, как получили письмо от принцессы Каролины!

— Я помню только бессмысленную суету.

— Вы многое сделали для своей страны. Для машины мистера Ньюкомена. Для отмены рабства. Для Ньютона и Лейбница, хотя они оба, возможно, не ценят ваших усилий.

— Как я уже сказал, мне всё кажется бессмысленной суетой. Однако вы дали мне пищу для размышлений: мысли, которые я смогу пережевывать до конца жизни.

— Не надо их пережевывать! Извлеките суть! Поймите, как много вы сделали.

— Подбивая свои итоги, нашли ли вы хоть что-

нибудь ценное? — спросил Даниель.

— О да, — отвечала Элиза. — Машина для подъёма воды посредством огня более чем покроет убытки, на которые я жаловалась.

— Мне не показалось, что вы жалуетесь. Скорее констатируете факты, — сказал Даниель.

— Я постоянно теряю деньги, — заверила она. — Я довольно много издержала на борьбу с рабством — а этот проект только начался. Для того чтобы уничтожить рабство, потребуется по крайней мере столько же времени, сколько для создания настоящей логической машины. На сей счёт я не обольщаюсь.

— То есть моё положение не хуже вашего? Спасибо, вы меня утешили. И каков же ваш следующий проект, если позволено спросить?

— Касательно данных капиталовложений? Списать убытки, продать всё бесполезное и удвоить инвестиции в то, что действительно работает: машину для подъёма воды.

— Ваше изложение дела внушает оптимизм, — сказал Даниель, почему-то чувствуя себя совершенно успокоенным. — А если машина заработает, она поможет вашей цели, уменьшив потребность в рабском труде…

— И вашей, — добавила Элиза, — предоставив

движущую силу для логической машины. Теперь вы начинаете понимать.

— Как любил говаривать Роджер: «Хорошо быть обучаемым».

— Отлично! — Элиза хлопнула в ладоши. — Однако нам следует заняться некоторыми частностями, пока мы не ушли с головой в наши великие планы, верно?

— Надо уберечь карты от таких вот людей. — Даниель кивнул на представителей власти, хозяйничающих во дворе.

— Само собой. Но я думала о пятнице.

— В пятницу предстоят два события: испытание ковчега и казнь на Тайберне, — напомнил Даниель. — Какое из них вы имели в виду?

На лице Элизы вновь мелькнула горькая полуулыбка.

— Оба, ибо они теперь одно.

— Значит, мы с вами пришли к одинаковому заключению, — сказал Даниель. — Всё решается между Исааком и Джеком. Джек почти наверняка подбросил в ковчег порченые монеты. Если он даст показания, то Исаак оправдан, а денежная система — вне подозрений.

— Можно ли как-нибудь спасти Ньютона и денежную систему без показаний со стороны

Джека?

— Не проще ли убедить Джека дать показания? Дополнительный выигрыш: если Джек согласится на сделку, его не казнят.

— Допущение весьма сомнительное, — заметила Элиза. — И в любом случае я не хочу, чтобы он заключал сделку. Я хочу, чтобы в пятницу его казнили.

Даниель был настолько ошеломлён, что продолжал говорить: так человек, которому прострелили голову, делает шаг-другой, прежде чем упасть.

— Э… даже если таково ваше желание… почему бы не заключить сделку, чтоб его хотя бы повесили без мучений?

— Я хочу, — твёрдо произнесла Элиза, — чтобы в пятницу Джека Шафто казнили согласно изначальному приговору.

— Так… — Даниель заморгал и затряс головой, не в силах вместить Элизину бестрепетную жестокость. — Так вы хотите знать, может ли Ньютон выдержать испытание ковчега без Джековых показаний?

— Об этом я и спрашиваю вас как натурфилософа.

— То есть вы спрашиваете, можно ли подтасо-

вать испытание ковчега?!

— До свидания, доктор Уотерхауз. И мне, и вам многое предстоит сделать до пятницы, — сказала Элиза и вышла из комнаты.

Часовня Ньюгейтской тюрьмы 24 октября 1714

Итак, умоляю вас, братия, милосердием Божиим, представьте тела ваши в жертву живую, святую, благоугодную Богу, для разумного служения вашего.

Римл. 12, 1

Английские светские власти ещё не совсем покончили с Джеком Шафто, но они сделали всё, что было в их силах: нашли его виновным в худшем из преступлений, бросили в худшую из тюрем, приговорили к худшей из казней. На этом их возможности исчерпались. Карающий меч нуждался в заточке, смертоносный колчан опустел. Посему они передали его властям духовным, сиречь англиканской церкви. Первый и, очевидно, последний раз в жизни Джек привлёк к себе внимание этой организации. Он совершенно не знал, как вести себя под её непривычным взглядом.

В бродяжьих становищах его юности безумцев было хоть отбавляй. Из всех мест, где Джеку случилось бывать позже, только в Ньюгейте доля

умалишённых оказалась выше.

Они с Бобом очень рано уяснили, что нация сумасшедших делится на многочисленные сословия, секты и партии, к которым нужен совершенно разный подход. Двое одинаковых с лица оборвышей в бродяжьем лагере посередь охотничьих угодий какого-нибудь герцога неудержимо влекли к себе маньяков всякого рода. Чтобы выжить, надо было научиться отличать, скажем, религиозных фанатиков от педофилов. Фанатик мог даже защитить от насильника. За это иногда приходилось платить — выслушивать проповеди. В природе фанатика читать наставления, как и гонять извращенцев. Одно от другого неотделимо. Выслушанные поневоле обличительные речи дали юным Шафто исчерпывающее представление об англиканской церкви.

Позже Джек вспоминал нравоучения под открытым небом со скепсисом умудрённого жизнью взрослого человека. Проповедники были религиозные маньяки, готовые мыкаться с бродягами, лишь бы не покоряться официальной церкви. Где им судить о ней честно и беспристрастно? Наверняка половина их измышлений — плод галлюцинаций, и даже редкие крупицы правды искажены горячечным воображением. Не то что-

бы Джек питал тёплые чувства к церкви и хотел её обелить — просто его тошнило от фанатиков. Если верить их бредням про англикан, надо было верить и назойливым уверениям, что он попадёт в ад. Джек предпочитал отмахнуться от всего сразу, не выискивая здравое зерно.

Сейчас, сидя в часовне Ньюгейтской тюрьмы, он убеждался, что фанатики говорили чистую правду.

Они утверждали, что англиканская церковь, в отличие от молельных домов нонконформистов, разгорожена на ряды, называемые скамьями. А чтобы усталые бродяги, стоящие на земле или в лучшем случае сидящие на брёвнах, не позавидовали, фанатики сравнивали церковные скамьи с загонами для скота, где прихожане, как овцы, дожидаются, когда их остригут или забьют на мясо.

Теперь, впервые в жизни попав на англиканскую службу, Джек видел, что часовня (расположенная на верхнем этаже Ньюгейтской тюрьмы) и впрямь разделена на ряды, частью открытые, частью — с прочными навесами над головой, чтобы злодеи не могли выпрыгнуть, а диссентеры — вознестись прямиком на небо без посредничества уполномоченных представителей государственной церкви.

Фанатики утверждали, что в англиканской церкви лучшие места достаются знати; сословия не смешиваются, как у нонконформистов. Вот и в Ньюгейтской часовне соблюдалась строгая иерархия. Узники «общей стороны» сидели по одну сторону центрального прохода, слева от расположенной в углу кафедры тюремного священника — ординария. Узники «господской стороны» — справа. Должники — отдельно от уголовных, женщины — отдельно от мужчин. Однако лучшие места, прямо под кафедрой, были отведены аристократии — тем, кого недавно осудили на казнь. Им полагалась привилегированная открытая скамья; правда, к ней приковывали цепями, как на галерах.

Фанатики утверждали, англиканская церковь — преддверие смерти, врата адовы. Казалось бы, бред сумасшедшего; однако часовня Ньюгейтской тюрьмы была сплошь завешана чёрными траурными полотнищами. Прямо перед скамьёй осуждённых располагался алтарь, но не с хлебом и вином, а с гробом. Для вящей доходчивости крышку сняли, чтобы смертники видели: гроб пуст и ждёт жильца. Отверстый гроб смотрел на них всю службу, и ординарий не упускал случая лишний раз на него указать.

Фанатики утверждали, что в англиканскую церковь ходят не внимать слову Божию, но других посмотреть и себя показать. Англиканская служба — лицедейство, не лучше театрального представления и даже, возможно, хуже; ведь театр не скрывает своего непотребства, а служба в церкви претендует на некую святость. Зарешёченные скамьи Ньюгейта с вонючими арестантами плохо подходили под это описание. Однако когда Джеку надоело пялиться на открытый гроб, он перевёл взгляд на проход и обнаружил в дальней половине церкви открытые скамьи, битком набитые посетителями. Не прихожанами (это были бы люди, живущие в Ньюгейте или его окрестностях), а именно посетителями: свободными лондонцами, которые с утра надели воскресное платье и по собственной воле отправились в Ньюгейт — место настолько смрадное, что прохожие, случалось, падали замертво от вони, доносящейся из-за решёток, — чтобы в чёрном помещении слушать, как тюремный проповедник два часа кряду вещает о смерти.

Никто не напускал на себя ложную, да и вообще какую бы то ни было скромность. Джек отлично знал, что все пришли глазеть на смертников, особенно на него, поэтому без всякого стеснения

пялился в ответ. Ординарий битый час толковал несколько жалких строк из послания апостола Павла к римлянам. Никто не слушал. Джек повернулся спиной к кафедре и по очереди смотрел в глаза каждому из сидящих, вызывая того на поединок — кто первый отведёт взгляд. Он выбивал их одного за другим, как мишени в тире. Осталась женщина, с которой Джек не мог встретиться глазами, потому что её лицо скрывала густая вуаль. Та самая женщина, что третьего дня приходила к вратам Януса. Тогда Джек не успел ни разглядеть её, ни тем более запечатлеть в памяти. Сегодня, воскресным утром, у него был целый час. Лица её он не видел, но мог заключить, что она очень богата. Голову дамы венчал кружевной фонтанж, добавлявший ей шесть дюймов роста и служивший своего рода мачтой для крепления вуали. Платье было строгое, почти траурное, но Джек различал поблескивание шёлка: одна материя наверняка стоила не меньше, чем весь гардероб средней лондонской обывательницы. И ещё с дамой был бойцовского вида молодой человек, белокурый и голубоглазый. Не муж и не любовник. Телохранитель. С ним игру в гляделки Джек проиграл, но лишь потому, что задумался о другом. Что-то готовилось.

На середине Чипсайда рассвет, 25 октября 1714

— Вам Роджер явился во сне или вроде того?

— Простите?

Сатурн открыл глаза впервые с тех пор, как четверть часа назад в Клеркенуэлле затолкал себя в карету. После этого он с каждым толчком на ухабе только оседал всё вольготнее. Теперь, поняв, что его спутник всю дорогу бодрствовал и размышлял, Даниель ощутил лёгкую досаду.

Сатурн распрямился на полдюйма.

— Я подумал, может, вас удостоила загробным посещением тень покойного маркиза Равенскара.

— Мои сведения из другого источника.

— От графа Лоствителского?

— Молчите!

— Я так и подумал. Во всё время разграбления Клеркенуэлла лицо графа было красным от стыда.

— Ему придётся краснеть ещё сильнее, если пойдут слухи, будто он меня предупредил. Так что придержите язык!

— Хм. Я не помню, чтобы Равенскар затыкал другим рот угрозами. Скорее он был своего рода инженером и находил баланс интересов.

— Да, я не замена Роджеру. Или вы хотели сказать этим что-то ещё?

— Клеркенуэлл-корт был для меня тем же, чем церковь-община для единомышленников вашего отца. Теперь власти предержащие рассеяли собранную вами общину. Пуритане, попав в такой же переплёт, бежали в Массачусетс, дабы воздвигнуть город, стоящий на верху горы, или как уж они это называли. Вот и я намерен бежать из этой треклятой столицы в место, которое для механика — всё равно что Плимутский камень для ваших единоверцев.

— Что за место, скажите на милость?

— Тоже Плимут, но более старый и не такой далёкий.

Кучер повернул вправо. Даниель не мог сообразить, где они едут, пока не увидел слева церковь святого Стефана Уолбрукского. В одном-двух окнах уже горел свет; хорошо.

Сатурн, досадуя, что Даниель не клюнул на ловко заброшенный крючок, продолжил:

— Ведь мистер Ньюкомен строит свою машину в Плимуте, верно?

— Почти, — отвечал Даниель. — В качестве прощального подарка я куплю вам карту Западной Англии, и вы научитесь различать Плимут, Дартмут, Тинмут и прочая.

— Вот чёрт. Мутные какие-то края, — пробормотал Сатурн, внимательно и даже тревожно глядя на Даниеля.

Тот сказал:

— Я отрекомендую вас мистеру Ньюкомену самым благоприятным образом.

— Спасибо.

— Я не напишу ни слова про адские машины и ночные вылезания из сортиров в публичных домах.

— Буду премного обязан.

— Не стоит благодарности… считайте, что я действую в собственных интересах, — отвечал Даниель. — Ньюкомену нужно меньше кузнецов, больше таких людей, как вы.

— Говорят, он строит чудовищную махину.

— Да. Однако ему потребуется помощь в изготовлении тонких деталей — клапанов и тому подобного. Самая работа для опустившегося часовщика.

— Отлично! Тогда давайте покончим со здешним делами! — Совершенно ободрённый Питер

Хокстон, не дожидаясь, когда экипаж совсем остановится, распахнул дверцу. На Даниеля повеяло запахом реки и сыростью. Карета стояла рядом с «Тремя кранами» — пристанью, расположенной неподалёку от того места, где в Темзу впадает затерянная речка Уолбрук. Параллельно берегу, на вержение камня от воды, тянулись склады; между двумя из них зиял узкий проход, который в темноте или в тумане легко было не заметить. Даниель увидел его только потому, что в конце улочки, справа, горел огонь. Примерно минуту огонь то появлялся, то исчезал: Сатурн заслонял его головой и плечами. Потом заскрипела дверь, до слуха долетели огрызки слов, и дверь вновь скрипнула, теперь уже закрываясь.

Улочка вела в широкий двор перед зданием гильдии виноделов. Многие дома здесь, в частности, тот, куда вошёл Сатурн, были бочарными мастерскими.

— Назад к церкви святого Стефана Уолбрукского, — сказал Даниель кучеру.

Уильям Хам ждал их перед церковью, в которой его крестили. Он открыл дверцу и с сопением забрался на место, где прежде сидел Сатурн.

— Никогда ещё в церкви таким не занимались, — проговорил Уильям.

— Я уже объяснил викарию — и готов объяснить ещё раз, если понадобится, — что дело наше праведное и христианское. Будьте покойны.

— Умоляю, дядя, не надо о покойниках. По крайней мере сегодня.

За разговором они проехали семьсот футов до входа в Английский банк.

— Я кое-что хотел тебе рассказать, — заметил Даниель, глядя, как племянник возится с ключами. У него было чувство, что пальцы Уильяма так медлительны и неповоротливы не только от холода.

— Что именно, дядя?

— Я никогда с тобой прежде об этом не говорил, зная, что тема болезненная. Но когда после кончины твоего отца двери его подвала взломали по приказу лорда-канцлера, я был в числе тех, кто спустился внутрь и увидел, что там пусто.

— Странное вы избрали время, чтобы об этом вспомнить, — буркнул Уильям, рывком открывая дверь. От досады кровь прихлынула к его пальцам и, возможно, к мозгам тоже — какой-никакой, а результат. Несколько минут Уильям успокаивал сторожа и убеждал его вернуться в постель, затем повёл Даниеля в подземный лабиринт банка. Даниель говорил на ходу:

— Ты кипишь возмущением, Уильям, и справедливо. Король Карл отнял у твоего отца золото и серебро, доверенное Дому Хамов вкладчиками. Дом разорился. Твой отец умер от стыда. Другие златокузнецы тоже пострадали, хоть и не так сильно. Они понимали, что у твоего отца не было выбора. Король прибрал к рукам золото, ссылаясь на божественное право монарха. Вот почему тебя всегда охотно брали на службу в банки — история вошла у златокузнецов в пословицу, и ты — живая ниточка, с нею связывающая.

— Так или иначе, — продолжал Даниель, — обнаружив, что подвалы твоего отца пусты, мы выбрались на крышу вашего дома…

— Мы?

— Твои дяди Релей, Стерлинг, я и сэр Ричард Апторп. И знаешь, что произошло тогда на крыше?

— Представления не имею.

— Сэр Ричард основал Английский банк.

— О чём вы? Банк основали двадцатью годами позже! Да и как может один человек основать банк на крыше златокузнечной лавки, которую подожгла толпа?

— Я хочу сказать, он понял, каким должен быть банк. Что банки не смогут работать, пока король вправе опустошать их подвалы всякий раз, как

захочет пополнить свою казну. Мысль была революционная. Возможно, она не пришла бы ему в голову, не окажись он тогда рядом с сыновьями Дрейка — цареубийцы, врага божественных прав, поборника свободного предпринимательства. Когда сэр Ричард сложил одно и другое вместе, он создал то, что мы сейчас видим.

— Молодец, — отвечал Уильям. — Хотел бы я быть на его месте. Отомстить за семейную честь и всё такое.

Он остановился перед дверью в хранилище, где лежали привезённые из Брайдуэлла карты для логической машины, и теперь снова возился с ключами. Даниель забрал у племянника фонарь и, стоя, как Диоген, светил ему на руки.

— Ты был тогда слишком мал, чтобы основать банк, — напомнил Даниель. — А сейчас ты этим и занимаешься — мстишь за семейную честь.

— Как так? — спросил Уильям, аккуратно вставляя затейливый ключ в одну из замочных скважин.

— Король — или некий орган его правительства — намеревается захватить то, что я сюда положил. О, это не моя собственность. Но и не короля! У него нет на неё никаких прав! Если бы ты спасовал и позволил её забрать, семейное про-

клятие закрепилось бы — теперь уже навсегда.

Уильям Хам распахнул дверь в хранилище. Оттуда повеяло затхлостью и нечистотами — не так сильно, как из подземной канавы Флитской тюрьмы, но достаточно, чтобы пробудить воспоминания.

— После вас, дядя. — Голос Уильяма звучал гораздо спокойнее, чем минуту назад.

— Нет, Уильям, иди первым! Это твоя привилегия, твой подвиг, маленький, но великий. Сити услышит о нём, и акции банка вырастут благодаря твоей стойкости. И что гораздо важнее: твой отец, если он тебя видит, говорит другим усопшим: «Се сын мой, в котором моё благоволение».

— Спасибо вам за ваши слова, ведь я знаю, что вы в такое не верите! — проговорил Уильям чуть хрипловато. Даниель отвёл взгляд, чтобы не видеть, как наполняются слезами складки под глазами племянника, поэтому вздрогнул и чуть не выронил фонарь, когда Уильям взял его за плечо. — Но я-то верю! И если мой отец смотрит сейчас с небес, то ваш родитель стоит рядом с ним и ликует, глядя, как вы тычете острой палкой в глаз нашему новоявленному королю!

Через минуту Даниель остался один в храме Митры. Уильям Хам запер его снаружи.

В кармане Уильяма лежала только что подписанная бумага, согласно которой Даниель забирал бывшие на хранении ценности и освобождал банк от всякой за них ответственности. Бумага должна была задержать королевских людей хотя бы на то время, пока они будут её читать.

Ценности, разумеется, все, по описи, лежали на полу перед Даниелем. Золотые карты из Брайдуэлла привозили часто, маленькими партиями. После того как Даниель побывал в банке вместе с Соломоном Коганом и узнал о существовании колодца, он изменил способ упаковки карт. Бочар, мистер Андертон (его мастерская располагалась неподалёку от здания гильдии виноделов) по заказу Даниеля изготовил специальные коробки. Выглядели они как барабаны или шляпные картонки, лёгкие, примерно фут диаметром и полфута высотой, и делались из мягких планок толщиной не больше восьмой части дюйма, согнутых в обручи, соединённых сыромятной кожей и запечатанных смолой. Каждая прибывала в Брайдуэлл, наполненная стружками (этот материал в избытке выходил из под рубанков и скобелей мистера Андертона). Каждая была снабжена плотно пригнанной крышкой. Их составляли в углу картонабивочной мастерской,

возле стола, где мистер Хам взвешивал золото. После того как готовую партию карт вносили в опись, из штабеля брали очередную шляпную коробку. Крышку снимали. В опилки укладывали стопку карт, завёрнутую в бумагу, а рядом — мешочек с выбитыми кружками. Сверху клали документы на эту партию. Крышку опускали на место, пришнуровывали сыромятной кожей и заливали по краям смолой. Теперь коробка была готова к отправке в банк.

Коробки не могли сравниться с настоящими бочками прочностью, водонепроницаемостью и ценой. Однако они проходили в колодец и могли некоторое время держаться на плаву. Большего Даниелю не требовалось. Как только Уильям Хам запер его, Даниель поднял дощатый люк колодца. Глаза застилал страх: вдруг что-нибудь разладилось и внизу никого нет. Целую минуту паника нарастала, потом внизу послышались голоса. Ещё через минуту Даниель увидел пляшущие отсветы, а затем и пламя свечи прямо внизу. «Готовы!» — донеслось из колодца.

Даниель бросил коробку в шахту. Он не услышал ни треска, ни грохота, только мягкий шлепок, с которым кто-то поймал коробку, затем короткий обмен репликами и смешок. «Готовы!»

Даниель бросил вторую коробку. Сперва дело шло небыстро, с перерывами на лишние разговоры и извинения. Потом люди внизу, очевидно, выстроились в цепочку, и теперь всех тормозил Даниель, не успевавший достаточно быстро таскать коробки. В конце концов Питер Хокстон выбрался наверх и принялся ему помогать. Вдвоём они мигом перекидали оставшийся груз.

К тому времени, как всё Соломоново золото отправилось в колодец, за дверью уже раздавались сердитые голоса. Кто-то нетерпеливо дёргал замки и щеколды. Уильям Хам пообещал тянуть, сколько удастся, разыгрывая непонимание, споря и, наконец, делая вид, будто потерял ключ. Однако, по-видимому, все уловки уже себя исчерпали. Хуже того: Исаак, чей голос Даниель вроде бы различал за дверью, мог вскрыть любой замок, изготовленный человеческими руками. Оглядевшись в последний раз — не забыли ли они коробку, — Даниель свесил ноги в колодец и принялся нащупывать перекладины приставной лестницы. Сатурн полез за ним, но задержался в начале лестницы, чтобы опустить крышку люка — так сказать, закрыть за собой дверь. Сквозь небольшое отверстие, выпиленное на краю люка, была пропущена верёвка, привязанная к старин-

ному сундуку рядом с колодцем. Сатурн убедился, что Даниель уже внизу и стоит в боковом туннеле, затем намотал верёвку на руки и спрыгнул. Он пролетел расстояние примерно в локоть и повис, ища ногами перекладину. Сундук сдвинулся и, хотелось верить, закрыл люк. Таким образом, они выгадывали или не выгадывали несколько лишних минут, в зависимости оттого, насколько тщательно будут обыскивать хранилище.

Сатурн убрал лестницу и, неся её под мышкой, пошёл за Даниелем по берегу Уолбрука. Русло теперь отмечала редкая цепочка свечей. Впереди кто-то шлёпал по воде. Сатурн бросил лестницу и двинулся вслед за Даниелем, задувая по пути свечи. Оба внимательно смотрели, не осталось ли тут коробок.

Через считанные минуты они были уже перед водостоком церкви святого Стефана Уолбрукского. Даниель пополз первым. Грубые руки ухватили его и выдернули наружу. На какое-то время он ослеп от резкого света. Однако нюх различал минеральный запах свежего раствора, а по мозолям на втащивших его руках Даниель угадал каменщика. С минуту слышались сопение и возня, пока тянули Сатурна, затем хохот, когда тот наконец пробкой вылетел из дыры. Сатурн

вскочил на ноги и грозно велел всем уняться, сказав, что слышал отдающиеся вдоль Уолбрука голоса, один из которых почти наверняка принадлежит разгневанному сэру Исааку.

Даниель уже привык к свету и видел, что в крипте под церковью собралась небольшая толпа: каменщик с двумя помощниками, двое бочаров из мастерской мистера Андертона, Даниель, Сатурн и трое жохов из тех, что передавали коробки по цепочке. А также дряхлый, сгорбленный старик в отличном платье и прекрасном расположении духа, совершенно очарованный дырой в полу, откуда только что появилось столько нового и интересного.

— Я совершенно про неё забыл! — воскликнул сэр Кристофер Рен. — Я ваш должник, Даниель! С архитекторами такое случается сплошь и рядом, сами знаете — закончишь дело на девяносто девять процентов и отвлечёшься на другое. Вы совершенно правильно мне о ней напомнили!

К тому времени, как он закончил последнюю фразу, дыра уже исчезла. Каменщики вставили в неё заранее приготовленную свинцовую трубу и вывалили тачку замешанного на растворе щебня. Трубу вдавили так, чтобы она оказалась вровень с полом, и каменщик уложил поверх

щебня несколько плит.

В другом конце помещения мастеровые мистера Андертона укладывали шляпные коробки в бочки. Те были пока не доделаны: сверху доски расходились, их держали временные обручи. С внутренней стороны досок были выпилены пазы для донца. В каждую бочку влезала дюжина коробок; чтобы они не гремели, свободное место забивали стружками. Сверху клали донце. В таком виде бочки перетаскивали во двор церкви, который сообщался с другим двором, побольше, позади здания гильдии засольщиков, где ничто не могло быть более неприметным, чем несколько подготовленных к закупорке бочек.

К концу дня все бочки доставили в мастерскую мистера Андертона; его бондари загнули доски внутрь, зажав донца, и набили постоянные обручи.

Даниель устал, но не чувствовал сил подвести под делом черту, пока последнюю шляпную коробку не запечатали в последнюю бочку. Он устроился в углу мастерской и по мере надобности взбадривал себя кофе и табаком. Наконец работа была закончена. Бочки откатили к «Трём кранам»; на каждой указали адрес получателя: LEIBNIZ-HAUS HANOVER. После всех забот и

треволнений, доставленных золотом по пути с Соломоновых островов во дворец вице-короля Мексики, затем в Бонанцу, где оно было похищено, в Каир, Малабар и дальше по морям на обшивке, а потом в трюме «Минервы», очень странно было повернуться спиной и уйти, бросив его на открытой пристани. Однако теперь, замаскированное под солёную треску и доверенное надёжному экспедитору, оно было, пожалуй, в большей безопасности, чем когда-либо за свою историю.

Ют «Минервы»
полдень, вторник 26 октября 1714

Вчера вечером Даниель побоялся возвращаться в Крейн-корт, зная, что Исаак скорее всего найдёт его там, будет костить, щучить, стращать и вообще всячески портить ему кровь. Поэтому он решил напроситься на «Минерву», благо та была куда ближе к «Трём кранам». Капитан и офицеры этого замечательного корабля уже давно настойчиво зазывали Даниеля в гости, а тот всякий раз находил предлог отказаться. Когда Даниель незадолго до полуночи заявился на лодке, его приняли с распростёртыми объятиями, напоили допьяна и уложили спать в прежней каюте.

Он проснулся с чувством, что проспал очень-очень долго, возможно, от непомерного облегчения, что наконец-то сбыл с рук треклятое золото.

Впрочем, Даниель знал, что проспал бы ещё дольше, если бы не грохот и чертыхания.

Он с неохотой влез во вчерашнюю заскорузлую одежду — она стояла колом и вполне могла служить подпоркой для тела. Незнакомый человек рывком открыл дверь каюты, не удосужившись

даже постучать. Даниель как раз застёгивал пряжку на башмаке. Хозяин каюты и незваный гость уставились друг на друга, в равной степени шокированные. Незнакомец был молод, хорошо одет и благовоспитан — а потому в ужасе, что потревожил старика за церемонией утреннего туалета. Тогда почему же он здесь оказался? Ответ подсказывал значок с серебристой борзой.

— Сэр! Прошу прощения, но… э…

— По велению короля вы должны обыскать мою каюту? — предположил Даниель.

— Да, сэр. Именно так.

— И что же вы ищете, если мне позволено узнать? Сонного старика? Он перед вами.

— Нет, сэр, простите…

— Если вы скажете мне, что вам велено искать, я постараюсь помочь, чем смогу.

— Золото, сэр. Контрабандное золото.

— А… Боюсь, что всё золото здесь — у меня на пальце. — Даниель снял кольцо и протянул на ладони. — Вы его конфискуете?

Королевский курьер окончательно смутился.

— О нет, сэр, конечно, нет, это совсем не то, что мы ищем. Мне крайне неловко вас беспокоить, но если бы вы соблаговолили… э…

— Выйти, чтобы вы могли тщательно обыскать

каюту? Какой разговор, любезный, уже иду!

Даниель надел кольцо обратно на палец, встал и вышел на палубу.

Даппа, стоя на юте, смотрел в подзорную трубу на Тауэр. Вчера Даниель добрался до «Минервы», так толком и не поняв, в какой части Лондонской гавани она находится. Сейчас, когда взошло солнце, он поразился, как близко они от Тауэра — почти на расстоянии окрика.

Даниель молчал, дожидаясь, пока Даппа его заметит; невежливо резко заговаривать с человеком, когда тот смотрит вдаль. Не стал он и спрашивать, где ван Крйк. Местоположение капитана несложно было определить, поскольку тот безостановочно сыпал ругательствами на голландском, сабире и прочих известных ему языках, следуя по своему кораблю за курьерами короля.

— Могло быть хуже, — заметил Даппа после того, как из открытого люка вырвался особо мощный шквал ванкрюйковой брани. — Мы сейчас легко нагружены, и корабль не трудно тщательно обыскать. Две недели спустя мы будем набиты по шпигаты — тогда это была бы целая история.

Он опустил подзорную трубу и подмигнул Даниелю.

— Они царапают наши пушки.

— Что-что?!

— Какое-то высокопоставленное лицо вообразило, будто волшебное золото отлили в пушечные формы и выкрасили в чёрный цвет, чтобы вывезти под видом орудий. Солдаты скребут их шилом, убеждаясь, что они бронзовые.

— Невероятно.

— Некоторые члены команды теперь считают, что вы приносите нам несчастье.

— А, понятно. Первый раз, когда я поднялся на «Минерву», она подверглась нападению со стороны Чёрной Бороды. Теперь это.

— Да, док.

— Раз они такие суеверные, — сказал Даниель, — то наверняка слышали поговорку: «В третий раз повезёт».

— Что вы задумали? — спросил Даппа и тут же невольно улыбнулся.

— Из ваших слов я заключил, что «Минерва» скоро отплывает.

— Нам надо взять здесь кое-какой груз, потом мы идём в Плимут.

— Вот как?

— Прошлый раз, будучи там, мы ввязались в одно дельце, которое ещё тянется. Так или иначе,

нам надо туда зайти. Потом на юг в Опорто. Затем через Атлантику в более тёплые широты.

— А весной снова в Лондон?

— Лондоном мы уже наелись, спасибо! Нет. — Даппа рассмеялся. — Наш путь лежит в противоположную сторону. Енох Роот изводит нас просьбами доставить его на Соломоновы острова…

— Но они на другой стороне земного шара от Бостона!

— Мы знаем, где они, — отвечал Даппа. — Однако нам как раз по пути.

— По пути куда?!

— На Квиинакууту, где мы навестим старых друзей или их могилы, если так обернётся. Потом в Малабар, где у нас инвесторша, которая, можно смело предположить, уже рвёт и мечет. Она не принимает дивиденды в форме переводных векселей. Мы должны явиться к ней и сложить золото в слитках на берегу.

— Трудный случай.

— Трудный, пока мы зарабатываем деньги в Лондоне. Мы отправимся туда, сложим золото на её берегу, я с ней пересплю, и со временем она нас простит.

— А дальше?

— Понятия не имею.

— Пассажир, которого вы повезёте на Соломоновы острова, сейчас занят моими делами в Бостоне — ликвидирует Институт технологических искусств, продаёт дом, уламывает кредиторов, расплачивается по счетам из трактиров, — сказал Даниель. — Пока он не отбыл к антиподам, мне надо бы посидеть с ним и подбить счета.

— Тогда вам следует отправиться к нему, и поскорее, ибо, уверяю вас, сюда он не поедет.

— Вы сказали, что собираетесь в Плимут?

— Да.

— У меня тоже есть дела в западных графствах, — сказал Даниель. — Может быть, встретимся там, и вы захватите меня в Америку.

— Может быть, — ответил Даппа, потом, изумившись собственной грубости, быстро добавил: — Нет, я-то не против. Но после сегодняшнего у ван Крйка будет много вопросов. Он захочет узнать, где треклятое золото. Я позволю себе намекнуть — лучший ответ: «Очень, очень далеко».

— У меня есть ещё более удачный: «Не знаю». — Даниель развёл руками, словно указывая на тысячи кораблей в Лондонской гавани, затем пожал плечами.

— Оно в пути, — догадался Даппа. — Вы его сплавили.

— Сплавил, как сплавляется металл в тигле, влил в общее движение судов на Темзе; оно отправится в Ганновер путями загадочными, но надёжными, подобно пиастрам, которые сходятся в Шахджаханабаде, как если бы обладали собственной волей.

Чем поэтичнее говорил Даниель, тем с меньшим вниманием слушал Даппа. Под конец он снова приставил к глазу подзорную трубу и навёл её на Тауэр.

— Что вы там высматриваете?

Ветер дул с севера, сильный и холодный, а Даниель вышел на ют без шляпы и парика. Поднявшись сюда, он отыскал глазами Тауэр, чтобы сориентироваться, но в продолжение всего разговора стоял к крепости спиной, подняв ворот, чтобы не задувало в затылок. Даппа подставил лицо ветру, решительно сдвинув брови. Он сказал:

— Легче вам повернуться и взглянуть самому, чем мне объяснять.

— Но у вас есть подзорная труба, а у меня нет!

— На таком близком расстоянии она не нужна.

— Тогда зачем вы в неё смотрите?

— Пытаюсь разобрать некоторые детали. На

вершине Фонарной башни стоят люди, явно повинные в этом безобразии, — сказал Даппа.

— Вы про разгром на корабле?

— Как вы, возможно, заметили, курьеры постоянно поглядывают в ту сторону, ожидая указаний. Они общаются при помощи семафора. Сдаётся мне, один из людей на башне — сэр Исаак Ньютон.

Даниель не услышал ничего для себя удивительного, тем не менее повернулся лицом к ветру. Через мгновение он различил тех, о ком говорил Даппа.

— Где он?

— В середине, смотрит прямо на вас в подзорную трубу.

— О чёрт! Наверняка он меня узнал! — вырвалось у Даниеля. Надо было сразу отвернуться, но его словно парализовало, как мышь под орлиным взглядом.

— Ничего-ничего, он опускает подзорную трубу… нет, я ошибся, он её уронил!

— Исаак уронил подзорную трубу?!

Даниель не мог поверить, что сэр Исаак Ньютон так обошёлся с оптическим прибором.

— Он стоит с открытым ртом. Смотрит в нашу сторону. Я не могу как следует разобрать

выражение его лица… На ум приходят такие непочтительные выражения, как «ошарашен», «остолбенел»… О! О! О Боже!

— Что такое? Что там? — вопрошал Даниель, борясь с желанием выхватить у Даппы трубу. Невооруженным глазом он видел только, что люди на вершине башни бросились туда, где стоит Исаак — или стоял минуту назад.

— Он упал! Как подкошенный! Хорошо, что сосед справа его поймал.

— Поймал?!

— Он пошатнулся, — объяснил Даппа, — выронил подзорную трубу и чуть не рухнул следом за ней. Смотрите, послали за помощью… кричат солдатам внизу, машут шляпами… Господи, как же они мечутся! — Даппа наконец опустил подзорную трубу и взглянул на Даниеля. Чёрная кожа над переносицей пошла складками — он только сейчас сообразил, что увидел. В тот же миг понял это и Даниель — ему пришлось ухватиться рукой за фальшборт, чтобы устоять на ногах.

— Он жив, иначе бы они так не суетились, — проговорил Даппа. — У сэра Исаака Ньютона удар. Вот что я думаю.

— Возможно, просто обморок. Он последнее время недомогал.

— То, что я видел, больше похоже на удар. Отнялась правая половина тела — вот почему он выронил трубу и у него подогнулась правая нога. В любом случае обморок или удар, полагаю, был вызван тем…

Тут Даппа прикусил язык и сморгнул.

— Тем, что он увидел моё лицо, когда я обернулся, невольно подтвердив худшие его страхи, — сказал Даниель. — Страхи, которыми он мучился с тех пор, как я приехал в Лондон и влез в мрачную историю с золотом Соломона. Дьявол! Я убил своего друга!

— Он не умер, и он вам не друг, — поправил Даппа.

— Не будете ли вы так добры подозвать лодку? — спросил Даниель. — Думаю, Исаака повезли к племяннице; я поспешу туда, чтобы защищать его от врачей.

Храм Вулкана
среда, 27 октября 1714

Во вторник у Даниеля разыгрался несвойственный ему оптимизм. Каким-то образом он убедил себя, что у Исаака не обморок и не удар, а обычный приступ панического страха, вроде тех, какие случались раньше, и отправился на Сент-Мартин-стрит в спокойной уверенности, что Исаак дома. Однако слуга сообщил, что хозяин в особняке покойного Роджера Комстока на попечении Катерины Бартон.

Даниель поехал туда в среду и застал мисс Бартон в крайнем смятении. Только сейчас он задним числом понял, что Исаак чудом дотянул до сегодняшнего дня. Здоровье его пошатнулось ещё в августе, когда Лейбниц столкнул их за ограду. Исаак избежал смерти в фосфорном огне, но повредил рёбра и в следующие недели не мог глубоко дышать. Потом он подхватил простуду, которая из-за невозможности откашливать мокроту по причине боли в рёбрах перешла в воспаление лёгких.

Вчера с Исааком, вероятно, приключился удар,

но не очень сильный. По словам мисс Бартон, её дядя какое-то время приволакивал правую ногу, но это прошло. Её больше пугал быстрорастущий жар.

— Жар?! — воскликнул Даниель и выразил желание немедленно увидеть больного. Исаак настрого запретил пускать к нему врачей, и Катерина Бартон следовала дядиной воле; однако Даниель Уотерхауз был не врач.

Исаак, в тонкой ночной рубашке, лежал, разметавшись, на кровати под балдахином. Одеяла он сбросил на пол, и кто-то открыл окно, чтобы в комнату проникал холодный воздух. Даниелю пришлось сунуть руки в карманы, чтобы не озябли.

— Исаак? — позвал он.

Больной чуть повернул голову, длинные белые волосы на подушке легли по-новому. Глаза под полузакрытыми веками сфокусировались. Однако смотрели они не на Даниеля. Тот подошёл ближе. Исаак дышал часто и неглубоко. Даниель нагнулся и приложил ухо к его груди. От неё шёл жар, как от вынутого из печки хлеба. В основании Исааковых лёгких скворчало, как будто там жарят ветчину. Сердце билось слабо, но быстро, с пугающими перебоями и паузами.

Во время осмотра Даниель не мог не заметить, что грудь Исаака в разрезе ворота покрывает розовая сыпь. Он сел на край кровати и принялся расстегивать на больном рубашку. Глаза Исаака, а затем и голова, шевельнулись. Он следил за руками Даниеля, пока тот возился с пуговицами на его вздымающейся груди. Когда Даниель раздвигал полы рубашки, Исаак остановил взгляд на его правой руке. Даниель узнал натурфилософское любопытство.

Всё туловище Исаака покрывала сыпь. Особенно заметна она была слева под мышкой.

— Когда вы последний раз были в Ньюгейтской тюрьме? — спросил Даниель; он видел, что у больного временное просветление.

— А! — проговорил Исаак. В следующие несколько минут ему пришлось откашливать мокроту, чтобы прочистить горло для дальнейших слов. — Так мы с вами сошлись в диагнозе. Тюремная лихорадка. Очень утешительно. Мы так редко в чём-нибудь сходимся.

Фразы разделялись долгими паузами.

— Когда вы последний раз… — вновь терпеливо начал Даниель.

Исаак ответил, не дав ему договорить:

— Неделю назад. Я говорил с Джеком в подвале

смертников.

— Обычно инкубационный период тюремной лихорадки…

— Чуть дольше. Да. Но я стар. И ослаблен другими болезнями. Не педантствуйте. У меня мало времени. Будем считать, что у меня тюремная лихорадка. До улучшения предстоит ухудшение. Если улучшение вообще будет. Сейчас начинается озноб. Пожалуйста, застегните мою рубашку. Правая рука плохо меня слушается.

Даниель не мог отказать в такой просьбе, хоть и подозревал, что Исаак хитрит и на самом деле просто хочет ещё раз взглянуть на его руку с кольцом. Ругая себя, что не догадался заранее спрятать кольцо в карман, он принялся торопливо продевать пуговицы в петли.

— С виду тяжёлое, — заметил Исаак. — Вы знаете, о чём я. Палец не оттягивает?

— Бывает.

— Кто вам его подарил? Очевидно, не женщина.

Даниель застегнул последнюю пуговицу и спрятал руки в карманы.

— Я тоже хочу кое-что вам дать. — Исаак следил взглядом за кольцом, пока оно не исчезло в кармане. Теперь он смотрел Даниелю прямо в глаза.

— Что, Исаак?

— Не столько дать, сколько представить вашему вниманию, — поправил себя Исаак. — Гуковы бумаги. Найденные в Бедламе. Привезённые сюда. Не самое близкое… и не самое далёкое… для меня место. После смерти… Роджера… я стал бывать здесь чаще. Я не мог работать… пока он стоял за спиной… и задавал вопросы. Так вот… я изучил документ… который был наживкой… на арабском аукционе… этим летом. Вы знаете, о чём я. Гуков отчёт о пациенте… который умер во время операции… и был воскрешён… другого слова не подберёшь… неким составом. Поразительный документ.

— Вы изготовили поддельную версию для де Жекса, — сказал Даниель, — но…

— Я вернулся к нему. В последние недели. Когда моё здоровье ухудшилось. Я добавил много примечаний. Расшифровал непонятное. Прояснил то, что Гук, не будучи алхимиком, понять не сумел. Знаю, на ваш взгляд это всё чушь. Но если бы вы позаботились о моих записках… проследили, чтоб они попали в нужные руки… мне было бы гораздо спокойнее.

— Хорошо, конечно. Где они?

— В библиотеке Роджера. Стол у окна. Верхний

ящик справа.

— Я сейчас же за ними схожу, — пообещал Даниель, — и отвезу их к вам домой.

— Спасибо, — отвечал Исаак. — Положите их у меня в лаборатории. Вместе с остальным.

— С чем остальным? — спросил Даниель. Однако он ясно видел, что ответа не получит. Исаак сжался в комок и трясся, как вылезший из воды пёс. Даниель позвал Катерину Бартон. Они вместе собрали с пола одеяла и укрыли Исаака.

— Он попросил меня позаботиться о некоторых своих делах, — сказал Даниель, чтобы оправдать поспешный уход. — Я напишу в Тайный совет, что Исаак болен и не сможет присутствовать послезавтра на испытании ковчега.

— Нет! Ни в коем случае! — Мисс Бартон положила руку ему на запястье. Она знала, что её слова проникают в мозг любого мужчины, как пули, если при этом его коснуться.

— Мисс Бартон! — воскликнул Даниель. — Посмотрите на несчастного! Он не может…

— Дядя Исаак сказал мне, что должен присутствовать на испытании ковчега во что бы то ни стало. Даже если умрёт.

— Простите, но вы же не думаете это исполнить?

— «Даже если я умру, — сказал он мне, — усадите моё тело в портшез и отнесите в Звёздную палату». Именно это, доктор Уотерхауз, я и намерена исполнить.

— Что ж, Бог даст, он будет ещё жив.

Даниель мягко высвободил руку из нежных пальцев мисс Бартон и направился в библиотеку Роджера.

Ньюгейтская тюрьма
28 октября 1714

Следом звонарь, служащий прелюдией к палачу, подобно тому, как тоскливой мелодии предшествует бойкая увертюра, приходит терзать их мерзопакостными куплетами, будто людям в таком состоянии только и забот, что слушать несвоевременные стихи; вставши под окном, он исполняет следующую серенаду под аккомпанемент колокола из «Чёрного пса».

Мемуары Достонегоднейшего Джона Холла, 1708

После оглашения смертного приговора тюремщики заперли двери Джековых апартаментов на замок и поставили снаружи вооружённых людей. Ему ни разу не дали спуститься в «Чёрный пёс». Теперь единственной связью с весёлой компанией в добром старом кабачке служил звон колокола над барной стойкой, извещавший посетителей, что им пора расходиться. Под его звуки Джек обыкновенно подносил к губам ста-

кан портвейна из довольно большого запаса вин, присланных ему за последнюю неделю восторженными почитателями.

Сегодня, впрочем, его вечерний ритуал грубо нарушил звон колокольчика в сводчатом туннеле под «замком». В туннель выходила решётка подвала смертников. Завтра на Тайберне предстояло умереть не одному Джеку. С ним отправлялись шестеро узников «бедной стороны», у которых не нашлось средств или таинственных друзей, чтобы перебраться из подвала в более уютное место. Пользуясь тем, что слушателям некуда деться, полуночный звонарь исполнил перед решёткой такие вот тошнотворные стихи:

Все те, кто в этих стенах смерти ждёт,
Приготовляйтесь, скоро ваш черёд.
Грехи оплачьте, се последний час,
Покайтесь, или ад поглотит вас.
Молитесь, бдите, чтобы вам готовым
Предстать заутра пред Судьёй суровым.
Когда же с духом разлучится плоть,
Вас грешных да помилует Господь!

Покончив со своими обязанностями здесь, звонарь покинул смрадный туннель и, пройдя в арку, встал посередине Холборна, точно под тройным окном Джека Шафто, словно влюбленный, готовый пропеть серенаду даме сердца. В обычное время это было бы дело тёмное (поскольку солнце уже давно закатилось) и опасное (люди, вставшие перед воротами Лондонского Сити, обычно долго не проживали). Однако сегодня маневры звонаря освещала толпа лондонцев с факелами, перегородившая улицу, так что если какой-нибудь кучер по глупости и решил бы проехать этим путём, лошади шарахнулись бы от огненного заграждения. Ньюгейтские ворота заперли на ночь. Звонарь стоял в полукруге огня, изумлённо моргая — обычно он исполнял свои обязанности в менее многолюдной обстановке.

Джек с самого вынесения приговора вёл жизнь затворника. В первые дни на Холборне время от времени собиралась толпа, видимо, привлечённая слухами, что Джек Шафто покажется в окне, словно король на балконе Сент-Джеймского дворца. Её неизменно разгоняли констебли; Джека никто так и не увидел. Однако сегодня был особый случай: часто ли в жизни Джека будут вешать не до полного удушения, холостить, потрошить

и четвертовать? Минуту или две он зажигал свечи — ещё одна редкая для Ньюгейта роскошь; те обожатели, у которых не было «желтяков» (то есть гиней), чтобы слать Джеку портвейн, кое-как находили «треньк» (трёхпенсовик) на сальную свечку, чтобы ему после стакана на сон грядущий не мочиться мимо ночной вазы. Свечей уходило мало, но беречь их теперь было незачем, и Джек зажёг все. Комната немедленно наполнилась едким дымом и запахом прогорклого сала, живо напомнив Джеку его детство на Собачьем острове. В одном из окон была окованная железом форточка. Джек открыл её, чтобы выпустить дым. Это немедленно приметила толпа на Холборне, возомнившая, будто у Джека Шафто в последнюю ночь нет других дел, кроме как с ней базарить. Треклятый колокол зазвенел снова, унимая ропот толпы, и звонарь прокричал свои куплеты.

Джек был готов. Он прижался лицом к решётке и заорал:

Ты, ничтожество, звеня,
Хочешь в ад загнать меня.
Завтра с неба в это время
Плюну я тебе на темя.
Ведь если правду нам попы вещают,

В Раю всё нюх, и взор, и слух ласкает,
А коли так, то, значит, место это —
Любое, где тебя, паскуды, нету.

Стишки очень понравились всем, кроме звонаря, который отступил в направлении церкви Гроба Господня, слегка ускорив шаг, когда в спину ему полетели кал и недоброкачественные овощи.

После бегства звонаря под окном остались только добропорядочные члены толпы, разделённые склонностью убивать, насиловать и обворовывать друг друга, но сплочённые любовью к Джеку. Они определённо чего-то от него ждали. Несколько компаний затянули было песенки в его честь, на разные мотивы, но общего хора не получилось. Джек (для них — смутный силуэт на фоне дымной, озарённой свечами комнаты, наполовину скрытый массивными железными прутьями) замахал руками, а когда толпа немного притихла, снова прижался лицом к решётке и закричал:

— Ночной колокол пробил, джентльмен из церкви Гроба Господня пропел мне свои куплеты, я удаляюсь спать. И вам советую! Завтра у нас длинный и хлопотный день! Утром у меня

встреча на Тайберне, куда я вас всех приглашаю! А вечером ещё одна, в Коллегии врачей. Ибо хотя тело моё четвертуют, предполагается, что голова в ходе церемонии останется более или менее целой, и натурфилософы за углом — по Ньюгейт-стрит, свернуть в Уорвик-лейн, напротив Грейфрайарз, первый проулок направо, большое здание с золотой пилюлей наверху — вскроют мой череп, чтобы поискать причину, отчего я такой злодей.

Гневный рёв, нарушивший тишину и покой его благородного обиталища, так возмутил Джека, что он немедля захлопнул форточку. И вовремя, потому что через мгновение пошёл град. Звон чего-то мелкого и металлического рос и рос, так что заглушил крики толпы. Джек из любопытства вновь подошёл к решётке и увидел на подоконнике сугробы пенсов и фартингов. Было здесь даже несколько шиллингов. Ему бросали деньги — деньги, чтобы оплатить христианское погребение, вырвать Джека из лап Коллегии врачей. А те, у кого не было даже фартинга, бежали, потрясая факелами, по Ньюгейт-стрит в поисках первого поворота направо, о котором говорил Джек. Коллегии врачей предстояла долгая, нескучная ночь, зато Джек Шафто остался в

тишине и получил возможность хоть немного поспать.

Дом сэра Исаака Ньютона на Сент-Мартинс-стрит
вечер четверга 28 октября 1714

— Мистер Тредер, — объявил дворецкий.

Даниель поднял голову и обернулся.

Мистер Тредер стоял в дверях лаборатории, держа шляпу в руках. Он втянул голову в плечи и озирался, как будто ждал, что сэр Исаак Ньютон выскочит из-за горящей печи и превратит его в тритона.

— Его здесь нет, — мягко проговорил Даниель. — Он в доме своей племянницы.

— Выздоравливает, если верить слухам, после удара? — Мистер Тредер, осмелев, переступил порог. Дворецкий закрыл за ним дверь и удалился.

— Мы поможем ему выздороветь, вы и я. Прошу, прошу, заходите! — Даниель замахал одной, потом обеими руками. Мистер Тредер повиновался с крайней неохотой. Он впервые видел алхимическую лабораторию. Раскалённые печи, запахи, открытое пламя, колбы и реторты с загадочными наклейками — всё смутно его пугало. Даниель на мгновение почувствовал то, что должен испыты-

вать заштатный алхимик, когда к тому заходит доверчивый профан и ошеломлённо застывает на пороге: гаденькое самодовольство и желание обобрать несчастного до нитки.

Но, увы, у него были другие цели, ради которых мистера Тредера следовало успокоить.

— Вам, наверное, такая обстановка непривычна. Мне повезло: я делил кров с Исааком в те годы, когда он превратил нашу общую комнату в одну дымную лабораторию. То, что вы видите вокруг, появлялось у нас постепенно, и я мог спрашивать Исаака, как оно называется и для чего служит. — Даниель рассмеялся. — Стыдно признаться, но здесь я чувствую себя, как дома!

Мистер Тредер позволил себе сухой смешок.

— Должен сказать, и выглядите вы, как дома, что весьма удивительно после всех ваших нападок на алхимию.

Даниель задумался, как мистер Тредер воспринял бы известие, что завтра он, Даниель, возможно, станет величайшим алхимиком с той поры, как Соломон отправился на Восток. Впрочем, есть вещи, о которых заранее лучше не говорить.

— Ожидается ли, что сэр Исаак сможет присутствовать на испытании? — спросил мистер

Тредер.

— Он будет там всенепременно.

— Рад слышать, что его здоровье улучшилось.

Даниель промолчал. Здоровье Исаака не улучшилось. Складывалось впечатление, что тюремная лихорадка подточила его сердце. В детстве Исаак пытался выстроить вечный двигатель, видя в нём модель сердечной мышцы. Однако Даниель подозревал, что Исааково сердце скоро остановится. Люди не могут построить вечный двигатель, поскольку создают механизмы только из неживого вещества. Сердце работает дольше любой машины, ибо то, из чего оно сделано (по крайней мере, если верить алхимикам), пронизано вегетативным духом.

— Будем делать деньги! — воскликнул Даниель. — Формы принесли?

Его слова были настолько опасны, что мистер Тредер втянул голову в плечи.

— У вас есть золото? — проговорил он.

Даниель картинно взмахнул правой рукой, потом снял золотое кольцо и без всяких церемоний бросил его в тигель. Затем взял щипцы и приготовился убрать тигель в маленькую, гудящую, пышущую жаром печь.

— Золото полновесное? — осведомился мистер

Тредер.

— Более чем. — Даниель поставил тигель в раскалённое нутро печи. — Оно тяжелее чистого.

Мистер Тредер заморгал.

— Боюсь, что так не бывает.

— Через минуту-две сможете убедиться сами.

— Как такое возможно?

— Его поры, в обычном золоте пустые, заполнены божественной квинтэссенцией.

Мистер Тредер пристально посмотрел на Даниеля, пытаясь понять, не шутит ли тот; однако Даниель и сам не знал. Наконец мистер Тредер ему поверил: не потому, что взвесил золото, и не потому, что нашёл алхимическое объяснение убедительным, а по житейской, политической логике.

— Ага! Ага! Вы хотите, чтобы я… у вас что-то на уме! Ведь я угадал, да?

— У нас у всех что-нибудь на уме. — Даниель старательно изобразил ледяной взгляд. Он боялся, что мистер Тредер пустится в фарисейские разглагольствования, но тот сдержался.

— Коллегия горожан избрала вас на роль взвешивателя в завтрашней церемонии, не так ли?

— Доктор Уотерхауз, вы на удивление хорошо осведомлены о том, что якобы хранится в

строжайшей тайне, и я не буду выставлять себя дураком, отрицая ваши слова.

— Получается, что вы оппонент, противник директора Монетного двора.

— Таким образом с древности ставят заслон корысти служащих Монетного двора, — охотно согласился мистер Тредер. — Это долг и почётная обязанность златокузнецов.

— Возникает пикантная ситуация, — заметил Даниель, — если вспомнить, что несколько недель назад сэр Исаак мог отправить вас на Тайберн заодно с Джеком Шафто, но пощадил.

Мистер Тредер издал свистящий звук, который почти утонул в очень похожем гудении печей. В августе он был унижен, раболепен, даже вызывал некоторую гадливость. Теперь он свыкся с мыслью, что дело замяли, и нашёл напоминание крайне невежливым. Даниель на миг отвлёкся, глядя в печь. Кольцо по большей части осталось прежним, только края, соприкасающиеся со стенками тигля, начали оплавляться.

— Показать на меня могут лишь Джек и его сыновья, — напомнил мистер Тредер. — Джек меня не упомянул, и через несколько часов он умрёт. Сыновья бежали…

— Знаю, — сказал Даниель. — Я устроил им

побег. Мне известно, где они. Перед тем как они покинули страну, я взял с них письменные показания под присягой, с печатью и подписями свидетелей. Там говорится, что вы чеканили фальшивую монету. Кстати. Думаю, что можно приступать. Давайте форму.

Мистер Тредер сунул руку в карман.

— Просто иметь её у себя — смертный приговор. Но коли уж мой смертный приговор всё равно у вас за пазухой, это ничего не меняет.

Он вытащил глиняный цилиндр, диаметром чуть побольше гинеи и длиной в палец. Посередине цилиндр был расколот или разрезан, потом замазан глиной и обожжён. Мистер Тредер положил его на стол, повернул вверх небольшим коническим отверстием вроде воронки и прижал с боков огнеупорными кирпичами.

— Прошу, — указал он, — но приличную гинею так не сделаешь!

— Нам не нужно, чтобы она была очень похожей, — сказал Даниель, — всё равно мы её порубим.

Мистер Тредер вздрогнул, потом озадаченно наморщил лоб, наконец, понял и кивнул. Даниель снова взял щипцы, вытащил светящийся тигель, для устойчивости опёр щипцы на один

из кирпичей и повернул запястья. Из тигля хлынуло жидкое пламя. Капля-две попали мимо, но большая часть золота влилась в отверстие.

— Ну вот, теперь мы в одной лодке, — заметил мистер Тредер. — Вы только что совершили государственную измену.

— У нас это семейное, — признал Даниель. Он вытряс из тигля последние капли золота; они упали на стол и тут же застыли. Даниель отставил тигель и закрыл дверцу печи, затем пинцетом собрал всё пролитое золото в чашку. После этого он взял тёплую форму и разломил пополам. Гинея выпала и покатилась по столу. Как предупреждал мистер Тредер, она получилась не очень хорошей: золото неравномерно заполнило форму, и рисунок читался не везде. Гурт не выдерживал никакой критики, а с одного края остался воздушный пузырёк. Там, где у формы было отверстие, у монеты получился отросток. Даниель бросил её в миску с водой, чтобы остудить, потом вытащил пальцами и попытался разрезать большими ножницами. Ему не хватило сил; он уже подумал, что придётся посылать за Сатурном. Однако мистер Тредер, почувствовав азарт, зажал его руки в своих. Сопя, как два борова, они давили, пока гинея — чпок! — не разлетелась пополам. Даниель

сделал так, чтобы отросток и прочие серьёзные дефекты остались на одной половине — её он положил в чашку вместе с другими излишками. Вторая половина выглядела куда презентабельней. Даниель поднял её с пола и снова разрезал пополам, а потом ещё раз, примерно как пиастр делят на реалы, только здесь кусочки получались мельче, неправильной формы. Когда мистера Тредер удовлетворил выбор форм и размеров, кусочки сложили на весы и взвесили. Затем он и Даниель записали результат, каждый на своём листке.

На этом оба, не сговариваясь, решили, что дело завершено. Даниель повёл гостя к выходу. Мистер Тредер приехал в портшезе. Никто не должен был знать, что взвешиватель заглядывал к директору Монетного двора — это сразу вызвало бы самые серьёзные подозрения.

— Вы как-то подстроили, чтобы выбрали именно меня? — поинтересовался мистер Тредер.

— Я употребил всё своё влияние.

— Потому что за мной грешок.

— Нет. Вероятно, на любого члена коллегии можно было так или иначе надавить, — сказал Даниель. — Я вспомнил, что вы умеете показывать фокусы. Надеюсь, вам удастся проделать с

кусочками монет то же, что и с монетами.

— На самом деле ловкости требуется меньше, чем все думают. Главное — отвлечь внимание зрителей. Но я тем не менее, сегодня поупражняюсь.

— А я поупражняюсь в том, чтобы отвлекать на себя внимание, — пообещал Даниель.

— Естественно, у вас не выйдет, разве что будете практиковаться всю ночь.

— Мне так и так не спать, — сказал Даниель, — занимаясь противоестественными делами самого различного свойства.

Пятница
29 октября 1714

Вестминстерское аббатство
утро

Он встаёт чересчур рано, поскольку думает, что улицы запружены народом из-за предстоящей казни. Это не так. Столько людей хотят увидеть, как Джека Шафто потрошат, холостят и четвертуют, что все встали рано, чтобы занять места в первых рядах. Даниелю надо всего лишь выйти из особняка сэра Исаака Ньютона, повернуться спиной к глухому рокоту, отдающемуся от небесного свода на севере, своего рода полярному сиянию народного гласа, пройти немного по тихим улицам, и вот он уже на площади к северо-западу от аббатства.

Воистину, надо быть очень старым и чудным человеком, чтобы заглянуть сюда по официальному делу. И впрямь, цель Даниеля настолько необычна, что он замирает, не зная, к какому входу направиться, к какому пресвитеру обратиться за помощью. Впрочем, здесь и без того содом. Рабочие ещё разбирают скамьи и галереи, воздвигнутые для коронации. Ирландцы и кокни выносят огромные доски. Духовных лиц

не видать. Западный вход меньше северного запружен рослыми молодцами с тесинами на плечах. Даниель останавливает выбор на нём и через несколько мгновений обнаруживает, что вступил на плиту, под которой без малого год покоится Томпион. Ещё одна удивительная черта нынешнего века: часовщика схоронили там, где поколение-другое назад мог лежать лишь рыцарь или военачальник.

Оставив прах Томпиона позади, Даниель ныряет под движущуюся доску и выходит в клуатр — квадратный двор, обрамлённый крытыми каменными галереями, но сам пребывающий во власти стихий. Сегодня эти стихии — яркое осеннее солнце и холодный порывистый ветер. Даниель прячет руки в карманы, нахохливается, шаркает до угла, поворачивает вправо и идёт до конца восточной галереи. Здесь в стене имеется средневековая дверь, сплошь окованная железом. На засовах, как медали на груди военачальника троллей, висят кустарные замки. У Даниеля ключ только от одного, а больше никто не пришёл. Он мёрзнет. «На этих равнинах от нестерпимого холода гибли люди вдвое вас моложе и вдвое упитанней». Галерея защищает от солнца на востоке, но не от северо-западного ветра, который дует

прямо через двор и едва не швыряет Даниеля на дверь. Поэтому тот возвращается на несколько шагов и ныряет в первую же арку. За ней коридор: здесь не дует, но холодно и темно. Дальний конец манит светом и теплом. Даниель идёт туда и, к своему изумлению и восторгу, оказывается один в красивейшей комнате Великобритании.

Всякий другой британец знал бы заранее, что это зал капитула. Однако из-за своего революционного воспитания Даниель здесь сегодня впервые. Помещение восьмиугольное; стены почти целиком состоят из витражей — структурный нонсенс, учитывая, что свод наверху — несметные тонны камня. Даниель приходит к выводу, что всю тяжесть держат восемь колонн по углам и одна в центре, такие тонкие, что, кажется, неизбежно должны подломиться. Однако залу лет четыреста, и только самый недоверчивый эмпирик станет оглядывать его с такими мыслями. Свод не рухнет ему на голову. Благодаря витражным окнам зал прогрет солнцем. Даниель выходит на орбиту вокруг центральной колонны. В памяти всплывают кое-какие уроки; вроде бы здесь собирался Тайный совет, а затем и палата общин, пока монахи, устав от гвалта, не выселили парламентариев на другую сторону улицы, в

Вестминстерский дворец. Дыхание и шаги одинокого старика разносятся гулким эхом; можно вообразить, какой шум производили здесь политики.

Первые несколько витков по орбите его внимание занимают яркие витражи, затем он переносит взгляд на деревянные панели под окнами. Они расписаны сценами, в которых Даниель, почти не глядя, узнает Откровение этого опасного безумца, Иоанна Богослова. Четыре всадника на маркированных цветом конях, зверь убивает перепуганных святых, заблудшие люди толпятся в очереди, чтобы получить начертание на лоб и руку. Блудница пьёт кровь загубленных святых, потом её сжигают. Христос на белом коне возглавляет небесное воинство. Многое настолько поблекло от времени, что отдельные эпизоды может разобрать лишь Даниель, которому их вбили в детстве, чтобы он, как актёр, ожидающий выхода, узнавал текст пьесы и был готов к своей реплике, когда всё описанное будет происходить на земле. В некоторых сценах с участием толпы среди выцветшей и облупившейся краски остались только глаза: то сонно потупленные, то возведенные горё, одни высматривают земную выгоду, другие следят за деяниями ангелов,

третьи погружены в раздумья о смысле происходящего. Даниель невольно видит в росписях последний знак Дрейка: напоминание, что даже Исаак по-прежнему не знает день и час седьмого трубного гласа, и, невзирая на все методичные приготовления отца, Даниелю ещё только предстоит выйти из-за кулис и сыграть назначенную роль.

Звук шагов и весёлые голоса в коридоре пугают больше, чем топот Четырёх всадников; они означают, что сейчас Даниелю придётся вежливо общаться с малознакомыми людьми. Он поворачивается к двери. Входит секретарь первого лорда казначейства, писарь при сборе податей и аудитор счётной палаты (в одном лице), богато разряженный. Под руку с ним выступает почти столь же пышно одетый заместитель управляющего королевским двором по делам счётной палаты. У обоих, разумеется, есть имена и жизненные обстоятельства, но первые Даниель забыл, а вторыми не интересуется. Это тот редкий случай, когда важны только должности.

— Доброе утро, доктор Уотерхауз! — восклицает секретарь (и прочая). — При вас ли ключ?

Вопрос риторический (не будь у Даниеля треклятого ключа, он бы тут не стоял), но со-

провождается подмигиванием. Цель — завязать дружеский разговор и, возможно, прощупать собеседника.

— При вас ли ваш, сэр? — спрашивает Даниель. Сокрушительно-бодрый писарь при сборе податей (и прочая) выхватывает ключ из кармана. Чтобы не отставать, заместитель (и так далее) похлопывает себя по груди. Ключ висит у него на ленте.

Даниелев ключ в левом кармане камзола, крепко зажат в кулаке. В правом кармане другая рука стискивает деревянную коробочку, вроде шкатулки для драгоценностей — она позаимствована у Исаака из кладовки часа два назад. На Даниеля накатывает головокружение; он расставляет ноги, чтобы не грохнуться и не разбить голову о древние каменные плиты. Ключ и ларец, обряд шести замков — он как будто провалился в тайную, неопубликованную главу Откровения, может быть, даже в целую книгу, апокрифическое продолжение Библии.

Из двора доносятся ещё голоса; кворум собрался или вот-вот соберётся. Приметив интерес Даниеля, писарь при сборе податей отступает вбок и отвешивает полупоклон, словно говоря: «Пожалуйте вперёд» — из почтения к летам, должности

или по общей угодливости, Даниелю, который представляет здесь казначейский совет, неизвестно. Он выходит в продуваемый ветром двор, писарь при сборе податей и заместитель управляющего королевским двором — за ним. У двери в хранилище ковчега собрались люди. Некоторые расположились на каменных скамьях, другие стоят на могильных плитах второразрядных знаменитостей. При виде Даниеля и его спутников все встают и поворачивают головы — как будто он здесь главный! Впрочем, учитывая, что у него в кармане, так и есть.

— Доброе утро, господа, — произносит Даниель и ждёт, пока уляжется ответный гул. — Все в сборе?

Он замечает духовное лицо в пышном облачении, но не епископа (потому что без митры). Видимо, это и есть настоятель Вестминстера. Вперёд выходят ещё два джентльмена с ключами. Молодые причетники стоят с фонарями наготове. Чуть в сторонке дожидаются знатные ганноверские господа, ничего не понимающие и насупленные. С ними представительного вида английский герцог, в чьи обязанности входит давать пояснения, и, в роли переводчика, Иоганн фон Хакльгебер.

— Тайный совет его величества потребовал провести испытание ковчега, — говорит Даниель, — и если никто не возражает, я предложил бы без лишних проволочек забрать всё необходимое и отнести в Звёздную палату.

— Возражений не слышно. — Даниель выразительно поворачивается к закрытой двери. Секретарь первого лорда казначейства, писарь при сборе податей и аудитор счётной палаты встают по правую руку от него, другой ключарь — по левую. Они образуют второй эшелон после трёх официальных лиц с ключами сразу у двери: настоятеля Вестминстерского аббатства, заместителя управляющего королевским двором по делам счётной палаты и представителя гильдии златокузнецов. Настоятель вставляет свой ключ (висящий у него на шее на золотом шнуре) в один из трёх замков на первой, видимой двери, и поворачивает. Следом то же выполняют другие два ключаря. Замки торжественно уносят и оставляют на скамье под надзором важных персон. Дюжий причетник снимает засов, дверь отворяют.

В двух шагах за нею вторая дверь, такая же основательная. Даниель подходит, вынимает ключ и методом проб и ошибок узнаёт, от какого он

замка, затем, отперев замок, отступает во двор: в тесном закутке помешаются только двое, один с фонарём и другой с ключом. Наконец, замки открыты и вынесены на свет, запор снят. Все взгляды вновь обращаются к Даниелю. Он входит в закуток, упирается в дверь плечом и толкает. Она открывается наполовину и дальше ни в какую. Даниелю известно, что так и должно быть. Сводчатое помещение за дверью в два раза старше, чем зал капитула. Здесь хранятся сокровища аббатства. В тринадцатом веке их растащили во время беспорядков, после чего в пол вмуровали камень, не позволяющий открыть дверь до конца, чтобы будущие грабители выносили ценности по одной, а не целыми сундуками.

Даниелю отведена честь вступить сюда первым. Он берёт фонарь и бочком втискивается в дверь. На него накатывает мизантропическое желание захлопнуть её, запереться изнутри и жить тут тысячу лет, подкрепляя себя философским камнем. Помещение больше, нежели он ждал: тридцать квадратных футов. Единственная толстая колонна в середине подпирает низкие каменные своды, наводящие на мысль о пещере гномов. После всей кутерьмы с торжественным отпиранием странно видеть себя в обычном

пыльном подвале, среди расставленных как попало чёрных сундуков.

Остальные тоже заходят. Некоторым помещение привычно. Они уверенно направляются к нужным сундукам. Снова звенят ключи. Последними здесь бесчинствовали солдаты Кромвеля: они выстрелами сбили замки и прибрали к рукам коронационные регалии. Однако Кромвель не меньше древних монархов нуждался в крепкой денежной системе; он велел починить сундуки и снабдить их новыми замками. При виде того, как потомственная знать возится с пуританскими засовами, велик соблазн об этом напомнить, но Даниель сдерживается.

Из трёх сундуков извлекают три важных предмета:

1. Кожаный футляр с грозными идентурами, которые Исаак и другие чиновники Монетного двора подписали при вступлении в должность. Документы берёт секретарь первого лорда казначейства.

2. Деревянный ящичек со стандартными разновесками.

3. Ящичек поплоще и пошире с эталонными образцами: пластинами драгоценных металлов известной пробы, предоставленными гильдией

златокузнецов. С ними будут сравнивать Исааковы монеты.

Три сокровища выносят во двор, словно августейших тройняшек на прогулку. За спиной долго и громко звенят ключи, лязгают засовы. Даниель думает, что пока парламент и Тайный совет заседали рядом, в палате капитула, нынешний обряд имел куда больше смысла. Когда монахи выгнали политиков, наверняка кто-нибудь приговаривал: «Да, надо бы забрать из аббатства всё, нужное для испытания ковчега, и перенести куда-нибудь поближе». Однако такие вещи, если не заняться ими в первые двенадцать часов, остаются несделанными века спустя. Со временем процедура выноса трёх предметов закоснела и превратилась в ритуал.

Процессия выстраивается и течёт по двору в аббатство, через место для хора. Рабочие, ломающие галереи в северном трансепте, чувствуют, что происходит нечто торжественное, шикают друг на друга и уступают дорогу. Некоторые снимают шляпы, другие застывают, как на параде, сломами на караул. Как только процессия выходит в северную дверь, стук и весёлый гомон в трансепте возобновляются.

Процессия сворачивает направо, в улочку меж-

ду аббатством и церковью святой Маргариты. Путь к реке преграждает мрачная громада Вестминстерского дворца. Слева, то есть к северу от него — здания казначейства, в том числе Звёздная палата. Здесь в июне начались мытарства сэра Исаака Ньютона. Здесь же будет подведён окончательный итог, как только Даниель и остальные пересекут улицу.

Часовня Ньюгейтской тюрьмы

Часовня совершенно преобразилась. Черные занавеси сняли и приговорили к заточению в ящике с молью на срок, не превышающий одну восьмую часть года. Свету дозволено проникать в зарешёченные окна. Праздных зевак в задних рядах нет. На алтаре перед скамьёй смертников — не гроб, а блюдо с хлебом и вином. Вино разлито в какие-то напёрстки. Джек возмущён. Если церковь считает вино для причастия пользительным, почему бы не выставить ведро?

Впрочем, возможность надраться по пути на Тайберн ещё будет, так что Джек не сильно досадует. Ему предстоит воцерковление — следующая ступень в нарастающей череде пыток, которая началась вчера ночью визитом звонаря и закончится несколько часов спустя четвертованием.

Джека Шафто приводят отдельно, после того, как несчастных, просидевших ночь в подвале смертников, уже втащили по центральному проходу и приковали к жуткой скамье. Он чувствует себя невестой, которая входит в церковь последней и на которую все смотрят. Ещё бы не смотреть! Джек встал два часа назад, не желая

упускать и минуты самого главного в жизни дня, и все два часа облачался в висельный костюм.

Он не знает, откуда взялся костюм. По словам тюремщиков, его доставил на рассвете белокурый молодой человек, прикативший в огромном чёрном экипаже и не сказавший ни слова.

Костюм занимает несколько коробок. К тому времени, как Джек его увидел, их уже перерыли тюремщики, проверяя, не спрятаны ли в одежде ножи, пилы, пистолеты и адские машины. Поэтому всё комом, всё захватано грязными руками. Тем не менее, висельный костюм нимало не утратил своего исходного великолепия.

Нижний слой — тот, что соприкасается с Джеком — включает подштанники из тонкого египетского хлопка, белые чулки турецкого шёлка и рубаху; на неё ушло столько белого ирландского полотна, что хватило бы на перевязочный материал для пехотной роты в непродолжительной европейской войне. И «белый» в данном случае означает именно кипенно-белый, а не тот грязно-бежевый, который сходит за белый в плохо освещённых торговых рядах.

Второй слой состоит из панталон, долгополого жилета и верхнего камзола, всё — металлических оттенков. Джек уверен, что они и впрямь

из металла. Жилет — золотой, парчовый. Панталоны и камзол — серебряные. Все пуговицы золотые. Джек думает, что они, как поддельные гинеи, из свинцово-оловянного сплава, покрытого тончайшей золотой плёнкой. Однако, когда он надкусывает пуговицу зубами (фальшивыми), во вмятине не видно серого. Пуговицы литые, на всех один и тот же рисунок, такой мелкий и сложный, что Джек в полутёмной комнате не может его разобрать.

Третий слой, тот, которому предстоит касаться земной грязи, включает чёрные башмаки с серебряными пряжками, багряный плащ, отороченный мехом, обшитый золотым и серебряным галуном, с пуговицами из тех же металлов, и белый парик.

У висельного костюма множество карманов, и некоторые заранее набиты монетами. Теперь Джек может раздавать чаевые тюремщиками, кузнецам, кучерам и палачам, с которыми ему предстоит иметь дело в течение дня. Удивительно, что надзиратели, проверявшие коробки, не забрали монет и не срезали пуговиц. Надо думать, загадочный персонаж, привезший костюм, помимо взяток пустил в ход угрозы суда и физической расправы.

Поднимаясь по лестнице в часовню, Джек дал надзирателю шиллинг за следующую услугу:

Всякий обитатель Ньюгейта, входя в часовню, на мгновение замирает, оглоушенный ярким светом, своего рода оптическими фанфарами. На самом деле света едва хватает, чтобы ординарий мог читать по стофунтовой Библии. Но по сравнению с остальным Ньюгейтом часовня залита сиянием.

Дом Господень занимает лучшую часть тюрьмы, то есть юго-восточный угол верхнего этажа. Несколько окон обращены к утреннему солнцу, в остальные оно светит днём (когда вообще светит). Сегодня небо безоблачное. Джек попросил у надзирателя разрешения по пути к унылой скамье чуточку понежиться в лучах из восточного окна.

Сделка заключена. Джек идёт в угол и несколько мгновений стоит в призме света. Его слепит блеск собственного одеяния. Он поворачивается к окну, чтобы старые неподатливые зрачки сузились до размера блох. Потом смотрит на восток. Прямо под ним Феникс-корт пересекается с прямым и узким путём в Олд-Бейли. Дальше он ограничивает с севера сад за Коллегией врачей.

Глядя отсюда, с командной высоты, Джек немного разочарован: здание Коллегии врачей

по-прежнему стоит. Да, с прилегающей территории поднимаются дымки, но не потому, что его ночью спалила толпа. Дым идёт от походных костров. Сад превращён в бивуак для (Джек пересчитывает палатки) роты солдат. Нет, не просто солдат. (Джек всматривается в мундиры.) Гренадеров. В армии они самые рослые (потому что должны таскать на себе много тяжеленных гранат), самые тупые (объяснения излишни) и самые опасные для толпы (учитывая, какой эффект производит граната в скоплении народа). Самый подходящий род войск, чтобы разместить у себя в саду, если вы знатны и ждёте ночного визита черни.

Пользуясь случаем, Джек берётся за пуговицу на камзоле и поворачивает её к свету. Прежде всего, он видит, что она пришита не очень крепко, всего несколькими стежками. Но это он заметил ещё раньше, когда застёгивался в темноте. Сейчас Джек хочет рассмотреть эмблему на пуговицах. На свету он сразу её узнает: это символ, которым алхимики обозначают ртуть.

Всё предстаёт ему в новом свете, и не только буквально. Он кивает тюремщику, и тот ведёт его по центральному проходу, как сияющую невесту, к восхищению товарищей по скамье и досаде

ординария.

Недостаёт только жениха, мистера Джека Кетча, который сейчас у себя в поварне надевает чёрный парадный костюм для церемонии: она состоится позже, на открытом воздухе, перед всем населением юго-восточной Англии, плюс-минус многое множество.

Служба идёт своим чередом, включая приличествующие случаю чтения из Ветхого и Нового Завета. Ординарий заранее отметил нужные места закладками. В Ветхом Завете это грубая чёрная лента; сам отрывок, в христианской службе, имеет одну-единственную цель — показать, как худо бы нам пришлось, останься мы иудеями. Дочитав его, ординарий берёт пальцами три дюйма, то есть примерно пятьдесят фунтов страниц и переворачивает их, пропуская кучу полоумных пророков и занудных псалмов и оказываясь точняком в Новом Завете. Ещё чуть-чуть, и он на странице, отмеченной самой непристойно-яркой закладкой, какую Джек когда-либо видел: широкой полосой жёлтого шёлка с золотым медальоном на конце. Ординарий зажимает медальон в руке, вынимает ленту из Библии, аккуратно складывает и *убирает к себе в карман*. В продолжение всего процесса его взгляд

устремлён на Джека.

Джек понимает, что получил знак.

Ординарий читает. Это не один длинный отрывок, а череда выхваченных кусков — для тех, кому трудно сосредоточиться и мало осталось жить.

— «После сих слов, дней через восемь, взяв Петра, Иоанна и Иакова, взошел Он на гору помолиться. И когда молился, вид лица Его изменился, и одежда Его сделалась белою, блистающею». Лука, 9, 28-29.

«Случилось, что когда они были в пути, некто сказал Ему: Господи! я пойду за Тобою, куда бы Ты ни пошел. Иисус сказал ему: лисицы имеют норы, и птицы небесные — гнезда; а Сын Человеческий не имеет, где преклонить голову». Лука, 9, 57-58.

«На это сказал Иисус: некоторый человек шел из Иерусалима в Иерихон и попался разбойникам, которые сняли с него одежду, изранили его и ушли, оставив его едва живым. По случаю один священник шел тою дорогою и, увидев его, прошел мимо. Также и левит, быв на том месте, подошел, посмотрел и прошел мимо. Самарянин же некто, проезжая, нашел на него и, увидев его, сжалился и, подойдя, перевязал ему раны, возливая масло и вино; и, посадив его на своего осла, привез его в гостиницу и позаботился о нем».

Лука, 10, 30-34.

«Некоторый человек был богат, одевался в порфиру и виссон и каждый день пиршествовал блистательно. Был также некоторый нищий, именем Лазарь, который лежал у ворот его в струпьях и желал напитаться крошками, падающими со стола богача, и псы, приходя, лизали струпья его. Умер нищий и отнесен был Ангелами на лоно Авраамово. Умер и богач, и похоронили его. И в аде, будучи в муках, он поднял глаза свои, увидел вдали Авраама и Лазаря на лоне его». Лука, 16, 19-23.

— Чёрт побери, ну и писучий был этот ваш Лука! — говорит Джек.

Ординарий перестаёт читать и смотрит на Джека поверх очков.

Подкупить ординария — ритуал, освящённый временем, почти как Евхаристия; тут нет решительно ничего странного. Однако жёлтый шёлк, золото — своего рода подпись того, кто совершил подкуп.

— Ваше преподобие, не могли бы вы прочесть из Ветхого Завета ещё раз?

— Простите?

— Прочитайте отрывок ещё раз. Считайте это частью тех обязанностей, за которые вам запла-

чено.

Ординарий шумно листает страницы, возвращаясь в самое начало фолианта. Другие смертники ёрзают, переговариваются, некоторые даже гремят цепями. Вздёрнуть человека на виселицу ещё куда ни шло; но заставить его дважды выслушивать ветхозаветное чтение не просто необычно, а *жестоко*.

«И познал Каин жену свою; и она зачала и родила Еноха, — бубнит ординарий. — И построил он город; и назвал город по имени сына своего: Енох».

Дальше ещё на четверть часа о том, как мужи познают жён, становятся отцами и живут сотни и сотни лет. Где-то здесь Джек потерял нить при первом чтении отрывка. Сказать по правде, он снова отвлекается примерно на словах «Каинан родил Малелеила», но опять начинает слушать, когда имя Еноха звучит во второй раз: «Енох жил шестьдесят пять лет и родил Мафусаила. И ходил Енох пред Богом, по рождении Мафусаила, триста лет и родил сынов и дочерей. Всех же дней Еноха было триста шестьдесят пять лет. И ходил Енох пред Богом; и не стало его, потому что Бог взял его. Бытие, глава пятая». Ординарий тяжело вздыхает; он жаждет вина Господня, ибо

читал долго и глотка его пересохла, яко земля безводная, аминь.

— Как, чёрт возьми, это понимать? «И ходил Енох пред Богом; и не стало его, потому что Бог взял его».

— Еноха перевели, — говорил ординарий.

— Ваше преподобие! Даже неграмотный бродяга вроде меня знает, что Библию перевели с другого языка, но…

— Нет, нет. Перевели с земли на небо, если говорить просто. Если богословским языком, то вознесли. Он не умер.

— Простите?

— Когда пришло время умирать, он телесно перенёсся в вечную жизнь.

— Телесно?

— Его тело не умерло, но перенеслось, — поясняет ординарий. — Можно мне продолжать службу?

— Можно, — говорит Джек. — Продолжайте.

Новый двор, Вестминстер

Покуда Даниелева процессия собиралась в клуатре Вестминстерского аббатства, в другие более или менее древние и величественные лондонские здания стекались другие люди. Они прибыли в Вестминстерский дворец на лодках, пешком или в золочёных экипажах и теперь стоят перед Звёздной палатой, словно батальоны в ожидании битвы. Сравнение вполне оправданно. Испытание ковчега проводится с такой помпой потому лишь, что это — жестокая схватка. По сути — поножовщина между четырьмя участниками: монархом (его представляют лорды Тайного совета и королевский письмоводитель), казначейством (в стенах которого проводится испытание), Монетным двором (что в данном случае равнозначно имени «сэр Исаак Ньютон») и средневековой гильдией златокузнецов. Цель — добыть неоспоримые улики против сэра Исаака Ньютона, найти его безусловно виновным в государственной измене, то есть в хищении с Монетного двора, и тотчас наказать, не оставив ему ни малейшей лазейки для обжалования. Кара может варьировать от вечного позора и поноше-

ния до отсечения правой руки (обычная мера в отношении бесчестных монетчиков) и даже до того, что вскорости предстоит Джеку Шафто на Тайберне. Истцы, обвинители и дознаватели — златокузнецы, представленные здесь коллегией из двенадцати присяжных в подходящих случаю средневековых нарядах, сверкающих золотой парчой. Выбор неслучаен: золотых дел мастера издревле недолюбливают Монетный двор и с подозрением относятся к его продукции. Временами недоверие перерастает в открытую вражду. За те годы, что сэр Исаак руководит Монетным двором, вражда сделалась нормой жизни. Исаак нашёл способ урезать прибыль златокузнецов от поставок металлов Монетному двору. Те в отместку изготовили образцовые пластины такой высокой пробы, что Исааку очень трудно им соответствовать. Ибо златокузнецы и люди вроде мистера Тредера много выиграют, если Исаака удастся поймать на недобросовестности.

Пристав канцелярии выходит во двор и приглашает Даниеля со товарищи. Они вступают под своды дворца и оказываются в Звёздной палате. Когда Даниель был здесь последний раз, он сидел, привязанный, и Джеффрис мучил его забавы ради. Сегодня обстановка несколько иная. Мебель

вынесли или сдвинули к стенам. Посредине настелили доски, а на них сложили платформу из кирпичей. На ней стоит печь вроде той, в которой Даниель плавил вчера кольцо. Кто-то топил её с раннего утра; сейчас она раскалена докрасна и готова к использованию.

Они проходят в боковую комнату. Здесь Мальборо, сидит во главе стола рядом с лордом-канцлером, канцлером счётной палаты, новым первым лордом казначейства — преемником Роджера — и другими членами Тайного совета. Центральное место за столом отведено человеку в белом судейском парике, баронской треуголке и чёрной мантии; по обе стороны от него писари и помощники. Это, как догадывается Даниель, королевский письмоводитель; его должность — одна из древнейших в королевстве. Он хранит печать, без который недействительны решения главы казначейства, и от имени короля заправляет финансовым ведомством, в частности, председательствует на испытании ковчега.

Испытание не может пройти без того, что Даниель торжественно доставил из аббатства. Дальнейшая процедура обставлена различными церемониями, но, по сути, проста: Даниеля и пятерых ключарей вызывают к столу. Коро-

левский письмоводитель требует идентуры, разновески и образцы, каковые ему и вручают, но прежде Даниель и остальные ключари клянутся на стопке Библий, что идентуры, разновески и образцы — те самые. Один из секретарей королевского письмоводителя открывает шкатулку с пластинами. Их две, одна золотая, другая серебряная, на обеих убористым курсивом написано, до чего они чистые и подлинные; то же подтверждают многочисленные клейма златокузнецов. Секретарь зачитывает текст вслух. Приглашают и приводят к присяге следующую партию участников: она явилась из королевского казначейства в Вестминстере и доставила шкатулку, запечатанную восковой печатью лорд-мэра. Вводят лорд-мэра. С ним коллегия из двенадцати представителей Сити; в их числе мистер Тредер. Лорд-мэр говорит, что печать на шкатулке и впрямь его собственная. Шкатулку открывают. Внутри на зелёном бархате лежит штемпель. Мэр и представители Сити сравнивают штемпель с оттисками на образцах металла, все соглашаются, что совпадение полное. Это и впрямь пластины, изготовленные золотых дел мастерами, чтобы проверить сэра Исаака Ньютона; испытание может продолжаться.

Тот же обряд совершают над разновесками. Они лежат на зелёном бархате, каждый в своём углублении. На самом большом — из пинты с лишним меди — оттиснуто «500 шиллингов», на тех, что поменьше, — «1 шиллинг», «4 пенса», «1 пенс» и так далее до самых маленьких, которые можно брать только пинцетами. Пинцеты с ручками из слоновой кости лежат в той же шкатулке.

— Пригласите златокузнецов, — возглашает королевский письмоводитель. Даниелю и его свите он говорит:

— Можете встать здесь, — и указывает на свободное место в углу. Даниель ведёт своих спутников туда и, повернувшись, ловит на себе взгляд герцога Мальборо — напоминание (если Даниелю ещё нужны напоминания), что час настал. Новую Систему ждёт первая проверка в худших мыслимых обстоятельствах: Монетным двором заведует больной, возможно, выживший из ума алхимик, содержимое ковчега подменил бродяга, который скоро отправится на встречу с Творцом, так и не дав нужных показаний. И нет рядом Роджера, который бы всё уладил.

Каменная наковальня, Ньюгейт

— На меня снизошла Божья благодать! — объявляет Джек Шафто.

— Где, здесь?! — изумляется его собеседник, плечистый малый в чёрном кожаном капюшоне.

Они стоят в очереди в главном зале. Вернее, Джек Шафто стоит, а малый подошёл, чтобы получше разглядеть висельный костюм.

Главный зал — название чересчур торжественное. Это просто самое большое помещение в тюрьме, если не считать часовни; узники, озабоченные поддержанием фигуры, ходят здесь бесконечными кругами. В центре их орбиты — большой каменный блок, снабженный простейшими орудиями кузнечного ремесла. Арестанты — народ шумный; обычно здесь бушует ураган проклятий, шторм площадной брани. Однако сейчас каждому зажало рот изумление. Все смотрят, как два самых знаменитых лондонских Джека, Шафто и Кетч, мило беседуют, словно Аддисон и Стил. Слышно только, как скребут по полу цепи и горланит за стенами толпа.

Со стороны наковальни доносится душераздирающий лязг. С очередного узника сняли

кандалы. Теперь свободу его движений ограничивает только верёвка, которой Кетч связал его локти за спиной.

— Гостия имеет форму монеты, — замечает Джек.

Он тут же жалеет о своих словах. Кетч нашёл их смешными и, забывшись, показывает дёсны с дырками от выпавших зубов, а также с несколькими, которые скоро выпадут. Капюшон, увы, закрывает лицо только до носа. Наверняка у Кетча дома целый сундук вставных челюстей, благо возможностей их заполучить у него больше, чем у любого лондонца; почему-то сегодня он их не надел.

— Но сколь же хлебные монеты драгоценнее золотых! — восклицает Шафто. — Золото и серебро открывают двери клуба или другого разгульного места. Хлебные монеты откроют мне двери рая. Если в следующие часа два я справлюсь с некой задачей.

Кетч совершенно теряет интерес. Сколько раз другие клиенты говорили ему подобное? Он вежливо просит его извинить, проходит в начало очереди, связывает руки следующему узнику.

Когда Кетч возвращается, видно, что всё это время он размышлял о Джековом костюме.

— У вас уже не будет случая переодеться, — произносит он.

— Ну и мастер же вы говорить обиняками, Джек Кетч! — восклицает Шафто.

— Да просто некоторые всезнайки утверждают, будто вы без средств.

— Вы думаете, что я взял костюм напрокат?! Не верьте сплетникам, мистер Кетч, они того не стоят. Костюм в такой же степени мой, как этот превосходный плащ с капюшоном — ваш.

Вновь раздаётся лязг. Кетч опять просит его извинить и связывает руки арестанту, стоящему прямо перед Джеком. При этом он раз или два хлюпает носом, как будто воздух главного зала ему вреден. Однако из всех лондонцев Кетч должен быть самым невосприимчивым к миазмам и сырости.

Когда он снова оборачивается, Шафто удивлён и немного встревожен: из-под капюшона по щеке катится слеза. Кетч подходит близко, настолько, что Шафто, вытянув шею (Кетч на голову выше), различает каждую отдельную дырку в его последнем невыпавшем переднем зубе.

— Вы и представить не можете, как много это для меня значит, мистер Шафто.

— Не могу, мистер Кетч. Так что же?

— Я в долгах, мистер Шафто, по уши в долгах.

— Не могу поверить!

— Бетти, хозяйка моя, рожает каждый год. Вот уже восемь лет.

— У вас восемь маленьких Кетчей? Поразительно, что вы, при своём роде занятий, так щедро производите новую жизнь!

— После предыдущей казни меня пытались арестовать на улице! Я не помню такого позора!

— Ещё бы! Человека столь почтенной профессии останавливают в публичном месте и объявляют несостоятельным должником. Немыслимое унижение!

— Что подумали бы обо мне мои мальчики, попади я в Ньюгейт!

— Вы и так в Ньюгейте, мистер Кетч. Впрочем, не обращайте внимания, я вас понял.

— Им пришлось бы переселиться ко мне. Сюда.

— Не лучшее место для воспитания маленьких детей, — соглашается Шафто.

— Вот почему… простите. — Кетч заходит Шафто за спину, достаёт очередной кусок верёвки и продевает ему под локти. Кетч делает петлю и начинает её затягивать, сводя локти Шафто вместе — но только самую малость.

— Жалко было бы помять костюм, — замечает

Шафто.

— О да, мистер Шафто, хотя для меня всего важнее ваше удобство.

Джек невольно улыбается этой отговорке. Так, с улыбкой на губах, он делает шаг вперёд и ставит безупречно начищенный башмак на каменную наковальню.

— Поосторожнее маши молотком, любезнейший, — обращается он к кузнецу — рябому арестанту, который, судя по виду, сидит в Ньюгейте с Великого пожара. — Для меня эта одежда ничто, но скоро она отойдёт моему доброму другу мистеру Кетчу. Ибо мистер Кетч не только мой добрый друг, но и, по давней традиции нашего королевства, единственный наследник. Всё, что на мне надето и лежит у меня в карманах, становится его собственностью в тот же миг, как я испущу дух. В карманах у меня несколько монет различного достоинства. Если вы будете работать усердно и не поцарапаете башмаки, мистер Кетч, возможно, сунет руку мне в карман и достанет в качестве вознаграждения довольно крупную монету; но если вы их испортите, мистер Кетч, сокращая свои убытки, не даст вам ничего.

В итоге кузнец снимает с Джека цепи дольше, чем со всех остальных смертников, вместе

взятых. Наконец, кандалы сняты, и кузнецу вручается шиллинг из Джекова кармана рукой Кетча.

Испытание ковчега

Каждое испытание ковчега проходит по-своему. Частности меняются в зависимости оттого, кто нынче сильный волк и кто — бессильный ягнёнок. В древности лорд-мэр и всё население Сити следили за церемонией от начала до конца, что было вполне оправдано: обитатели Сити сильнее других зависят от надёжности монетной системы. Испытания были шумными и многолюдными. Со временем представительство Сити свелось к двенадцати выборным. Они принимали участие в тех стадиях испытания, которые не требовали специальных златокузнечных навыков, и следили за златокузнецами на остальных этапах, а когда пробирщики оглашали вердикт, выходили на улицы Лондона и делились с согражданами дурной или хорошей новостью.

За последние столетия число наблюдателей от Сити уменьшилось настолько, что сэр Исаак Ньютон счёл должным заявить протест: испытание ковчега превратилось в тайный ритуал, который вершат златокузнецы, без надзора, никем не проверяемые. Можно смело сказать, что гильдии это заявление понравилось не больше, чем все

прежние действия Исаака на посту директора Монетного двора. Однако их цель — уличить его в мошенничестве и добиться, чтоб ему (по меньшей мере) отрубили руку перед Вестминстерском дворцом — не будет достигнута, если Исаак обжалует испытание под тем предлогом, что оно якобы подтасовано гильдией. Посему маятник традиции качнулся назад, хоть и не настолько, чтобы приглашать Сити в полном составе. Всё по полной форме, с двумя коллегиями присяжных. Город представлен не только лорд-мэром, но и двенадцатью заседателями, независимыми от златокузнецов. И они будут не просто смотреть, но и — в лице своего избранного делегата, мистера Тредера — участвовать. Только после того, как всю дюжину приводят к присяге и отправляют в свой угол, можно вызывать главных действующих лиц и начинать собственно испытание.

Королевский письмоводитель требует внести ковчег. Пристав выходит и через минуту возвращается с графом Лоствителским. Следом четыре королевских курьера тащат на носилках ковчег. Его ставят на стол. Лоствител подтверждает, что это действительно ковчег, доставлен прямиком из Тауэра без всяких фокусов-покусов.

Теперь королевский письмоводитель обра-

щается к приставу с просьбой ввести вторую коллегию присяжных. Через минуту входят двенадцать пышно разодетых златокузнецов и выстраиваются в ряд. Они не в силах отвести глаз от ковчега, по крайней мере, пока королевский письмоводитель произносит следующее:

— Клянётесь ли вы честно и добросовестно, согласно своим знаниям и усмотрению, проверить золотые и серебряные монеты, помещённые в сей ковчег, и правдиво сообщить, соответствуют ли сказанные монеты весом и пробой стандартам королевского казначейства, а также отвечают ли монеты составом и прочая, идентуре, заключённой между его величеством и директором Монетного двора его величества, да поможет вам Бог?

— Клянёмся, — говорят златокузнецы.

Покончив с ними, королевский письмоводитель приглашает директора Монетного двора. Этого человека и этой минуты ждали все. Глаза и головы поворачиваются к приставу, следят за ним, пока он идёт из комнаты, и замирают. В Звёздной палате, затем в галерее слышна его удаляющаяся поступь.

Они ждут, ждут и ждут, и вот уже всем ясно: произошла непредвиденная заминка. Кто-то

из представителей Сити вполголоса отпускает остроту. Кто-то из златокузнецов довольно громко произносит: «Может, он смотрит повешенье!», его сосед подхватывает: «Может, он сбежал во Францию!», пока на них не шикает грозно сам герцог Мальборо.

Когда шум затихает, слышно, что к Звёздной палате приближаются люди: куда больше, чем вызывал королевский письмоводитель. Свита, или кто там они, остаётся за дверью. Пристав входит, ведя под руку молодую даму. Они идут через палату. Дама с любопытством поворачивает голову к пробирной печи; алое пламя озаряет лицо. Даниель узнаёт Катерину Бартон.

Она входит в боковую комнату, и пристав объявляет её имя. Слава мисс Бартон огромна: все таращатся, начисто позабыв про приличия. Лучше бы уж она явилась в чём мать родила.

— Милорды, — начинает Катерина Бартон; в помещении столько сановных мужей, что она не пытается угадать, кто из них главный. — Сэр Исаак Ньютон болен. Я сидела с ним последнюю неделю и уговаривала его не являться на ваш зов. Он не внял моим убеждениям и велел, чтобы его всенепременно сюда доставили. Он очень слаб, и я распорядилась, чтобы его принесли в портшезе.

Если милорды позволят, я скажу, чтобы портшез внесли сюда.

— Как его сиделка, мисс Бартон, считаете ли вы, что он в состоянии понимать происходящее и отвечать перед судом? — спрашивает королевский письмоводитель.

— О да, он в сознании, — говорит мисс Бартон. — Однако, поскольку сэр Исаак очень слаб, он попросил доктора Даниеля Уотерхауза действовать от его имени.

Разобравшись, что главный тут — королевский письмоводитель, она делает шаг вперёд и вручает письмо, видимо, написанное Исааком и содержащее ту же просьбу.

Даниель с несвойственной ему прытью выходит на середину комнаты, пока многие ещё выискивают его глазами в толпе.

— Если милорды согласны с предложением сэра Исаака, я почту за честь служить его рукою и голосом.

Собравшиеся переглядываются, но поскольку это не меняет содержимое ковчега и текст иденту́ры, то, по сути, не важно. Важные сановники кивают. Королевский письмоводитель дважды перечитывает письмо и, наконец, объявляет:

— Принято! Доктор Уотерхауз, совет выражает

вам признательность. Э… так внести сюда портшез сэра Исаака?

— Поскольку прецедентов нет, позвольте мне высказать предложение, — говорит Даниель. — Мы ведь вскоре переместимся в Звёздную палату, где пройдёт анализ? Чем переносить сэра Исаака дважды, мы могли бы сразу удобно устроить его в Звёздной палате. Оттуда он услышит, как читают идентуру.

— Принято!

Мисс Бартон делает реверанс и, глазами позвав Даниеля за собой, стремительно идёт через палату. Тот просит его извинить и выходит из комнаты. Все лица обращены к двери. Перед Дэниелем чёрный обелиск Исаакова портшеза; его держат два оторопелых носильщика. Мисс Бартон шёпотом распоряжается: «В угол! В угол! Нет, в этот!» Носильщики почти комически крутятся на месте, но, наконец, понимают, чего она хочет: развернуть портшез дверцей к углу, чтобы, когда его откроют, палата не видела жалкого состояния сэра Исаака. Носильщики ставят портшез, как она просит. Даниель бочком протискивается между шестом и стеной, пятится в угол. Взгляды всех в соседней комнате устремлены на него. Он поворачивает задвижку, тянет дверцу.

Первой ему предстает рука, белая и неподвижная, сжимающая богато изукрашенный ключ. Даниель открывает дверцу шире, впуская свет. Исаак привалился к стене своего чёрного ящика, глаза и рот открыты. Он совершенно недвижим. Даниелю ненадобно щупать пульс, чтобы убедиться: перед ним усопшее тело сэра Исаака Ньютона, скончавшегося на семьдесят втором году жизни от Ньюгейтской тюремной лихорадки.

Двор Ньюгейтской тюрьмы

Через десять минут они во дворе, сразу за Феникс-кортом. На самом деле это даже не двор, а укреплённый проулок. Здесь ждёт небольшой караван, который доставит их на Тайберн: фургон с различными орудиями, потребными в ремесле мистера Кетча, подвода, заранее нагруженная пустыми гробами, а в самом хвосте — волокуша. Подвода для остальных смертников, Кетча и ординария. Волокуша — для Шафто. По традиции изменника тащат к месту казни лицом назад. Такого негодяя просто повесить мало, везти его на телеге с колёсами — больно жирно.

По мере того как осуждённые проходят различные стадии процесса, их свита растёт. Сейчас во дворе человек сорок: всё больше тюремщики с дубинками, но есть и несколько констеблей. Джек видит мушкетоны. Надзиратели и констебли, образовав коридор, направляют узников к подводе. Те забираются в неё, садятся на гробы, как на скамейки. Джека ведут к его бесколесной наземной лодке. Там есть доска для сиденья, но нет гроба: к концу дня в гроб, да и в любую другую ёмкость для бренных останков, практически

нечего будет класть.

Мистер Кетч, известный аккуратист, открывает один из сундуков в своём фургоне и вытаскивает несколько верёвок. На каждой завязана петля. Кетч бросает в подводу все, кроме одной, заходит в хвост каравана и обращается к Джеку.

— Хороша, а? — восклицает он, демонстрируя удавку.

— Если бы не чёрный капюшон, вы бы светились от гордости, мистер Кетч. Однако я не понимаю причины.

— Эту верёвку я получил от пиратского капитана, которого вешал в прошлом году.

— Он захватил собственную верёвку?

— Да. Сказал, называется «перлинь». Гляньте, какая толщина!

— Он хотел, чтобы верёвка точно не оборвалась? Очень странный человек.

— Нет, нет, сейчас я вам покажу.

Кетч обходит Джека слева и через голову надевает петлю ему на шею. Верёвка такая толстая и неупругая, что затягивается с трудом. Узел под левым ухом у Джека — размером со здоровенный кулак.

— Оцените силищу, и вы поймёте, сэр! — Кетч дёргает за верёвку. Каждый раз узел давит Джеку

на голову, заставляя её наклоняться вперёд и вбок. — А гляньте, какая длинная!

Шафто поворачивается: Кетч отошёл на две морских сажени, но так и не размотал всю верёвку.

— На такой верёвке вы у меня пролетите, сколько мало кто пролетает. Уж поверьте, мистер Шафто, мало кто. К тому времени, как она натянется, у вас скорость будет, как у пушечного ядра. Вы успеете выкурить трубочку в раю задолго до того, как я отрежу вам яйца и выну внутренности, а до четвертования вам будет, как мёртвому епископу до могильных червей.

— Вы невероятно добры, мистер Кетч, и Бетти повезло, что у неё такой муж.

— Мистер Шафто. — Джек Кетч подошёл ближе и говорит очень тихо, рассеянно сматывая верёвку: — У меня больше не будет случаев с вами потолковать, пока мы не окажемся под Древом. На моём попечении есть и другие узники, а путь на Тайберн обещает быть… э…

— Весёлым?

— Я хотел сказать: «полным событий», чтобы не выразить непочтения. Я поеду на телеге. Мы не сможем переговариваться. Поскольку вы будете смотреть назад, вы не сможете меня видеть. Даже

под Древом, когда мы с вами встанем лицом к лицу, мы ничего не услышим за шумом, разве что будем орать друг другу в ухо. Поэтому я говорю сейчас: спасибо вам, сэр! Спасибо! И знайте, что вам будет не больнее, чем человеку, который в темноте ударился головой о косяк.

— В том, что касается боли, я прошу лишь то, чего заслужил, — отвечает Шафто, — и полностью доверяю вашему усмотрению, мистер Кетч.

— А я оправдаю ваше доверие, сэр! Прощайте! — говорит Джек Кетч.

Он поворачивается спиной к Шафто, словно боится снова не сдержать слёз, распрямляет плечи, приосанивается, поправляет капюшон и залезает в телегу, где ждут другие его клиенты.

Звёздная палата

Когда Даниель наконец приходит в себя, королевский письмоводитель зачитывает вслух какой-то документ. По его хриплой скороговорке ясно, что чтение длится уже немало. Даниель заглядывает в дверь и видит, что королевский письмоводитель смотрит через очки на щедрых размеров пергамент с зубчатым краем. Это одна из двух одинаковых половин идентуры, которую Исаак подписал, вступая на пост директора Монетного двора; она входит в число сокровищ, доставленных Даниелем из Вестминстерского аббатства. Там говорится, что Исаак принимает на себя полную личную ответственность за то, что обнаружат в ковчеге. Когда он подписывал эту бумагу, текст наверняка казался ему канцелярской галиматьёй; но слова, гулко звучащие в Звёздной палате перед всеми самыми значительными людьми королевства, поражают грозным величием. Даниель почти рад за Исаака, что тот умер. Он замечает, что некоторые из этих самых важных людей смотрят в его сторону, поэтому устремляет взгляд на мёртвое лицо Исаака, улыбается, кивает и что-то произносит вполголоса,

как будто разговаривает с больным.

Идентура громогласно заканчивается упоминанием Бога и государя. Королевский письмоводитель поднимает глаза и требует три ключа от ковчега.

Забирая из Исааковой руки ключ, Даниель отмечает, что трупное окоченение ещё не наступило. Исаак умер недавно.

К тому времени, как Даниель подходит к столу, другие хранители ключей уже открыли свои замки. Остался один: удивительной красоты, изготовленный в виде фасада Соломонова храма. Даниель отпирает его и откидывает засов. Два златокузнеца подходят и снимают с ковчега крышку. Слышно, как хрустят позвонки государственных мужей — все тянутся поглядеть, что внутри. В ковчеге грудой лежат кожаные мешочки, называемые синфиями. Каждая синфия помечена месяцем и годом.

— Присяжные могут удалиться в Звёздную палата для проведения анализа, — объявляет королевский письмоводитель.

Покуда присяжные ещё мнутся и шушукаются, Даниель с ключом в руке быстро направляется к портшезу. Мисс Бартон встала перед чёрным ящиком, лицом к комнате, словно желая убе-

речь дядюшку от доброжелательного — а заодно недоброжелательного — внимания. Глаза её немного красны, но когда Даниель подходит и ободряюще кладёт ей руку на плечо, он чувствует под рукавом платья упругую силу. Через мгновение мисс Бартон стряхивает его ладонь и движением глаз отсылает Даниеля в угол.

Многие лондонские повесы мечтали бы прочесть в этих прелестных глазках «иди сюда», но Даниелю приходится довольствоваться взглядом, говорящим: «ступайте туда».

— Он сказал, — шепчет мисс Бартон, — вы знаете, что делать.

Поэтому Даниель идёт в угол, снова открывает дверцу портшеза, удостоверивается, что Исаак мёртв (вообще-то проверка излишня, но от Исаака никогда не знаешь, чего ждать). Он просовывает голову и плечи в портшез, трогает у Исаака под мышкой — тело ещё не совсем остыло. Даниель поднимает глаза. Перед ним корсаж Катерины Бартон (вид со спины) и, дальше, вся Звёздная палата. Сквозь чёрную материю портшеза всё кажется темнее обычного, но зрение быстро привыкает. Разумеется, его и Исаака никто не видит.

Представители Сити опрокидывают ковчег на большой стол рядом с печью. Синфии валятся гру-

дой. Некоторые соскальзывают на пол, их ловят и водворяют на место. Ковчег — пустой, открытый и перевёрнутый — ставят на пол. Двадцать четыре присяжных — златокузнецы и выборные от Сити — какое-то время работают вместе: читают надписи на каждой синфии и делят их на две кучи. В одной серебро — шиллинги, шестипенсовики и мельче, в другой золото — гинеи и редкие монеты достоинством пять гиней. Мистер Тредер занял господствующую позицию во главе стола, куда отправляются золотые монеты. Перед ним весы. Он перочинным ножом быстро вскрывает синфии, освобождает желтяки из смирительных рубашек и складывает на стол. Время от времени он берёт монетку в руку и подбрасывает. Даниель не знает, что это: нервный тик или попытка оценить вес.

Здесь обойдутся без него, поэтому Даниель переносит внимание на то, что в портшезе.

Он сказал, вы знаете, что делать. И да, и нет.

Даниель прочёл документ, написанный Гуком, где утверждалось, что пациент (некий Даниель Уотерхауз, но это к делу не относится) умер и был воскрешён составом, который приготовил алхимик. Гук, как мог, записал рецепт по памяти. Позже Исаак изучил документ с дотошностью, на

какую способен только Исаак, и подробно откомментировал на метафорическом языке, в чудной символике эзотерического братства. Даниель знает жаргон и значки куда лучше, чем хотел бы, по юным дням, проведённым среди подобных людей. У него было несколько дней, чтобы проштудировать рецепт и Ньютоновы комментарии, разобрать их смысл. В предыдущие недели Исаак неоднократно пытался осуществить все шаги, кроме заключительного. Когда Даниель два дня назад приступил к работе в его лаборатории, нужные тигли, реторты и прочая стояли на столе. Здесь же были и все ингредиенты. Все, за исключением последнего и самого главного.

Даниель вынимает из кармана деревянную коробочку, ставит её Исааку на колени и открывает. Внутри закупоренный стеклянный пузырёк с алой жидкостью и бумажный пакетик, вроде синфии, не больше Даниелева ногтя. Даниель очень осторожно его разворачивает. В пакетике золотая пыль — остатки кольца, которое Даниель вчера расплавил, чтобы сделать поддельную гинею. Половину гинеи разрезали на кусочки; они сейчас у мистера Тредера в рукаве. Вторую половину Даниель долго и нудно тёр напильником, пока не источил всю, а пыль сложил в

бумажный пакет. Частички такие маленькие, что их без микроскопа не различить. Это значит также, что у них огромная площадь поверхности, и в вещество легко проникнуть любой внешней субстанции. Сейчас эта субстанция воздух, и ничего вроде бы не происходит. Но пришло время осуществить последний шаг, то есть высыпать золотую пыль в совершенно другую субстанцию, куда более химически активную.

Даниель берёт пузырёк, вытаскивает пробку и, не останавливаясь, высыпает внутрь порошок Соломонова золота. Он большими пальцами вдавливает пробку на место и встряхивает пузырёк.

Всю внутренность портшеза пронизывается оранжево-алое сияние. Даниель видит, что свет пробивается сквозь его ладони. Однако тепла нет; это подобно *kaltes feuer*, холодному свечению фосфора.

Даниель прячет пузырёк под полу Исаакова камзола, чтобы свет не бил в окно портшеза, потом с опаской вытаскивает пробку. Вещество в пузырьке клубится и вспыхивает, словно грозовые облака. Ноздрей касается запах, которого Даниель не может определить, но знает, что обонял его раньше. Запах рождает сильнейшее

желание поднести жидкость к губам и выпить. Даниель перебарывает себя и задумывается, как дать её Исааку. Вводить надо через рот, так написано в рецепте. Но как заставить мёртвого пить? В записках Гука упоминалась лопаточка. Встряхивая пузырёк, Даниель видит, что магма стала густой, как овсянка — она застывает. Ещё немного, и она затвердеет, тогда всё пропало. Даниель хватает единственный предмет, сколько-нибудь похожий на лопаточку — ключ от Исаакова замка. Как ложкой, он достаёт ключом комок вещества размером с фалангу своего мизинца и заносит Исааку в рот. Переворачивает ключ и вытирает его об Исааков язык.

Даниель смотрит в окно: не заметил ли кто свет. Однако все заняты ритуалом, происходящим на столе. Мистер Тредер положил на одну чашу огромных барочных весов гинеи, на другую — доставленную из аббатства гирьку.

Даниель зачёрпывает ещё. Пузырёк уже наполовину пуст. Вещество продолжает густеть, но пока отделяется. По счастью, к себе оно липнет сильнее, чем ко всему остальному, примерно как ртуть: не оставляет мокрых следов, не пристаёт к ключу и стенкам пузырька. В последний приём Даниель выбирает его из пузырька всё,

ключ выходит изо рта у Исаака чистым. Сияние погасло. Даниель решается дрожащей рукой взять Исаака за подбородок и оттянуть челюсть, чтобы заглянуть в рот. Он потрясён: вещества нет, словно никогда и не было. Оно впиталось в Исаакову плоть: вегетативный дух, или что уж там содержалось в составе, пронизал инертную материю трупа.

— Я нашёл, что эти монеты имеют удовлетворительный вес, — объявляет мистер Тредер, — посему предлагаю обратиться к нашим добрым друзьям, гильдии златокузнецов, с просьбой осуществить пробирный анализ.

Говоря, он смотрит в сторону Даниеля.

— Гильдия златокузнецов готова провести анализ, — объявляет старшина присяжных. — Плавщиком будет мистер Уильям Хам.

Уильям выходит вперёд и обращается к мистеру Тредеру:

— Мне потребуется честный образец металла весом двенадцать гран, с вашего позволения, сэр.

— Коллегия представителей Сити оказала мне честь избрать меня взвешивателем, — с готовностью отзывается мистер Тредер. — Я предлагаю согласно обычаю отрезать от нескольких монет по кусочку общим весом двенадцать гран.

— Гильдия златокузнецов согласна, — говорит плавщик.

— Тогда давайте смешаем гинеи из синфий, чтобы получить честный образец, — говорит взвешиватель.

Все гинеи со стола золотой лавиной смахивают в ковчег. Под внимательными взглядами двадцати трёх присяжных (и Даниеля, который отошёл от портшеза и приблизился к столу, чтобы посмотреть), один из представителей Сити тщательно перемешивает гинеи рукой. Он занимается этим довольно долго, потом отводит взгляд, демонстрирует собравшимся пустую ладонь, запускает её в ковчег, вытаскивает одну гинею и кладёт на стол перед взвешивателем.

Одиннадцать представителей Сити делают то же самое. Теперь перед мистером Тредером выложены в ряд двенадцать случайно выбранных гиней.

Церковь Гроба Господня

Люди добрые, усердно молитесь за грешников, идущих на казнь, по ним же звонит колокол. А вы, осуждённые на смерть, покайтесь слёзно; просите Господа спасти и помиловать души ваши ради крестных страданий и смерти Иисуса Христа, сидящего ныне одесную Отца и ходатайствующего о всех, с раскаянием к нему прибегающих. Господь да помилует вас! Христос да помилует вас!

Звонарь церкви Гроба Господня

Когда его вытаскивают из двора, он с изумлением видит, что решётку опустили, отрезав Ньюгейт-стрит от Холборна. Слышно, как по ту сторону бушует толпа, но от Джека её загораживает кавалерийский эскадрон, выстроившийся перед решёткой, как для атаки.

Джекова личная церемониальная волокуша вползает на улицу; он смотрит назад, то есть в сердце старого Лондона. По идее он должен видеть всю Ньюгейт-стрит и Чипсайд до Биржи, на мили, но видит только ещё солдат. Эскадроны

выезжают из Феникс-корта справа и с территории больницы Христа слева, строятся в широкой части улицы. Очень странно.

Воздух странно давит на голову. Из-за шума толпы трудно угадать почему, потом Джек вспоминает: каждый колокол в Лондоне приглушенно гудит, возвещая о процессии висельников.

Первый отрезок трёхмильного пути короткий: меньше сотни ярдов от решётки Ньюгейта до церкви Гроба Господня. Караван преодолевает их минут за двадцать. Джек уже готов поверить, что путь будет не таким трудным, как гласит популярная легенда. Ему помнится, что раньше толпы были многолюдней и необузданней. Но он последний раз смотрел на процессию висельников ещё до Великой чумы, а детским глазам всё видится больше.

Тем не менее у него вдоволь времени, чтобы избавиться от верёвки, которой связал ему локти Джек Кетч. Узел с самого начала свободный, и его несложно стянуть, упирая в грубые доски. Джек уже собирается бросить верёвку в толпу, потом решает, что она ещё пригодится. Он много плавал по морям и умеет вязать узлы. Быстрее, чем толпа успевает выкрикнуть «Джек Шафто!», он завязывает булинь и продевает в него ступ-

ню. Узел цепляет за каблук, получается стремя. Запустив руку в панталоны, Джек в несколько малопочтенных движений пропускает верёвку вдоль ноги, под штаниной. Затем протаскивает её под рубашкой. Снова в ход идут моряцкие навыки: Джек несколько раз обматывает верёвку вокруг петли и закрепляет.

Он не может посмотреть вперёд, но знает, что они у церкви Гроба Господня, потому что колокол гудит очень громко, и к гулу присоединился знакомый, но неприятный звук. Звонарь вновь завёл свою монотонную мелодию. С ним подкрепление: викарий и различные церковные прислужники и прихлебатели. Джек сварливо думает, что большинство из них согласилось участвовать в церемонии с единственной целью — посмотреть на процессию висельников из первых рядов.

На ступенях церкви разыгрывается некий ритуал, совершенно неслышный для Джека, который и в обычной-то жизни туговат на ухо. Он готов вылить на звонаря новую порцию оскорблений, но воздерживается. Конечно, эти люди невероятно скучны, но они стараются для его блага. А кое-кто из преступников рангом пониже, в подводе, возможно, даже получает какое-то утешение.

Смысл затеи состоит в том, что когда-то церковь

Гроба Господня стояла за чертой города — последний храм Божий по пути на Тайберн; здесь узнику представлялся самый распоследний случай покаяться. В сегодняшнем Лондоне они минуют ещё кучу выстроенных Реном церквей, но традиция есть традиция. Англиканскую церковь можно только похвалить за такое упорство.

Обряд, в чём уж он там состоял, недолог, затем служки бегут к арестантам с букетиками и кубками вина. Джек с благодарностью принимает то и другое, лезет в карман за деньгами. Толпа это видит и поднимает одобрительный рёв — как будто прибой накатывает на галечный берег в миле отсюда. Поэтому Джек подзывает звонаря и даёт ему за труды целую гинею, предварительно её надкусив. Шутка вызывает смех даже у солдат. Джек, видя, как удачно получилось, дожидается, пока викарий спустится по ступеням, вручает ему гинею — свою последнюю — с просьбой положить в кружку для бедных и жмёт руку. В итоге викарий чуть не зарабатывает вывих, потому что волокуша резко трогается с места. За это надо благодарить Кетча: тот увидел, что гинеи Шафто — то есть его, Кетча, гинеи — переходят в недостойные руки церковнослужителей! Он гонит караван с такой скоростью, словно их пре-

следуют орды монголов. Только когда опасность далеко позади, а караван набрал приличную скорость, Кетч вновь оборачивается. Его рот полуоткрыт, челюсть с гнилыми зубами отвисла, на лице явственно написано: «Да ты соображаешь, что делаешь? Я мог бы год кормить семью на то, что ты сейчас роздал!» Таким образом, Джека уволакивают от церкви Гроба Господня, не дав ему времени даже задуматься о покаянии, ради которого и делалась остановка. Либо он покаялся сегодня утром в тюремной часовне, либо уже не покается никогда.

Однако, кроме шуток, он думает, что, наверное, покаялся. Что-то и впрямь произошло. Какая-то решётка с грохотом опустилась, отрезав долгую дурную часть его жизни от короткой лучшей. Это как-то связано с тем, что он съел хлебную монету. Есть тут некая сила. Джек думает, что причина в единении со всеми, кто когда-либо принимал эту монету. Божье законное платёжное средство. В итоге сегодня утром Джек чувствует странную общность со всем христианским миром — ощущение для него довольно диковинное. А христианский мир явно отвечает Джеку взаимностью, потому что в полном составе пришёл на него смотреть.

Только сейчас он осознаёт огромность и мощь толпы. До сих пор он смотрел на неё, словно зритель из зала. Теперь всё переменилось. Джек — актёришка, получивший свой час на сцене, публика — весь Лондон. Или, поскольку многие пришли издалека, скажем для простоты: «вся Вселенная». Народ отзывается на малейший его жест, даже на то, чего он вовсе не делал. Смех пробегает по толпе в ответ на шутки, которые Джек якобы отпустил. Меньше чем один человек из ста доподлинно знает, что Джек здесь, поскольку большинство видит только спины (это он помнит, потому как сам когда-то стоял в таких толпах). Людей привела сюда легенда, что Джека Шафто потащат к Тайберну на волокуше; придя и не увидев его, они поддерживают себя надеждой, что он здесь. Джек Кетч, по-прежнему уязвлённый и раздавленный утратой двух гиней, без сомнения, главный зритель; он смотрит на Джеков бенефис из приватной ложи на колёсах.

Такое впечатление, что в свиту Джека включили всех лондонских констеблей, бидлов, бейлифов, дозорных и тюремщиков. Даже в обычный Висельный день им толпу не сдержать, и процессию всегда сопровождают солдаты с алебардами. Сегодня к ним добавились верховые.

Джек поначалу думал, что это кавалерия, потом разглядел мундиры Собственного его величества блекторрентского гвардейского полка — тех самых страшных драгун, которые охраняют Тауэр. Очень мило с их стороны явиться на его казнь, учитывая, сколько неприятностей он им в последние месяцы доставил. Жест широкий и, вероятно, просчитанный. Из всех королевских полков блекторрентцы больше других желают Джеку смерти и менее кого бы то ни было склонны допустить его побег. Так что, сидя на волокуше, близко к земле, Джек смотрит на толпу в просветы меж движущимися ногами драгунских коней. И всё равно видит очень много.

Собственный его величества блекторрентский гвардейский полк попал в клещи и дал себя окружить. К северу от церкви Гроба Господня лежит Смитфилд, большое открытое пространство, где торгуют скотом и время от времени проводят сожжения на кострах.[9] Его огибают две большие улицы: Гилтспер, которую процессия уже миновала, и Коу-лейн впереди. Смитфилд, как теперь ясно, стал местом сбора и загоном для

[9] Примечания: 9

Так карают женщин, признанных виновными в государственной измене; казнить их тем же способом, что и Джека, было бы неблагопристойно.

охотников посмотреть казнь. Со вчерашнего, а может, и с позавчерашнего дня гуляки стекались сюда, чтобы швырять бутылки из-под выпитого джина в ревущие костры. Заслышав колокольный звон, они ринулись по Гилтспер и Коу-лейн. Это увеличивает процессию на миллион спереди и миллион сзади.

Коу-лейн выходит на Холборн перед мостом через Флитскую канаву, который Гук построил какое-то время назад. Соответственно, здесь стратегический перекрёсток. Если толпа преградит каравану путь, то ему не перебраться через клоаку, а значит, и не попасть на Тайберн. Джек не видит моста, но знает, что они к нему приближаются, потому что дорога идёт под уклон: волокуша кренится, заставляя его податься вперёд. Они едут со Сноухилл. В любую минуту процессия может остановиться. Однако, к удивлению Джека, у основания холма они без заминки сворачивают на мост. Только на полпути через Флитскую канаву Джек понимает причину: артиллерийская рота закрепилась в начале моста и поставила здесь несколько пушек, нацеленных в сторону Смитфилда и, надо думать, заряженных цепями и картечью. Несколькими ярдами дальше такая же батарея сдерживает примерно сто тысяч людей,

собравшихся на набережной Флитской канавы. Толпа вынуждена наблюдать за процессией со стороны. Джек встаёт на волокуше и машет рукой. Десять тысяч зевак бросаются вперёд, чтобы увидеть великое событие. Скольких задавили, сказать трудно, но по крайней мере сотня летит через парапет во Флитскую канаву. Джек садится, не желая вызвать новые бедствия. Ещё два десятка зрителей падают в канаву.

Звёздная палата

Двенадцать гран составляют четверть унции; поскольку золото — самое тяжёлое вещество в мире, четверть унции меньше горошины. Однако златокузнецы столь искусны, что могут надёжно определить пробу даже такого маленького образца. Взять двенадцать гран от одной гинеи значит испортить всю затею: поставить результат в зависимость от случайных колебаний пробы, которая в конкретной монете может быть чуть меньше или чуть больше. Потому-то гинеи перемешивают и выбирают двенадцать — те самые, что лежат сейчас на куске бархата перед мистером Тредером. Тот явился, вооружённый кусачками с длинными рукоятками. Теперь он встаёт, чтоб удобней было орудовать, и в мгновение ока разрезает гинеи на половинки, затем методично откусывает у каждой из двадцати четырёх полугиней уголки. Их должно получиться сорок восемь. Они такие маленькие, что кажутся Даниелю огоньками, как будто звёзды, нарисованные на потолке палаты, отражаются в чёрном бархате. Словно безумный демиург, мистер Тредер создаёт маленький космос из полумесяцев и рассыпан-

ных звёзд. Теперь он начинает наводить порядок в хаосе, откладывая располовиненные гинеи в сторону и собирая звёзды в округлое созвездие посерёдке. Старческим пальцам трудно подцепить такую мелочь; во всяком случае, мистер Тредер раз или два облизывает их, словно книгочей, переворачивающий страницы. Все внимательно за ним следят, кроме Даниеля, чьи мысли больше заняты Исааком. Он поворачивается к портшезу и видит следующую сцену. Лорд-хранитель королевской печати вышел из боковой комнаты, где ему, как и прочим большим шишкам, положено ждать вердикта присяжных, и шаркающей стариковской походкой направляется к портшезу. Его милости втемяшилось поздороваться с Исааком. Катерина Бартон угадала намерение лорда-хранителя и глядит предостерегающе. Тот либо подслеповат, либо не считает нужным её замечать. Она преграждает ему путь. Даниель отводит взгляд, не желая видеть чудовищное нарушение этикета.

— Умоляю, милорд, не надо! — кричит Катерина Бартон. Все смотрят на неё, кроме Даниеля, который только что отвернулся.

Мистер Тредер, глянув поверх очков, прижимает пальцем звезду. Когда он поднимает руку,

звезды нет — она потушена. Однако на её место падает другая. Мистер Тредер берёт новую звезду и кладёт в кучку посередине. Он вновь облизывает пальцы. Золотинка вспыхивает на его языке и исчезает, надо думать, за надгортанником. Мистер Тредер трёт руки, как будто они озябли — так, наверное, и есть. Подмигивает Даниелю.

Коллизия в углу каким-то образом разрешилась. Все вновь смотрят на взвешивателя. Тот стоит неподвижно, руки по швам, словно за время непредвиденного осложнения не шевельнул и мускулом.

— Сэр Исаак в последнее время сделался столь нелюдим, что поневоле думаешь: он от нас прячется! — говорит мистер Тредер одному из златокузнецов, но так, что слышат все в комнате. — Что ж, через несколько минут его тайны выплывут наружу; можно схорониться от лорда-хранителя королевской печати, но не от этого!

Он кивает на печь.

Даниель вообще-то большой мастер подавлять порывы и сдерживать чувства, знает, что ему подали реплику.

— Мерзавец! — восклицает он и делает полшага вперёд, охлопывая себя в поисках нелепой шпаги, которую нацепил для сегодняшнего тор-

жественного случая. Нащупав эфес, Даниель наполовину выдёргивает клинок из ножен. Все смотрят на него. Мистер Тредер гасит очередную звёздочку, подбрасывает на её место другую и вновь облизывает пальцы.

— Доктор Уотерхауз! — говорит он чуть невнятно, возможно, потому что проглатывает кусочек золота. — Мой старый друг! Вполне ли вы здоровы?

— Я вам не друг, сэр! — вопит Даниель и хочет вытащить шпагу до конца, но более молодые руки уже схватили его за локоть, кто-то встал между ним и мистером Тредером. — Я верный друг сэра Исаака Ньютона, человека, столь преданного королю и своему делу, что он прибыл сюда, несмотря на тяжкий недуг!

Даниель засовывает шпагу обратно в ножны и выходит на открытое место между присяжными и мисс Бартон. Все смотрят на него, кроме мистера Тредера, занятого очередным фокусом.

— Извольте запомнить, сэр, что ваш долг — провести анализ честно и беспристрастно, невзирая на вражду, которую люди вашей профессии питают к сэру Исааку. Лорды совета… — Тут Даниель поворачивается, чтобы указать на боковую комнату. Непривычные ножны бьют его по щи-

колотке, подсказывая новую мысль. Он цепляется за них ногой, вскидывает руки и падает.

Присяжные с трудом давят смех. В следующий миг их лишают дара речи два очень разных, но равно гипнотизирующих события. Во-первых, Катерина Бартон подбегает к Даниелю и наклоняется ему помочь, так что все собравшиеся могут заглянуть ей за корсаж. Во-вторых, из соседней комнаты стремительно выходит взбешённый Мальборо.

— Что, во имя… — начинает герцог и недоговаривает, засмотревшись в декольте мисс Бартон.

— Пустяки, милорд, просто вспышка сильных чувств, как когда полено в камине пыхнет и летят искры, — говорит мистер Тредер. — Для нас важны только эти искры. — Он двумя руками указывает на кучку золотой крошки. — Если, как я надеюсь, доктор Уотерхауз не пострадал от своих телодвижений, я отвешу двенадцать гран для анализа.

— Со мной… всё в порядке, — объявляет Даниель. — Спасибо, мисс Бартон, — добавляет он, поскольку она только что поставила его на ноги и теперь отряхивает от пыли. — Прошу меня извинить. Продолжайте, мистер Тредер, будьте любезны.

Орудуя пинцетом, мистер Тредер одну за другой отправляет золотинки из кучи на чашку весов. На другую чашку он поставил гирьку в двенадцать гран, доставленную из аббатства. Через минуту весы приходят в движение. Взвешиватель долго и нудно меняет большие кусочки на маленькие, иногда режет их пополам.

Наконец мистер Тредер отходит от стола и воздевает руки, как священник.

— Я утверждаю, — нараспев произносит он, — что в чаше этих весов находится образец, честно отобранный из монет ковчега и весящий ровно двенадцать гран; я приглашаю плавщика определить его пробу.

Выходит Уильям Хам.

Уильям не работал златокузнецом с детства, но, как и прежде его отец, он — уважаемый член гильдии. Даниель думает, что плавщиком его выбрали не случайно: несколько дней назад Уильям смело преградил путь сэру Исааку и королевским курьерам, утверждая, что они не имеют права войти в хранилище и арестовать вклад. Его заслугу оценили. Непреклонный золотых дел мастер постоял за святость английской коммерции в банке, теперь с той же решимостью будет судить продукцию Монетного двора.

Уильям некоторое время совершал приготовления у печи. Теперь он подходит к весам, держа деревянный поднос. На подносе кусок свинца, расплющенный в тонкий неправильный диск, вроде корки от пирожка; форма для пуль, клещи и кубик из белёсого вещества со стороной меньше дюйма. Сверху у кубика округлое углубление. Уильям Хам ставит поднос рядом с весами и наклоняет чашку. Двенадцать гран золота водопадом сыплются в центр свинцового диска. Уильям Хам загибает его края и сминает свинец в ком размером с грецкий орех, кладёт на нижнюю половинку формы, накрывает верхней и стискивает клещами. Получается крохотный шарик, похожий не столько на Землю, сколько на серую щербатую Луну. Уильям кладёт его в выемку купели — так называется кубик из костяной золы. Образец входит плотно, напоминая Даниелю чертёж сферы, вписанной в куб. Уильям забирает поднос и ставит его у печи. Другими клещами убирает купель в печь. Чашечка в первые мгновения серая, затем начинает вбирать жар и отдавать его в виде света. Свинец размягчается и оседает. Уильям Хам смотрит на часы. В купели образуется выпуклая линза жидкого свинца. Зола темнеет, впитывая расплавленные металлы.

На золотой пробной пластине выгравировано: «Этот образец, состоящий из 22 каратов чистого золота и 2 каратов лигатуры в тройском фунте Великобритании, изготовлен апреля 13-го дня 1709». Покойный сэр Исаак Ньютон позволил себе выразить несогласие: он подозревал, что истинная пропорция скорее двадцать три к одному, и златокузнецы нарочно сделали пластину такой, чтобы он с большей вероятностью не прошёл испытание. Так или иначе, суть в том, что гинеи сэра Исаака должны быть почти целиком из золота, с небольшой допустимой примесью низких металлов. Другими словами, из двенадцати гран образца одиннадцать (если верить надписи на пластине) или даже больше (если златокузнецы смухлевали) должны быть чистым золотом. Чтобы проверить это химически, надо отделить золото от не-золота и взвесить. Гильдия златокузнецов давным-давно установила, что когда анализ проводится по этому методу, низкие металлы растворяются в свинце и вместе с ним впитываются в костяную золу, как в губку. Чистое золото остаётся, образуя в выемке купели так называемый королёк, что и происходит сейчас на глазах у Даниеля и присяжных. Хотя процедура вполне обыденная, Даниелю она кажется почти

такой же волшебной, как то, что произошло недавно в портшезе. Высвобождение чистого лучезарного золота из тающего свинцового шара напоминает видение, о котором говорила принцесса Каролина.

Если передержать образец в печи, золото начнёт испаряться и потеряет в весе, что нечестно по отношению к директору Монетного двора. Если недодержать, в золоте останется примесь низких металлов, что нечестно по отношению к королю. Сколько продержать купель в печи — тайное знание златокузнецов. Даниель чувствует, что Уильям безмолвно просит совета у остальных одиннадцати присяжных. Когда общее согласие достигнуто, он снова берёт клещи, вынимает купель и ставит на кирпич студиться. Свинцовая обёртка исчезла, купель стала угольно-серой. В выемке королёк — круглое озерцо золота. Звёзды и полумесяцы, украшавшие чёрный небосвод мистера Тредера, алхимически преобразились в солнце. Для взвешивания надо лишь дождаться, когда оно остынет.

Холборн

Холборн должен быть для Джека долиною сени смертной. Возможно, и был бы, сиди Джек лицом к надвигающемуся Тайберну. Однако его везут спиной вперёд, так что смотрит он на оставляемый Лондон. Здесь предполагается символизм: он горестно созерцает свои прошлые дурные дела. Но в данном случае замысел не сработал. Джек — искра, которую тащат через наполненную порохом траншею. Холборн — не долина сени смертной, а бурление неистребимой жизни, выставленное Джеку напоказ, явная помеха в том, чтобы оплакивать былые грехи.

Джек не узнает никого в отдельности, но Лондон как целое знаком ему не хуже, чем престарелому викарию — лица прихожан на воскресной службе. Узнаваемы и группы. Вот полк рыботорговок, обошедший с фланга батареи на мосту и пробившийся по Чик-лейн на западный берег Флит. Здесь полк разделился на роты и взводы и занял огневые позиции на Саффрон-хилл, Дайерс-корт, Плоу-ярд и Блидинг-Харт-корт — притоках, впадающих в Холборн на подъёме от моста, где процессия вынужденно замедляет-

ся. Привлечённые рёвом толпы, рыботорговки совершают вылазку на Холборн, расталкивают алебардщиков и драгун и, зачерпывая из фартуков пригоршни чёрных монет, швыряют их Джеку в лицо. Монеты бьют по волокуше, как картечь, рикошетят и звенят в воздухе, словно колокольчики фей. Джек отрывает от камзола пуговицу и бросает рыботорговке, пробившейся к самому каравану. Женщина от неожиданности ловит летящий в неё золотой снаряд. Ком рыбьих кишок ударяет Джека в переносицу. Тот отвечает на обстрел второй золотой пуговицей.

Почти без потерь отбив атаку рыботорговок, они въезжают на холм и оказываются в самой широкой части Холборна. Она тянется на милю до Сент-Джайлс, мимо роскошных площадей, на Джековой памяти сменивших коровьи пастбища. На Холборн-бар пуританин в чёрном держит над головой Библию, открытую на отрывке, с которым, по его мнению, Джеку следует ознакомиться. Другой пробивается через кордон и запрыгивает на волокушу с ведром воды, чтобы окрестить Джека. Однако не на таковских напал: ординарий Ньюгейтской тюрьмы мигом спрыгивает с подводы, подбегает к волокуше и хватает крещальное ведро за ручку. Перетягивание ведра

настолько отвлекает внимание, что небольшая процессия католиков — по крайней мере Джек думает, что они католики, потому что на всех чёрные рясы — ухитряется проскользнуть через ряды солдат и присоединиться к шествию. Один из католиков — священник, остальные — плечистые монахи, что вполне разумно: одинокому паписту не прожить в этой толпе и десяти секунд. Священник догоняет волокушу, заглядывает Джеку в глаза и начинает что-то быстро декламировать, видимо, на латыни. Джека соборуют! Надо же, как кто-то о нём позаботился. Не иначе Людовик XIV выслал ударный отряд бестрепетных папистов из тайной штаб-часовни под Версалем.

Караван останавливается. Джек не знает почему. Проникшись христианским духом, он пользуется случаем сорвать пурпурный плащ и бросить священнику, жестами показывая, чтобы тот отдал его бедной старухе, непонятно как прорвавшейся в первые ряды.

Теперь слово за сильными мира сего. Караван миновал Ченсери-лейн. С севера дома знати: Редлайон-сквер, Уотерхауз-сквер, Блумсбери. С юга Друри-лейн, идущая от Ковент-Гарден и Длинной мили. Соответственно одну сторону дороги контролируют герцоги и генералы от коммерции,

а другую — актрисы и шлюхи. Миллионщики чуть не падают с балконов и крыш, так им хочется погрозить Джеку кулаком. Дамы напротив куда терпимее. Джек, повинуясь порыву, встаёт, сбрасывает камзол и швыряет его компании проституток. Камзол мигом разрывают в клочья. Джек — в одном парчовом жилете — оборачивается посмотреть, видел ли Кетч. Ещё бы тот не видел! Палача ввергли в отчаяние щедрые пожертвования у церкви Гроба Господня, но потом он успокоился, списав их на минутную слабость. Тем больнее ему наблюдать, как Джек раздевается и кидает своё бесценное облачение в толпу.

У церкви святого Эгидия очередной ритуал: шествие останавливается, чтобы узникам поднесли чаши с элем. Джек выпивает несколько, за каждую платит золотой пуговицей. К тому времени, как процессия трогается и сворачивает на Оксфорд-род, жилет болтается у него на плечах, и ни одной пуговицы не осталось.

На перекрёстке, словно лодка, севшая на мель посреди бурного потока, стоит карета. На её крыше толстый герцог, специально занявший эту позицию, чтобы подольше покрасоваться перед Джеком, когда того будут везти на казнь. Он выкрикивает нечто, надо думать, очень обидное,

затем, поняв, что Джек всё равно ничего не слышит в общем гвалте, багровеет и принимается орать, жестикулируя с такой силой, что парик съезжает набекрень. Однако люди попроще, если забыть склочных рыботорговок, не держат на Джека зла. На перекрёстке с Мэрибон-лейн, где по северную сторону дороги наконец начинаются поля, бедного вида человек подбегает к волокуше с пинтой вина. Джек в благодарность отдает ему парчовый жилет.

Они на Тайберн-кросс. Это пустырь размером с Тихий океан, вымощенный человеческими лицами. Над половодьем там и сям торчат высокие предметы; застрявший в толчее экипаж, дерево, которое вот-вот рухнет под обсевшими его людьми, редкие всадники и само Тройственное древо. Джек его не видит, пока не оказывается непосредственно под ним. Это каркас из шести мощных брусьев: трёх столбов и трёх перекладин, образующих треугольник высоко над головой, по-своему прекрасный. Чувствуешь, что вступил в дом без крыши, в жилище, чей потолок — Небо.

У основания Нерасцветающего дуба, на вержение камня в каждую сторону, расчищено место. Толпу сдерживают алебардщики, на помощь которым теперь пришли блекторрентские

гвардейцы. Некоторые драгуны сидят верхом, обнажив сабли и взведя курки; другие спешились и примкнули штыки.

Предварительные повешения длятся целую вечность. Джек вносит в процедуру нотку веселья: снимает штаны, раскручивает над головой и швыряет в толпу. Парик где-то свалился сам. Теперь на Джеке только нижнее бельё, башмаки и удавка. Он встретит свою участь нищим, как Лазарь, о котором ординарий читал сегодня в часовне.

Остальные узники мертвы, висят на двух перекладинах Трёхногой кобылы. Третья предназначена исключительно для Джека. Он залезает на телегу, кучер заводит её под свободную перекладину. Джековы глаза устали от обилия впечатлений. Он на миг запрокидывает голову, чтобы видеть только небо, которое делит пополам отшлифованный верёвками брус.

Неподалёку раздаются выстрелы. Джек опускает голову. Он впервые смотрит на толпу с такой высоты. Ей нет ни конца, ни края. Пороховой дым поднимается от чёрной когорты квакеров, или гавкеров, или кого-то в таком роде. Никто не знает почему.

Внизу идут приготовления.

Мухи облаком взлетают с исполинской плахи, когда Джек Кетч плюхает на неё свёрток. Оттуда извлекается полный набор орудий для потрошения. Плаха — дощатый настил размером с кровать. Кетч раскладывает инструменты, иногда пробуя лезвие пальцем. Особое внимание он уделяет ржавым кандалам. Это способ показать Шафто, что на последних стадиях процедуры тот будет живой и в сознании.

Несколько часов назад, когда они выезжали из тюремного двора, у Кетча были все основания рассчитывать на безбедную старость. Золотые пуговицы, роскошная одежда, монеты в карманах — всё предназначалось ему. Он предвкушал, как расплатится с кредиторами и купит детям башмаки.

Теперь Кетч не получит ничего. До сей минуты Шафто избегал встречаться с ним глазами и не знал, как Кетч воспринял крушение своих надежд: бранится тот, плачет или никак не может поверить в происходящее. Теперь они обмениваются взглядами. Шафто на телеге, Кетч — в разделочном цеху. Шафто видит, что Кетч совершенно спокоен. От чувств, выказанных в тюремном дворе, не осталось и тени. Даже откинь Кетч капюшон, его лицо было бы не вырази-

тельней чёрной кожаной маски. Он исполнен холодного профессионализма. Что-что, а уж отомстить Кетч может. Надо только исполнить приговор буквально и придать Джека смерти во устрашение.

Джек задумывается, правильную ли стратегию выбрал. Человек помоложе на его месте испугался бы. Впрочем, сомнения на этом этапе — признак хорошего плана. В них нет ничего дурного.

Ожидается, что он произнесёт несколько слов.

— Я, Джек Шафто, также называемый Эммердёр, Король бродяг, Али Зайбак, Ртуть, Повелитель Божественного огня и Джек-Монетчик, каюсь во всех своих грехах и предаю свою душу Господу, — говорит он. — Об одном прошу: чтобы меня похоронили по-христиански, собрав все мои части, какие удастся сыскать. Включая голову. Ибо всем известно, что в эту самую минуту Коллегия врачей собирается в анатомическом театре на Уорвик-лейн и точит скальпели, готовясь вскрыть мою голову и покопаться в моих мозгах, дабы узнать, где все эти годы жил бес противоречия. Я бы этого не хотел. Засим, мистер Кетч, я поручаю себя вашим заботам. Умоляю только лишний раз проверить узлы. Прошлой ночью, когда Бетти приходила ублажить меня и других смертников

в подвале, она жаловалась, что вы совершенно утратили вкус к работе и хотите наняться куда-нибудь горничной на все руки. Приступайте, врачи ждут…

Больше он ничего сказать не успевает, потому что Кетч закинул свободный конец верёвки на перекладину и натянул туго. Очень туго. Раньше он обещал оставить щедрый запас, чтобы Шафто пролетел большое расстояние и всё закончилось быстро, но это было до того, как Шафто нарушил некое устное соглашение. Кетч так натягивает верёвку, что Джек только по виду стоит на телеге, а на самом деле едва касается её пальцами ног.

— Погоди, сейчас я тобой займусь, Джек, — шепчет он в ухо Шафто.

Узел за ухом клонит Джекову голову вниз; он невольно видит, что телеги под ним больше нет. Тут Джек вспоминает про верёвку, которая пропущена под исподним и привязана к петле. Он упирается ногой в «стремя». Ему становится чуть легче. Позади него в телеге ординарий и католический священник молятся наперегонки.

Четыре конные упряжки, развернутые в разные стороны, как главные румбы розы ветров, готовы к последней и самой зрелищной части спектакля. Неподалёку стоят несколько человек,

видимо, так или иначе связанные с потрошением и четвертованием. Все смотрят на Джека.

Один из них одет в рясу. Наверное, монах, сопровождавший католического священника по Холборну. Он встал поодаль от остальных, рядом с исполинской мясницкой плахой. Капюшон низко надвинут, так что человек смотрит на мир через туннель чёрной дерюги. Он поворачивается к Джеку, аккуратно сдвигает капюшон, чтобы столб солнечного света бил ему в лицо. Джек ожидает увидеть Еноха Роота или, на худой конец, какого-нибудь чокнутого подвижника.

Вместо этого он узнаёт своего брата Боба.

Теперь понятно, как одинокий монах смог вообще оказаться здесь, поскольку, несомненно, Бобу легко договориться с блекторрентцами.

Какой-то ослепительно блаженный миг Джек, как последний дурак, верит, что его спасут.

Следом накатывает страх: что, если Боб сейчас подбежит и повиснет у него на ногах, чтобы ускорить смерть. Или вытащит пистолет и разом покончит с Джековыми страданиями.

Верёвка, на которой он стоит, лопается! Джек пролетает дюйма два, петля бьёт его по затылку, затягивается.

Он продолжает смотреть на брата. Сейчас, как

в детстве, никого больше в мире нет.

До сих пор Боб держал руки сложенными, спрятав их в широкие рукава рясы. Теперь, видя Джеково мучение, он разводит их и воздевает к небу, как святой. Из правого рукава вылетают два жаворонка, из левого — чёрный дрозд. Они несколько мгновений бесцельно порхают над виселицей, затем, поняв, что это не настоящее дерево, взмывают в солнечный свет.

Джек чувствует, что мир на него больше не давит.

Понять, что означают птицы, несложно: *они сбежали*. Все трое. Они на пути в Америку.

Слышится рёв. Джек не знает, кровь это шумит в ушах, толпа, или легион демонов и ангельский хор сошлись в битве за его душу. Он, насколько может, закатывает глаза, чтобы не потерять птиц из виду. Небо, голубое минуту назад, становится тускло-серым. Горизонт сжимается до свинцовой монеты с оттиснутыми на ней птицами: двумя белыми и одной чёрной.

Звёздная палата

Выждав положенное время, мистер Тредер берёт купель клещами и опрокидывает на свежепротёртую чашку весов. Королёк — сплющенная золотая бусина — шипит. Вместе с ним выпали несколько крошек жжёной кости. Мистер Тредер сдувает их, раз или два трогает королёк пинцетом, проверяя, что больше ничего лишнего не прилипло. Убедившись, что в чашке нет ничего, кроме чистого золота, он кладёт на другую чашку стандартный разновесок в десять гран. Весы остаются неподвижными — уже хорошо. Мистер Тредер, вооружившись пинцетом с ручками из слоновой кости, добавляет разновесок в один гран. Потом в полграна. Чашка идёт вниз, но она по-прежнему выше той, в которой золото.

Мистер Тредер добавляет разновески настолько маленькие, что Даниель едва их различает: квадратики золотой фольги с оттиснутыми на них дробями. Мистер Тредер наваливает целую груду, потом резко останавливается. Убирает маленькие разновески, кладёт побольше, приговаривая «хм» и «м-да». Наконец, он снимает все разновески до последнего, опускает каждый в

свою выемку и ставит на их место одну гирьку в двенадцать гран, которой прежде взвешивал частички гиней.

Коромысло весов некоторое время качается, стрелка отклоняется в обе стороны равномерно. Наконец трение берёт верх, и она замирает. Она так близка к центру, что мистеру Тредеру приходится закрыть рукой нос и рот, чтобы не сбить её дыханием. Он чуть не задевает стрелку ресницами, читая отсчёт.

Наконец он отступает на полшага — единственный человек в палате, посмевший двинуть хоть мускулом. Ибо все заметили и промедление, и гирьку в двенадцать гран на весах. Очень странно.

— Королёк весит двенадцать гран, — объявляет мистер Тредер.

— Здесь какая-то ошибка, — растерянно произносит старший златокузнец. — Такое возможно, только если в гинеях вообще нет примеси низких металлов!

— Или, — вполголоса говорит мистер Тредер Даниелю, — если низкие металлы в купели превратились в золото.

— В анализе где-то допущена ошибка. — Старший златокузнец оглядывает товарищей по

гильдии, прося его поддержать.

Однако Уильям Хам категорически не согласен.

— Такое обвинение нельзя доказать, — замечает он.

— Доказательство у вас перед глазами! — Старшина златокузнецов указывает на весы.

— Это доказывает лишь, что сэр Исаак чеканит хорошие гинеи и что английская денежная система — самая надёжная в мире, — упорствует Хам. — Все члены коллегии присяжных были свидетелями анализа. Более того, участвовали в нём. Разве нет? Никто из нас не увидел нарушений. Своим молчанием мы уже признали результат. Объявить теперь, что анализ неверен, значит встать вот перед ним и сказать: «Милорд, мы не умеем пробировать золото!»

Уильям делает жест в сторону герцога Мальборо, который в дальнем конце помещения увлечён беседой с другим государственным мужем.

Уильям — банкир, а не практикующий золотых дел мастер. В совете гильдии он практически никто. Однако за пределами своего цеха, в Сити, он завоевал определённый вес; к его мнению прислушиваются. Отсюда его назначение плавщиком. Может быть, старшина златокузнецов

потому и оспаривает результаты анализа, что недоволен растущим влиянием Уильяма? Даниелю сложно уследить за такими мелкими подводными течениями; ему довольно знать, что присяжные — и от Сити, и от гильдии — на стороне Уильяма. Если они и смотрят на старшину, то через плечо, словно оглядываются на отстающего.

К чести старшины тот сразу понимает, к чему идёт дело. Он морщится, но ненадолго.

— Хорошо, — объявляет старшина. — Тогда давайте отдадим сэру Исааку должное. Он притесняет нас, как не притеснял ещё ни один директор Монетного двора, но никто никогда не говорил, будто он не умеет плавить золото.

Старшина, а за ним и другие златокузнецы, кланяются Мальборо. Мальборо видит это и кивает своему собеседнику. Тот оборачивается. Даниель узнаёт в нём Исаака Ньютона. Он горд, что его друга так чествуют и что тот вроде бы завоевал наконец доверие герцога Мальборо. Только миг спустя Даниель вспоминает, что Исаак умер.

Чинную сцену прерывает шум в галерее, ведущей из Нового двора: какой-то буян хочет прорваться на торжество, пристав его не пускает. Звуки шагов и спор приближаются.

— По какому праву?…

— Именем короля, сэр!

— К кому вы…

— К моему капитану! Герцогу Мальборо! Возможно, вы о нём слышали! — Говорящий стремительно входит в Звёздную палату. На нём полковничий мундир, вместо одной ноги — чёрная деревяшка. Он замирает, поняв, что нарушил некий торжественный ритуал, а подходящих слов наготове нет. Ситуация быстро ухудшается: лорды, ждущие в соседней комнате, заслышав суматоху, вообразили, будто упускают нечто важное. Теперь все они направляются сюда, у каждого на лице написано: «Извольте немедленно объяснить, в чём дело, или вас повесят!»

Даниель узнает одноногого полковника: это Барнс из Блекторрентского гвардейского полка. Барнс уже готов сам выкопать себе могилу и запрыгнуть в неё, прежде чем из боковой комнаты выйдут королевский письмоводитель, канцлер счётной палаты, первый лорд казначейства, лорд-хранитель королевской печати и лорд-канцлер, а также ганноверские герцоги и князья в количестве, достаточном для завоевания Саксонии. Теперь у него деревянная не только нога — язык и мозги тоже одеревенели. Лишь одному человеку

хватает духа заговорить.

— Милорды, — произносит Мальборо, — у нас есть новости от присяжных. И, если я не сильно ошибаюсь, с Тайберна тоже.

Даниель смотрит на Барнса: тот трясёт головой, прочищает горло, выкатывает глаза и машет руками. Однако Мальборо непреклонен: он смотрит только на лордов Тайного совета и ганноверцев.

— Готовы ли присяжные огласить предварительный отчёт?

Взвешиватель и плавщик жестами уступают друг другу честь говорить. Наконец Уильям Хам выходит вперёд и кланяется:

— Мы, разумеется, скоро составим официальное заключение и вручим его королевскому письмоводителю, а пока я имею удовольствие сообщить милордам, что испытание завершено и неопровержимо доказало: монета его величества надёжнее, чем когда-либо в истории королевства, а директор Монетного двора его величества, сэр Исаак Ньютон, достоин величайшей хвалы!

Исаак ещё не вполне поверил услышанному, но уже раздаются крики: «Виват!», они становятся громче, когда он делает шаг вперёд и кланяется. Движения Исаака легки и красивы; он как будто помолодел. Даниель ищет глазами мисс Бартон,

но она уже сама подошла, схватила его за руку и целует в щёку.

— Для меня высочайшая честь, — говорит Исаак, — служить моей стране. Иные отмечены славой на поле брани (кивок в сторону Мальборо), другие — мудростью (кивок, совершенно неожиданный, в сторону Даниеля), третьи — красотой (мисс Бартон). Я чеканю монеты и стремлюсь сделать их надёжным основанием, на котором предприимчивые и рачительные граждане будут строить английскую коммерцию.

Кивок в сторону присяжных.

— Вы ведь изрядно преуспели не только в чеканке монет, не правда ли, сэр Исаак?

Эти слова Мальборо произносит очень отчётливо, чтобы слышали ганноверцы, и дожидается, пока Иоганн фон Хакльгебер переведёт, прежде чем продолжить:

— Я, разумеется, говорю о вашем долге преследовать тех, кто пускает в обращение *дурные* монеты.

— Да, это тоже входит в обязанности директора Монетного двора, — соглашается Исаак.

Барнс возобновил лихорадочную пантомиму, но не может поймать взгляд Мальборо — тот поглощён немцами.

— Сэр Исаак только что одержал две победы, — говорит Мальборо. — Одну здесь, на испытании ковчега, другую, не менее, а некоторые сказали бы, что и более славную, на Тайберне! Полковник Барнс?

Все поворачиваются к Барнсу. Тот перестал жестикулировать и теперь являет собой образец воинского достоинства.

— О да, милорд, — объявляет он. — Джек Шафто, Эммердёр, Король бродяг, он же Джек-Монетчик, повешен.

— Повешен, выпотрошен и четвертован согласно приговору? — яростно произносит Мальборо. Это не столько вопрос, сколько утверждение.

— Повешен, милорд, — говорит Барнс. Слова висят в воздухе ужасающе долго, словно осуждённый на виселице. Полковник чувствует, что надо продолжить: — Повешен до смерти.

— До полусмерти, снят с виселицы, выпотрошен и четвертован?

— Мистер Кетч не смог произвести вспарывание и расчленение *мёртвого тела покойного* негодяя Шафто.

— Что ему помешало, скажите на милость? Брезгливость? Или мистер Кетч забыл прихватить свои ножи?

— Помешала толпа. Ярость самой необузданной и многолюдной толпы, какая когда-либо собиралась на этом острове.

На ганноверской стороне развивается побочная ветвь разговора: Иоганн фон Хакльгебер пытается перевести слово «толпа» на верхненемецкий.

— Я потому и отправил Собственный его величества блекторрентский гвардейский полк охранять виселицы, что ожидал большего, чем обычно, стечения народа, — рассеянно произносит герцог. Барнс, угадав в его спокойствии вступление к растущему гневу, говорит:

— Что мы и выполнили, милорд. Повешение прошло благополучно. Джек Кетч, приставы и тюремщики выведены с места казни живыми и невредимыми. Виселицу, как ни прискорбно, придётся возводить заново, но это уже работа для плотников, а не для солдат.

— Ясно. Однако вы сочли разумным отступить прежде, чем совершилось потрошение и четвертование.

— Да, милорд. Как раз на этом этапе толпа пришла в неистовство и ринулась к виселице, чтобы снять Джека Шафто…

— *Джека* или *его тело*? — спрашивает Исаак Ньютон.

— Полковник Барнс, — говорит Мальборо. — Толпа *сняла Джека Шафто с виселицы* или только *ринулась к виселице*, чтобы его снять? Как вы понимаете, есть некоторая разница.

— Если вы желаете знать, чья рука держала нож, разрезавший верёвку, я не могу назвать вам его имя, — отвечает Барнс. — Я был занят более важной задачей: вёл своих солдат.

— Куда вы их вели? Какой приказ отдали?

— Я велел примкнуть штыки и образовать кордон вокруг Джека Кетча и тех участников казни, которые были ещё живы.

— Вы дали приказ стрелять?

— Нет, — говорит Барнс, — поскольку счёл это самоубийственным и, хотя всегда готов отдать жизнь в бою, рассудил, что самоубийство помешает нам исполнить миссию до конца.

— Мне часто думалось, что в вас борются викарий и воин, полковник Барнс. Теперь я вижу, что воин, наконец, победил. Викарий приказал бы открыть огонь и предал себя воле Божьей. Только воин мог выбрать трудный путь упорядоченного отступления.

Барнс, ждавший чего угодно, только не похвалы, отдаёт честь и краснеет.

— Они желают знать, почему вы не стреляли

в толпу, чтобы навести порядок! — спрашивает Иоганн фон Хакльгебер от имени возмущённых ганноверцев.

— Потому что это Англия, а мы в Англии не убиваем своих соотечественников! — отвечает Мальборо. — Вернее, убиваем, но намерены положить этому конец. Пожалуйста, переведите мои слова самым дипломатичным образом, фрайгерр фон Хакльгебер, чтобы новому королю хорошенько их разъяснили, и нам не пришлось натравливать на него гавкеров.

Мальборо подмигивает Даниелю.

Исааку этот разговор неинтересен.

— По правде сказать, меня вполне устраивает, что тело Джека Шафто осталось неповреждённым. Я с нетерпением жду, когда смогу произвести его вскрытие в Коллегии врачей, дабы выяснить причины аномальности.

— Знаю, — говорит Барнс. — Весь Лондон знает, потому что Джек объявил об этом с эшафота, только более цветисто. После его слов и произошло народное возмущение.

Исаак пожимает плечами.

— Прикажите своим людям отвезти тело в здание Коллегии врачей.

— Мы не знаем, где оно, — отвечает полковник

Барнс.

— На Уорвик-лейн, недалеко от Ньюгейта.

— Нет. Я хочу сказать, мы не знаем, где тело.

— Простите? — Исаак смотрит на Мальборо. Однако герцог занят прямым и откровенным культурным обменом с ганноверцами, и ему не до Исаака. Немцам потребовалось некоторое время, чтобы понять всю дерзость шутки про гавкеров и поверить, что герцог действительно это сказал; теперь они постепенно распаляются. Иоганн фон Хакльгебер, видя, что попал под перекрёстный огонь, ищет случай вклиниться в менее опасный и более интересный разговор о трупе Джека Шафто.

— После того, как мёртвое тело срезали с виселицы, — продолжает Барнс, — кучка смутьянов подняла его на руки. Я послал солдат отнять тело. Смутьяны рассеялись, предварительно бросив его…

— На землю?

— Нет, своим товарищам. Те, увидев приближающихся солдат, перекинули тело дальше в толпу. Это происходило на удивление слаженно. Мне пришлось взобраться на эшафот, чтобы посмотреть, где тело. Оно словно плыло, как лист в бурном потоке, подпрыгивая и крутясь, но всё

время в одну сторону: прочь от меня.

Исаак вздыхает. Теперь он выглядит на все свои семьдесят один.

— Прошу, избавьте меня от дальнейших поэтических описаний и скажите прямо: где вы последний раз видели тело Джека Шафто?

— Примерно на восточном краю горизонта.

Исаак смотрит непонимающе.

— Толпа была настолько огромна, — поясняет Барнс.

— Вы совершенно уверены, что с виселицы его сняли уже мёртвым?

— Если позволите, сэр, на ваш вопрос ответить несложно! — вмешивается Иоганн фон Хакльгебер. — Всякий, кто был сегодня утром в Ньюгейте, скажет, что Джек вышел в немыслимо дорогом парчовом костюме, а карманы его топорщились от монет. Все это, разумеется, предназначалось Джеку Кетчу в уплату…

— За быстрое повешение, чтобы петля сразу сломала шею, — говорит Исаак. — И прекрасно! Пусть толпа зароет его где-нибудь на кладбище для бездомных!

— Да, — подхватывает Даниель, — самое место для такого негодяя. А у нас новый король, сильный банк, надёжная государственная монета, все

труды натурфилософов и изобретателей — прекрасное начало новой Системы мира.

Иоганн фон Хакльгебер с сомнением глядит на Мальборо, который близок к тому, чтобы схватиться на шпагах с каким-то немецким герцогом.

— Ничего, ничего, — успокаивает Даниель. — Это тоже входит в Систему.

Эпилоги

Ведь Время, приложась
К движенью, даже в Вечности самой
Все вещи измеряет настоящим,
Прошедшим и грядущим.

Мильтон, «Потерянный рай» [10]

[10] Примечания: 10
Пер. Арк. Штейнберга.

Дом Лейбница в Ганновере
ноябрь 1714

Большинство людей, стоя по колено в золоте, говорили бы о нём, но только не эти два эксцентричных барона.

— И он вылез из портшеза, с виду совершенно здоровый, — заканчивает Иоганн фон Хакльгебер. Он садится на пустую бочку. Лейбниц сел чуть раньше, кряхтя и морщась от подагры. Они под домом Лейбница, в погребе для съестных припасов. Бутылки с вином, бочки с пивом, репу, картошку и корзины с рыгающей кислой капустой вынесли и раздали бедным, освобождая место для бочек совершенно иного рода. Лейбниц, не доверявший теперь никому в Ганновере, держал их закрытыми до приезда Иоганна. Последний час Иоганн откупоривал бочки, вытаскивал золотые пластины и складывал их аккуратными стопками.

— По вашему рассказу выходит, что его оживили эликсиром жизни, — говорит Лейбниц.

— Я думал, вы в такое не верите. — Иоганн указывает на золотые пластины.

— Я мыслю об этом иначе, чем он, — говорит

Лейбниц, — но допускаю, что монады, определённым образом организованные, способны творить то, что нам представляется чудесами.

— Теперь у вас волшебного золота — сколько душе угодно. Если вы хотите вылечить подагру или…

— Жить вечно?

Иоганн теряется. Вместо ответа он берёт лом и начинает вскрывать следующую бочку.

— Подозреваю, что некоторые из нас и впрямь живут вечно, — говорит Лейбниц. — Например, ваш якобы двоюродный дед и мой благодетель, Эгон фон Хакльгебер. Или, как его ещё называют, Енох Роот. Допустим, Енох может посредством манипуляций с тончайшим духом лечить болезни и продлевать жизнь. Чего он добился? Изменило ли это что-нибудь?

— Едва ли, — говорит Иоганн.

— Едва ли, — повторяет Лейбниц. — Кроме того, что он время от времени дарит несколько незаслуженных лет тем, кто иначе бы умер. Наверное, в последние тысячелетие-два Енох не раз себя спрашивал, какой в этом толк. Очевидно, он принимает живое участие в судьбах натурфилософии, старается всячески ей способствовать. Зачем?

— Потому что алхимия его не удовлетворяет.

— Надо думать, да. Теперь смотрите, Иоганн: сэр Исаак алхимическими средствами получил несколько лет земного существования, но не приобрёл ни нового счастья, ни новых знаний. И это ещё одна подсказка, почему алхимия не удовлетворяет Еноха. Вы говорите, что я мог бы при помощи Соломонова золота продлить себе жизнь. Но это, очевидно, не та цель, к которой толкают меня Енох Роот и Соломон Коган. Напротив! Они оба стремятся прибрать всё Соломоново золото к рукам, чтобы оно не досталось тому единственному, кто знает, что с ним делать: Исааку Ньютону! Мне в мои лета браться за алхимию, плавить эти пластины, варить эликсир… чтобы повторить историю доктора Фауста? И с тем же плачевным результатом в последнем акте.

— Мне больно видеть, что Ньютон торжествует, а вы угасаете здесь, в Ганновере.

— Соломоново золото у меня, а не у него. Вот оно, торжество. И я ему не рад. Нет, подражать Ньютону было бы не победой, а капитуляцией. Если я его переживу, то не за счёт противоестественных эликсиров долголетия. Мы должны приложить все усилия, чтобы логическая машина была построена.

— В Санкт-Петербурге?

— Тогда и там, где могущественному правителю угодно будет её построить.

— Я закажу прочные деревянные ящики, — говорит Иоганн, — и велю доставить их сюда. Я сам спущусь в этот подвал, собственными руками уложу пластины и заколочу ящики так, чтобы и мысли не возникло, будто в них что-нибудь ценнее старых заплесневелых писем. После этого вы сможете отправить их в Санкт-Петербург или куда захотите одним росчерком пера. Однако если то, что мне сообщают из России, верно, царь сейчас занят другим и вряд ли доведёт дело до конца.

Лейбниц улыбается.

— Вот почему я сказал: «Тогда и там, где могущественному правителю угодно будет её построить». Если не царь, значит, это сделает кто-то другой после моей смерти.

— Или после моей, или после смерти моего сына, или после смерти моего внука, — говорит Иоганн. — Человеческая натура такова, что, боюсь, это случится не раньше, чем способности логической машины потребуются для войны. А такое трудно вообразить.

— Тогда растите вашего сына и вашего внука,

если они у вас будут, людьми с богатым воображением. Внушите им, как важно заботиться о пыльных старых ящиках в Лейбниц-архиве. Кстати…

— Принцесса Уэльская, — говорит Иоганн, поднимая руку, — получив новые земли и титулы, стала необычайно властной особой. Она строго приказала мне жениться. Моя дражайшая матушка её поддержала. Умоляю хоть вас не начинать.

— Хорошо, — говорит Лейбниц, выдержав уважительную паузу. — Наверное, это был очень тягостный разговор.

— Куда более тягостный, чем я ожидал, — говорит Иоганн. — И я рад, что он позади, а не впереди. Я буду время от времени приезжать в Лондон, танцевать с нею на балу, пить чай с матушкой и помнить. А потом возвращаться в Ганновер и жить своей жизнью.

— А что они поделывают? Какие вести от двух великих дам?

— Они в Европе, — говорит Иоганн. — Восстанавливают отношения с кузенами после войны.

Сады Трианона в королевском дворце Версаль

Над водой разносится резкий звук. Дикие гуси с криком взлетают в воздух. Звук повторяется, и одна птица падает на берег. Пудель плывёт к ней. Гладь пруда идёт V-образными волнами, почти точным отражением гусиного клина наверху. Слышен звон разбитого стекла, женский вскрик. Двое мужчин смеются. Щит из срубленных и связанных веток рывком отодвигается в сторону. За ним барка: плавучая засада. В ней еле-еле помещаются два охотника, но роскоши — на двух королей. Как только заграждение из палок и мёртвых листьев убрано, становятся видны позолоченные барельефы с изображением Дианы и Ориона. На золочёных походных стульях сидят двое, у каждого в руках непомерно длинное ружьё. Оба помирают от хохота — так им смешно, что пуля разбила окно. Один из них очень старый, розовый, оплывший, наполовину погребён в мехах, которые соскальзывают, когда он заходится от смеха. Старик ловит горностаевую муфту, чтобы не свалилась за борт.

— *Мон кузен!* — восклицает он. — Вы одним выстрелом уложили двух птиц: гуся и камеристку! Второму лет шестьдесят с гаком, он энергичен, но не проворен. Видно, что от множества пережитых на веку приключений у него всё болит, ломит, тянет, хрустит, ноет и щёлкает. Он шаркает на другую сторону палубы и отодвигает второй маскировочный щит, впуская утреннее солнце и выпуская застоялый воздух.

За это время он успевает составить фразу на ломаном французском:

— Будь она ранена, она бы ещё кричала. Она просто напугана.

— Думаю, вы поразили цель в Трианон-субуа, где обитает моя невестка Лизелотта.

— Небось вся из себя важная особа? — говорит тот, что помоложе. — К такой и подойти страшно. Может, скажете ей, как мне стыдно?

— И как же вам стыдно?

— Ну и ехидный же вы, Луй! Скажите, Лизелотта знакома с герцогиней Аркашон-Йглмской?

— Ещё бы! Сколько интриг они вдвоём провернули! Вероятно, завтракают вместе, пока мы тут разговариваем.

— Тогда, может, Элиза и передаст мои извинения. В любом случае она говорит по-французски

лучше вас.

— Хо-хо-хо! — заходится король. — Вам так кажется, потому что вы от неё без ума. Я вижу. Кто-то ломится через кусты у пруда.

— *Мерд!* — восклицает король. — Нас обнаружили! Закрывайте шиты! Скорее!

Его собеседник поворачивается и тянется к щиту, но замирает и, кривясь, запрокидывает голову.

— Дьявол!

— Что, снова шея? — участливо спрашивает король.

— Такой адский прострел — никогда прежде не было. — Он трогает больное место, снова морщится и начинает поправлять шёлковый платок.

— Вам следовало беречься виселицы.

— Я берёгся, пока мог, но там было дело сложное.

Она появляется на берегу. Одна её рука поднята, большой и указательный палец сведены колечком.

— Доброе утро, Джек.

— Бонжур, мадам герцогиня. — Тот, кого назвали Джеком, отвешивает преувеличенный поклон, граничащий с открытой издёвкой. Каждый из его позвонков выражает громкий протест.

— Ты тут кое-что потерял, а я нашла!

— Моё сердце?

Она бросает в него пулю. Та ударяет в подлокотник и отлетает рикошетом. Мужчины прячут глаза.

— Палатина просила сказать вам обоим, что в её годы трудновато шарахаться от пуль.

— По счастью, Пепе уже несёт искупительный дар. — Король указывает на курчавого пса. Тот вылез из воды, машет Элизе хвостом, затем подбегает и кладёт мёртвую птицу к её ногам.

— Я не люблю дичь, — отвечает Элиза, — но Лизелотта в своё время была великой охотницей. Возможно, подарок её умиротворит.

Она наклоняется, берёт птицу за шею и несёт прочь на вытянутой руке. Мужчины смотрят в благоговейном восторге. Луй тычет Джека в бок.

— *Magnifique*[11], а?

— Жеребец старый.

— Ах, она великая женщина, — говорит король, — а вы, мон кузен, счастливец.

— Встретить её было несказанной удачей, тут я с вами согласен, потерять — глупостью. Я не знаю, какое слово отнести к себе сейчас, разве

---

[11] Примечания: 11
Великолепна (*фр.*).

что «усталость».

— У вас будет вдоволь времени отдохнуть в прелестнейших местах, — говорит Луй. Джек, внезапно насторожившись, хватает щит и прячется за ним. По берегу идут трое французских придворных — они услышали выстрелы и теперь ищут короля.

— Места прелестные, — соглашается Джек. — Лишь бы обо мне не узнали и не пошли слухи.

— Ах, но ведь на Ля-Зёр и в Сен-Мало несложно укрыться от людей?

— Там я и буду жить на покое, — кивает Джек. — Пока она меня терпит.

Король в притворном изумлении выгибает бровь.

— А если она вас прогонит?

— Тогда в Англию и вновь за работу, — говорит Джек.

— Монетчиком?

— Садовником.

— Поверить не могу!

— Это известная слабость старых англичан, которые уже ни на что не годятся. Мой брат устроился садовником в поместье к богатому человеку. Если Элизе надоест кормить старого никчёмного бродягу, я отправлюсь туда — буду полоть герцог-

ские сорняки и браконьерствовать в его угодьях.

Бленхеймский дворец

— Отлично! Раз так, дальше я пойду босым! — восклицает малый тех же лет и телосложения, что Джек Шафто. Он двумя руками берётся за колено и дергает. Из сапога, почти целиком ушедшего в грязь, появляется босая ступня. То же происходит со второй ногой. Боб Шафто свободен. Он стоит почти по колено в грязи. Сапоги быстро наполняются дождевой водой. Он салютует им:

— Счастливо оставаться!

— Золотые слова! — доносится голос из палатки, стоящей поблизости на более высоком и сухом месте. Из-за стола встаёт человек и поворачивается к Бобу. На столе горят свечи, хотя сейчас всего два часа дня. В широкополой шляпе Боба скопились несколько озёр дождевой воды общим объёмом свыше галлона. Он медленно, рассчитанным движением запрокидывает голову. Озёра приходят в движение, сливаются, текут в обход тульи и с плеском рушатся в грязь у Боба за спиной. Теперь он может видеть палатку. Тот, кто сейчас заговорил, стоит у входа. За столом человек с деревянной ногой учтиво принимает чашку шоколада у женщины, которая перед тем

возилась у походной печки.

— Боб! — кричит стоящий джентльмен. — Босой, под дождём, ты в точности как пятьдесят лет назад, когда мы впервые встретились. Клянусь, так тебе лучше! Брось сапоги гнить, где оставил, и никогда больше не надевай такое кошмарище! А теперь давай в палатку, пока не простыл насмерть. Абигайль сварила шоколад.

Боб вытаскивает ногу из грязи, встаёт на камень, вытаскивает вторую, с осторожностью оборачивается на брошенные сапоги.

— А треклятым планом тут пара сапог предусмотрена?

— Кусты тут предусмотрены! — объявляет одноногий, глядя на Боба в нивелир и сверяясь с расстеленным на столе планом.

— Но не тревожься, вредители съедят твои сапоги задолго до того, как наступят сроки посадки.

— Сколько викарий Бленхейма смыслит в сроках посадки?

— Столько же, сколько я смыслю в обязанностях викария.

— А я — в жизни сельского джентльмена. — Герцог Мальборо обеспокоенно смотрит на полмили грязи и недостроенный дворец. — Но мы все должны учиться. Кроме Абигайль. Она и без того

само совершенство.

Абигайль вознаграждает его скептическим взглядом и чашкой шоколада. Боб делает следующий осторожный шаг. Его бывший полковник, а ныне викарий Бленхейма, возвращается к карте, причудливо контрастирующей с унылой реальностью вокруг, скользит глазами по геометрической правильности будущего сада и останавливается на крохотной церковке и доме викария по соседству. Мальборо говорит:

— Из этой палатки мы поведём нашу последнюю кампанию. Мы уничтожим вредителей, которых привлечёт ядовитое амбре Бобовых сапог. Боб научится заботиться о растениях, Барнс научится заботиться о наших душах, я научусь бездельничать, Абигайль будет заботиться о нас всех.

— Должно выйти, — говорит Боб, — если сюда не явится мой братец.

— Он умер, — объявляет Мальборо. — А если он сюда явится, мы его застрелим. А если он всё равно выживет, мы отправим его в Каролину. Ибо, как мне сообщают, ты, Боб, не единственный из Шафто начал новую жизнь и подался в земледельцы.

Боб наконец подходит к палатке.

— Странный поворот судьбы, — бормочет он, — но справедливый.

— Это как?

— Правильно, что Джек, Джимми и Дэнни пашут землю после того, сколько они напахали в политике.

— Если ты собираешься так шутить, — говорит Барнс, — оставайся-ка лучше под дождём.

Каролина

— Я снова их видел, Томба! Сразу как солнце взошло над морем, распогодилось, я поглядел на запад и увидел их, красные в рассветных лучах. Горы. Ждут нас, как печёные яблоки на противне.

Томба лежит ничком на мешке сухого лапника, который заменяет ему постель, как и другим батракам на плантации мистера Икхема. Спина его (не первый раз) исполосована бичом. Джимми Шафто вытаскивает из ведра мокрое тряпьё, выжимает и кладет Томбе на раны. Томба открывает рот, чтобы закричать, но не издаёт ни звука. Дэнни продолжает говорить, чтобы его отвлечь.

— Неделя быстрым шагом. Меньше, если украсть лошадей. Столько мы продержимся. А в горах полно дичи.

— Индейцев тоже полно, — говорит Томба.

— Томба! Глянь, как тебя разукрасили, и скажи, неужто индейцы хуже надсмотрщика.

— Хуже никого нет, — признаёт Томба. — Но я не смогу идти быстрым шагом семь дней.

— Ладно, дождёмся, пока рубцы заживут. Тогда и сбежим.

— Ребята, вы ничего не поняли. Тогда будет что-то ещё. Надсмотрщик знает, как сломить человека. Особенно чёрного. Сперва я не понимал, теперь вижу. Он со мною не так, как с другими. Гляньте на мою спину и скажите, что это не так.

Солнце бьёт в щели между брёвнами, стена напротив — в параллельных огненных полосах. Снаружи роется свинья, подкапывает их жилище, но её нельзя прогнать или съесть: свинья — гордость и отрада надсмотрщика. Издалека доносятся его крики:

— Джимми? Дэнни! Джимми? Дэнни! Куда вы запропастились, черти!

— Ухаживаем за товарищем, которого ты засёк до полусмерти, скотина, — бормочет Джимми.

— Вы у меня все станете красношеими, — повторяет Томба любимую присказку надсмотрщика. — Поработаете на солнышке и станете. Все, кроме негра — у него шея не покраснеет, пока хорошенько не отлупцуешь.

Все трое знают, что реднеками — красношеими — называют в этих краях белых батраков, потому что в поле шея загорает сильнее всего.

Он упирается руками и встаёт на четвереньки. Потом опускает голову, так что сбитые в жгуты чёрные волосы метут пол — у него плывёт перед

глазами.

— Джимми? Дэнни! Джимми? Дэнни! Вы что, кормите своего ручного негра? — Надсмотрщик методом исключения вычислил, где они, и теперь идёт к хижине.

— Ты прав, — говорит Томба. — Он решил меня сегодня доконать. Пора распаковывать узлы.

— Значит, распаковываем, — говорит Дэнни.

Он разрывает мешок, на котором перед тем лежал. Оттуда вываливается длинный свёрток. Джимми быстро сдёргивает верёвки, и они с Дэнни вдвоём принимаются за работу: Дэнни держит свёрток на руках, Джимми разматывает холстину. Томба хлопает рукой по стене хижины, ища, за что уцепиться, и встаёт.

— Их здесь нет, масса! — кричит он. — Здесь нет никого, кроме бедного Томбы!

— Врёшь, скотина! — Надсмотрщик рукояткой бича распахивает дверь. Он застывает в дверном проёме, ничего не видя после яркого света. Однако он слышит неожиданный звук извлекаемых из ножен слабоизогнутых клинков: длинного и короткого. Возможно, даже различает непривычные для Каролины отблески солнца на узорчатой стали.

— Только не говори, что сделаешь из нас крас-

ношеих, — говорит Дэнни. — Ты ведь с этим пришёл?

— Что?! За работу, дармоеды! Не то разукрашу вас почище Томбы!

Надсмотрщик входит в хижину и заносит бич для удара, но опустить не успевает: булатный клинок рассекает воздух рядом с его ухом, ампутированная плеть падает на земляной пол. Томба, пошатываясь, выходит наружу и закрывает дверь. Он щурится на несколько акров земли; Томба знает, что она красная, но видит её серой, потому что мир перед его глазами сделался чёрно-белым. За полем — большой белый дом. Батраки долбят землю мотыгами. Надсмотрщик за спиною Томбы непривычно тих. Может, его глаза привыкли к темноте, и он понял, что заперт в тесном пространстве с двумя разъярёнными самураями.

— Шея краснеет не только от солнца, — замечает Дэнни. — И вот как это делают в Нагасаки!

Следует быстрая череда звуков, которых Томба не слышал давно, но прекрасно помнит. Кровь течёт из-под стены в ямку, вырытую свиньёй надсмотрщика. Привлечённая запахом, свинья подходит, нюхает и начинает лакать.

Джимми и Дэнни выбегают из хижины. Дэнни

вытирает клинок о штанину и прячет в ножны. Джимми кричит другим батракам:

— Сегодня у вас выходной! А когда мистер Икхем вернётся из Чарльстона и спросит, как так вышло, скажите, что это сделали красношеие ронины! И что мы ушли туда!

Он остриём вакидзаси указывает на дикий запад. Потом убирает меч в ножны и поворачивается к товарищам:

— В горы, ребята.

Корнуолл

Уилл Комсток, граф Лоствителский, опасался, что их застигнет туман. Туманы гуляют по вересковым пустошам, как привидения по нехорошему дому. И впрямь, раз или два путников накрывает сплошной пеленой. Тогда Уилл требует остановиться и ждать, пока просветлеет, чтобы не сбиться с дороги. Даниель нервничает, что ван Крйк потеряет терпение и отплывёт без него. Однако к полудню свежий северный ветер уносит туман и гонит путешественников вниз по долине к морю. Оно уже различимо вдали, серо-зелёное, испещрённое пятнами солнца и тенью облаков.

Местность разрезана каменными оградами на куски такой неправильной формы, как будто её собрали из осколков других планет. На склонах вересковой пустоши стены извилистые и зияют дырами. Позже, в долине, путники проезжают через рощицы чахлых дубов. Деревья ростом не выше Даниеля; они цепляются за каменистую почву, как шерсть на овце, и, несмотря на позднюю осень, упрямо не расстаются с листьями. Стены здесь прямые и прочные, мох на них ки-

шит жизнью.

Из такого леска путники выезжают на мглистую низину, где косматые, смоляно-чёрные коровы безуспешно пихаются боками. Дорога идёт вдоль реки, бегущей с вересковой пустоши. Чуть дальше она замедляет течение и расширяется, образуя губу. Там ждёт шлюпка, чтобы доставить Даниеля на «Минерву», которая стоит где-то неподалёку, готовая отплыть в Опорто и оттуда в Бостон.

Однако путешественники из Лондона ехали с графом Лоствителским и Томасом Ньюкоменом не для того, чтобы пялиться на шлюпки и на коров. На выезде из последней мокрой рощицы Даниель Уотерхауз, Норман Орни и Питер Хокстон примечают в долине кое-какие новшества. Сразу за прибрежной полосой склон полого идёт вверх примерно на расстояние полёта стрелы, дальше начинается скальный обрыв. Всякий, даже не поклонник технологических искусств, сразу догадался бы, что из основания обрыва много поколений добывают уголь. По всему берегу до самой воды видны следы угольных тележек. В целом всё довольно типично для небольшой шахты, которую разрабатывают, пока не дойдут до уровня грунтовых вод, а потом бросают.

Недалеко от обрыва на плоском скальном выступе торчит нечто, как будто собранное из остатков разводных мостов и осадных машин. Две отдельно стоящих кирпичных стены разделены промежутком ярда в четыре шириной, заполненным конструкцией из чёрных брусьев, напомнившей Даниелю виселицу. На брусьях держатся платформы, доски и механизмы, назначение которых сложно понять, даже когда подъезжаешь ближе. От сооружения идут шипение и глухие удары — так могло бы биться сердце умирающего великана. Однако великан не умирает, сердце его бьётся мерно. С каждым ударом слышится звук бегущей воды. Слух может различить, как она течёт по зигзагообразному деревянному жёлобу и выплёскивается на берег, где уже пробила небольшое русло до самой прибойной полосы.

— Грунтовая вода, поднятая из шахты машиной мистера Ньюкомена, — объявляет Лоствител. Пояснение совершенно излишнее: трое гостей для того и прибыли из Лондона, чтобы увидеть машину. Однако Лоствителу важно произнести эти слова, как пастору на церемонии, провозглашающему: «Я объявляю вас мужем и женой».

Сатурну и Орни не терпится залезть в недра

машины и подробно разобраться в её устройстве. Даниель вместе с ними поднимается на дощатую платформу, с которой видна почти вся долина. Здесь он останавливается и смотрит по сторонам. Это последний случай побыть в одиночестве до самого Массачусетса. Теперь Даниель видит «Минерву» — она стоит на якоре в нескольких милях от берега, там, где речная губа открывается в море. Команда шлюпки уже разглядела Даниеля в подзорную трубу и теперь гребёт прямо к нему, набирая скорость, чтобы зарыться килем в мягкий песок, куда машина выплёскивает грунтовую воду.

Над головой Даниеля потрясает кулаком великанья рука: коромысло из грубых досок, соединённых железными скобами, которые наверняка выкованы где-то по соседству. От него отходит исполинская цепь: звенья размером с человеческую берцовую кость соединены шплинтами чуть побольше медвежьего когтя. В представлении мистера Ньюкомена они должны быть одинаковыми, но на самом деле одни звенья чуть больше, другие чуть меньше. Впрочем, отклонения усредняются, когда цепь исчезает за горизонтом деревянной дуги, завершающей коромысло. Цепь прикреплена к поршню, ходящему

в вертикальном цилиндре диаметром с шахтный колодец. Поршень сверху обмотан паклей, на ней уплотнительное кольцо, удерживаемое муфтами. Довольно много пара вырывается наружу, но основная часть остаётся, где положено. Противоположный конец коромысла соединён со стержнем из деревянных брусьев, схваченных железными обручами. Стержень ныряет под землю и приводит в действие чавкающий механизм, который Даниелю не виден. В сравнении со всем этим мозг машины мал и едва заметен: человек, стоящий на платформе этажом ниже Даниеля в окружении различного рода рычагов. Он по мере надобности снабжает машину информацией. Сейчас такой надобности нет, и он снабжает информацией Сатурна и Орни.

Платформа насквозь мокрая, но тёплая: на ней оседает выпущенный пар. Даниель позволяет машине дышать себе в затылок, а сам принимается обозревать другие творения её создателей. Он собирается черкнуть письмо Элизе, рассказать, на что пошёл капитал, который она и остальные инвесторы доверили Лоствителу и Ньюкомену. Мистер Орни доставит письмо по адресу. Разумеется, Орни расскажет гораздо больше. Он человек деловой и приметит многое из того, чего

Даниелю не увидеть. Орни без размышлений будет понятно, что интересно и что неинтересно Элизе. Он и сам вложил немного денег в проект; если ему понравится увиденное, он посоветует лондонским собратьям сделать то же самое.

Так что Даниелю нет нужды притворяться, будто он смотрит на затею острым взглядом дельца. Он пытается увидеть её своими глазами: глазами натурфилософа. Поэтому его внимание привлекает экспериментальный аспект, то есть неудачи. На земле вокруг валяются обломки Ньюкоменовых паровых котлов. Естественная форма для котла — шар. Зная это, Ньюкомен учился делать большие сферические ёмкости из железа. Как черновая ученическая тетрадь пестрит, страница за страницей, перечёркнутыми выкладками, так здешний берег хранит несмываемую летопись всех прошлых идей Ньюкомена и зримые свидетельства того, в чём именно и насколько безнадёжно они оказались несостоятельны. Ньюкомен не может выковать из железной заготовки огромную бесшовную сферу, поэтому должен склёпывать её из отдельных гнутых листов.

Пятьдесят лет назад Гук собрал искры, выбитые из стали, положил под микроскоп и показал Даниелю, что на самом деле это шарики блестя-

щего металла, вроде железных планет. Даниель думал, что они сплошные, пока не увидел, что некоторые разорваны внутренним давлением. Искры — не капли, а полые пузырьки расплавленной стали, которые разлетелись и застыли. Лопнувшие немного походили на скрюченные пальцы, немного — на выброшенные морем коряги. Одни неудачные котлы мистера Ньюкомена выглядят, как развороченные искры, что не так с другими — менее очевидно. Они лежат, наполовину уйдя в грунт, словно упавшие с неба метеориты.

Из-под земли появляются рудокопы, говорящие на языке, которого Даниель никогда прежде не слышал: полдюжины корнуолльцев в мокрой чёрной одежде. По спотыкающейся походке видно, что ноги у них промёрзли насквозь и что люди эти работали долго и тяжело. Они берут корзины и усаживаются перед единственным котлом в долине, который и впрямь работает: тем, что приводит в движение машину. Он окружён кирпичной кладкой с отверстием в основании, чтобы подкладывать уголь. Рудокопы стаскивают башмаки и мокрые носки, протягивают ноги к огню, достают из корзин огромные пироги и начинают жадно жевать. Лица у рудокопов

чёрные от угольной пыли, гораздо чернее, чем у Даппы. Глаза белые, как звёзды. Одна пара глаз примечает Даниеля; остальные рудокопы тоже поднимают голову. В какой-то миг Даниель смотрит на них, а они — на него, силясь угадать, кто этот странный гость. Каким он им представляется? На нём длинный шерстяной плащ и вязаная матросская шапочка. Он начал отпускать бороду. Даниель высится над рудокопами в клубах пара. Интересно, понимают ли корнуолльцы, что сидят вокруг адской машины? Он приходит к выводу, что они, вероятно, не глупее других, и отлично знают, что котёл может взорваться, но смирились с этой мыслью и готовы принять её в свою повседневную жизнь в обмен на относительный достаток. Точно так же матрос поднимается на корабль, зная, что тот может утонуть. Даниель подозревает, что в грядущие годы служители технологических искусств ещё не раз поставят перед людьми такой выбор.

Всё началось с того, что к нему вошёл волшебник, и теперь заканчивается тем, что на машине стоит волшебник нового типа. Глядя вниз на паровой котёл, волшебник чувствует себя ангелом или демоном, смотрящим на Землю с Полярной звезды. Наученный прошлыми ошибками, ми-

стер Ньюкомен нашёл определённый метод. В его шедевре швы и ряды клёпок, соединяющие гнутые листы между собой, расходятся от макушки, как линии долгот. Под котлом бушует огонь, внутри пар под таким давлением, что не выдержи одна клёпка, Даниеля (как когда-то Дрейка) взорвёт к Богу в рай. Однако этого не происходит. Пар исправно качает воду, а излишки тепла согревают рудокопов. Пока всё работает, как задумано. Когда-нибудь Система даст сбой из-за погрешностей, которые вкрались в неё, несмотря на все усилия Каролины и Даниеля. Может быть, тогда потребуются волшебники нового рода. Но — может быть, потому, что он стар, и потому, что его ждёт шлюпка — остаётся признать, что какая-никакая система, пусть ущербная и обречённая, лучше, чем вечное барахтанье в ядовитом приливе ртути, из которого всё родилось.

Даниель завершил своё дело.

— Я отправляюсь домой, — говорит он.

Здесь заканчивается «Барочный цикл»

Всё сие я теперь опубликовал, не ради общественного блага (ибо не в моих слабых силах ему способствовать), но дабы потрафить брату-книгопродавцу. Прибыль в его ремесле зависит главным образом от числа отпечатанных экземпляров, а век наш стремится более к удовлетворению любопытства, нежели к пользе. Такого рода памфлеты могут расходиться, в то время как творения более глубокие и основательные останутся нераспроданными.

Джон Уилкинс

Послесловие

«Барочный цикл» был бы немыслим — в самом буквальном смысле слова, — если бы не усилия учёных, путешественников, рассказчиков, поэтов, художников, проповедников, памфлетистов, картографов и переводчиков от эры Уилкинса и Яна Коменского до нынешнего дня. Малая часть их перечислена ниже. Некоторые жили триста лет назад, другие живут сейчас. Мне немного страшно оглашать имена последних, поскольку теперь найти человека куда легче, чем раньше, и я опасаюсь, как бы им не стали докучать. Почти все, способные прочесть трёхтысячестраничный роман, *включая страницы благодарностей*, понимают, что не надо приставать к людям, на них упомянутым, но всегда есть редкие исключения: если вы из их числа, пожалуйста, оставьте этих людей в покое!

Ничто бы не началось, если бы не счастливая случайность: разговоре Джорджем Дайсоном и Стивеном Хорстом. Кардинальные изменения, столь же непредвиденные, были внесены Пирсом Бернсил-Холлом, высидевшим безобразно

длинную лекцию вашего покорного в Кембридже в 2002 году.

Следующие учёные (в алфавитном порядке) проделали работу, существенную для написания этой книги. Я хочу отдать им должное, хоть и осознаю, что тех из них, кто живёт сейчас и решит прочесть роман, может огорчить моя склонность постоянно злоупотреблять правом автора на художественную вольность. Это Фрэнк Доусон Адамс, Дэвид Андердаун, Джулиан Барбур, Брайан Беван, Питер Л. Бернстейн, Оливье Бернье, Дж. М. Битти, Роджер Ли Браун, сэр Арчибальд Гейки, Давид М. Гитлиц, Генри и Барбара ван дер Зее, Флориан Кайори, Дэвид Кан, Генри Кармен, Джон Мейнард Кейнс, Марк Кишлански, Меир Кон, Гейл Э. Кристиансон, Мария Кролл, Эндрю Лосски, Роберт К. Масси, Николас Мейхью, Бертран Рассел, Х. Стенли Редгроув, Джон Рид, Г. Симмс, Ли Смолин, Уильям Спенсер, Хью Томас, Ричард Уэстфолл, Д. Т. Уайтсайд, Морин Уолтер, А. Руперт Холл, Джон Э. Н. Херси, Барбара Дж. Шапиро, Ганс Георг Шульте-Альберт, Э. Дж. Эйтон, Морис Эшли. Хотя биография Гука, написанная Лайзой Джардин, вышла слишком поздно, чтобы повлиять на проект, её тоже следует упомянуть просто в надежде, что желающие больше узнать

об этом периоде прочтут книгу. А также Карла Циммера с его недавней биографией Томаса Уиллиса и Владимира Арнольда с его работой «Гюйгенс и Барроу, Ньютон и Гук».

Здесь нет места, чтобы упомянуть отдельные книги, но для нескольких я сделаю исключение; это «Цивилизация и капитализм» Фернана Броделя, шеститомная биография Мальборо сэра Уинстона Черчилля, невероятное «Путешествие вокруг света» Джованни Франческо Джемелл и Карери и все до единого скабрезные, циничные, злобные пасквили, когда-либо написанные Недом Уордом. Я рад, что Нед жил на свете и описал барочную Англию, а ещё больше, что он умер, не успев описать меня.

Очень много дали литераторы — современники описываемых событий: Джон Беньян, Ричард Ф. Бёртон (который хоть и жил позже, но тоже написал много полезного), Даниель Дефо, Джон Ивлин, Джордж Фаркар, Генри Фильдинг, (достонегоднейший) Джон Холл, Лизелотта, Джон Мильтон, Самюэль Пепис, герцог де Сен-Симон, Жан-Батист Тавернье, Жан де Тевено, Жозеф де ла Вега, Джон Уилкинс, наместник Тауэра Адам Уильямсон и переводчики Женевской Библии. И разумеется, Гук, Ньютон и Лейбниц. Однако

человек с моими слабыми способностями ни бельмеса не понял бы в трудах Лейбница без помощи исследователей, переводчиков, редакторов и составителей, таких как Роберт Меррихью Адамс, Х. Г. Александер, Роджер Эрью, Ричард Франкс, Дэниел Гарбер и Р. С. Вулхауз[12]. То же относится к «Началам Ньютона для простого читателя» Субрахманьяна Чандрасехара.

Некоторый долг в смысле, понятном только романисту, следует отдать покойным Дороти Даннет и Александру Дюма.

Отдельная благодарность спонсорам и сотрудникам музеев, особенно маленьких и необычных. Никого из них я не знаю по фамилиям, но вот некоторые музеи из числа самых интересных: комната Ньютона в Бэбсон-колледже Уэлсли, в Массачусетсе, дом Ньютона в Вулсторпе, музей Карнавале в Париже, музей Английского банка, Гаагский исторический музей, горный музей Верхнего Гарца и горная аптека в Клаусталь-Целлерфельде, музей-шахта в Веттельроде.

Бела и Габриэлла Боллобаши, Дуг Карлстон и

---

[12] Примечания: 12

Здесь переводчик, в свою очередь, должен упомянуть В. В. Соколова, редактора и составителя русского издания сочинений Лейбница, а также переводчиков Я. М. Боровского, В. Г. Крёбера, В. И. Преображенского, В. И. Свидерского, Г. М. Файбусовича и др.

Томи Пирс, а также Барри Кемп из «Коннел Карз» помогли мне получить доступ в такие места, которых я иначе не увидел бы (Боллобаши), не нашёл бы (Кемп) или в которых не сумел бы попасть (Карлстон и Пирс). Джордж Джусбери, а также Катрин и Гуго Дюранден в трудную минуту приходили на помощь. У Чарльза Макалиса нашлось что сказать по ирландской истории, у остальных членов Клуба исторической книги — по всем прочим темам. Грег Бир одолжил мне две книжки и терпел, когда время их невозврата растянулось на срок, который человек менее благородный расценил бы как воровство (теперь обе возвращены в присутствии многочисленных свидетелей).

Многие другие люди, сознательно или нет, внесли свой вклад в ту среду, в которой оказалось возможно затеять такой проект и не выглядеть при этом окончательно спятившим. Здесь я чувствую искушение перечислить имена многих физиков и математиков. Однако, оберегая их покой и не желая создавать впечатление, будто я хвастаюсь знакомством, я не стану этого делать. Довольно сказать, что у людей из Королевского общества, выведенных на этих страницах, есть много потомков и наследников, способных без

подготовки беседовать на такие темы, как монады, клеточные автоматы, спор о приоритете, абсолютное пространство и время, и что мне выпала честь некоторых из них знать. Они выказывали приятное удивление, узнав, что кто-то и впрямь хочет написать про такое роман, а я, в свою очередь, бывал приятно удивлён, обнаружив, что они готовы тратить своё время на подобные разговоры; итогом стало немало замечательных бесед.

С издательской стороны мне всячески помогали, проявляя нечеловеческое терпение на протяжении семи лет, Дженнифер Херши, Лиз Дархансофф, Дженнифер Брель и Рави Мирчандани.

Джереми Борнстейн, Алви Рей Смит и Лиза Голд прочли почти окончательный вариант книги и сделали ценные замечания. Двое последних вместе с картографом Ником Спрингером участвовали в создании карт, схем и генеалогических деревьев.

Речь лорда Жи в третьей части — честная попытка автора передать шотландский диалект начала восемнадцатого века. Если я напортачил, а вы настолько знаете шотландский, что заметили ошибки и хотели бы ткнуть меня в них носом, то учтите, что я на четверть Макфейл. Странные вибрации, которые вы ощущали подошвами в последние года два, — это сейсмические возмущения, вызванные тем, что мои предки переворачивались в могилах под Престонпансом и в других местах. Хуже того, последний предводитель клана — очевидно, не сторонник Ганноверов — был в 1715 году выслан в Виргинию, но умер по дороге. Дух его, вероятно, доныне скитается по морям и скорее всего не прочь вправить мне мозги. Таким окольным способом я хочу сказать, что прежде, чем высохнут чернила на странице, семья писателя (как нуклеарная, так и расширенная) немало от него натерпится. Им, близким, как всегда, главная моя благодарность.

Нил Стивенсон
Май 2004